

*Посвящается памяти моих родителей,
ушедших из жизни в год окончания работы над этой книгой*

В.Л. Агапов

**Перед катастрофой:
Россия в Первой мировой войне 1914–1918 гг.
в зеркале русского «толстого» журнала**

Монография

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета
2014

УДК 82-92
ББК 95
А23

Рецензенты:

Карпенко С.В., канд. ист. наук, доц.
Ущиповский С.Н., канд. филол. наук, доц.

Ответственный редактор:

Прудкогляд Т.В., канд. ист. наук, проф.

Автор:

Агапов В.Л., канд. ист. наук.

Агапов, В.Л.

А23 Перед катастрофой: Россия в Первой мировой войне 1914–1918 гг. в зеркале русского «толстого» журнала : монография / В.Л. Агапов ; [отв. ред. Т.В. Прудкогляд]. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – 188 с.
ISBN 978-5-906739-01-8

В книге рассматривается публицистика старейших русских журналов «Вестник Европы» и «Русское богатство» в период Первой мировой войны. Особое внимание уделяется журнальной дискуссии о причинах и характере войны, отношениях власти и общества, исторических судьбах самодержавия и демократии в России. Так как политические и социально-экономические проблемы, вызвавшие революционный взрыв 1917 года, в нашей стране остаются во многом не решенными до сих пор, то рассуждения о них дореволюционных публицистов также не утратили актуальности.

УДК 82-92
ББК 95

ISBN 978-5-906739-01-8

© Агапов В.Л., 2014
© Издательство Дальневосточного
университета, оформление, 2014

*Dedicated to my beloved parents
who passed away as this book was completed
Their love and inspiration continue to guide me every day*

Vadim L. Agapov

**Before the catastrophe:
Russia in World War I 1914–1918
in the mirror of russian «thick» magazine**

Monograph

Vladivostok
Far Eastern University Press
2014

UDC 82-92
BBC 95
A23

Reviewers:

Karpenko S.V., Ph.D. in History, docent.
Uschipoovsky S.N., Ph.D. in Philology, docent.

Managing editor:

Prudkoglyad T.V., Ph.D. in History, Professor.

Author:

Agapov V.L., Ph.D. in History.

Agapov, Vadim. L.

A23 Before the catastrophe: Russia in World War I 1914–1918 in the mirror of russian «thick» magazine : monograph / Vadim L. Agapov ; [man. ed. T.V. Prudkoglyad]. – Vladivostok : Far Eastern University Press, 2014. – 188 p.
ISBN 978-5-906739-01-8

This monograph deals with publicism of the Russian magazines “Vestnik Evropy” and “Russkoe bogatstvo” in the First World War period. It pays special attention to the magazines’ debates about the nature of war, relations between the government and society, the historical fate of autocracy and democracy in Russia. As the political and social-economic problems that caused the revolutionary explosion in 1917, are not solved until now, the issues raised by the pre-revolutionary publicists, have not lost their relevance.

UDC 82-92
BBC 95

ISBN 978-5-906739-01-8

© Vadim L. Agapov, 2014
© Far Eastern University Press,
decor, 2014

Содержание

Предисловие.....	6
Часть I. «Вестник Европы».....	10
1.1. История.....	10
1.2. Сотрудники.....	13
1.3. «В союзе с передовыми нациями». Первый год войны в публицистике «Вестника Европы» (1914–1915 гг.).....	19
1.4. «Болезненно нужен внутренний мир». Второй год войны в публицистике «Вестника Европы» (1915–1916 гг.).....	36
1.5. «Крушение старого строя». 1917 год в публицистике «Вестника Европы».....	57
Часть II. «Русское богатство».....	75
2.1. История.....	75
2.2. Сотрудники.....	89
2.3. «Две стены». Публицистика журнала «Русское богатство» с начала 1914 г. до закрытия журнала.....	95
2.4. «Четверть лошади». Публицистика журнала «Русские записки» в 1915–1916 гг.	107
2.5. «Были правительством, но не сумели стать властью». А.Б. Петрищев о судьбе русской революции.....	140
Заключение.....	147
Примечания.....	153

Предисловие

В системе российской прессы XIX в. важнейшую роль играл толстый ежемесячник или журнал «обычного русского типа». Самыми общими характеристиками издания этого типа являлись объем (до 300–500 страниц) и совокупность тем, находящихся в сфере его внимания. Каждый номер соединял в себе литературный сборник, политическую газету и своеобразную научную энциклопедию. Такой журнал был оптимальным для России и почти век был господствующим в системе русской журналистики. Он был ориентирован на провинцию. Как пишет С.Я. Махонина, в России с её огромными и малонаселенными территориями, редкими оазисами культуры, при отсутствии хороших дорог и нехватке книг журнал стал единственным поставщиком и художественной литературы, и сведений о злободневных событиях, и сообщений о достижениях науки¹. На рубеже XIX и XX вв. «медлительность» толстых изданий, отсутствие у большинства из них ярко выраженной партийной ориентации стали причиной разговоров о том, что их время прошло². Развитие газет отодвинуло журнал с первого места в системе прессы. В связи с дифференциацией журналистики, появлением специализированных изданий из под обложки традиционного журнала стали уходить наука, художественная литература, театральные и художественные рецензии. Тем не менее и после первой русской революции журнал «обычного русского типа» все еще продолжал оставаться влиятельным периодическим изданием³.

Классическому типу толстого журнала в XX в. остались верны «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русская мысль», «Мир божий» и пришедший ему на смену в 1906 г. «Современный мир», «Современник» и некоторые другие (не слишком многочисленные) издания. Некоторые из них просуществовали до 1917 и даже до 1918 г. Их судьбу решили бурные события первой мировой и гражданской войн, не оставившие большинству старых изданий шанса выжить в новых исторических условиях.

Первая мировая война нанесла ощутимый удар журналистике всех воюющих стран. За время войны количество газет и журналов в Западной Европе уменьшилось почти в два раза. Объём оставшихся газет сократился из-за нехватки бумаги. В содержательном плане газеты стали более однообразными. Все они так или иначе выступали за единение своих наций перед лицом противника. Власти оказывали давление на редакторов и журналистов с целью побудить их поддерживать военную политику своего правительства. Журналистика приобрела пропагандистскую направленность⁴. Участие газет в распространении военной пропаганды дало их владельцам в вознаграждение положение в обществе и политическую власть. Но в конце концов такая политика одностороннего освещения событий и сокрытия правды подорвала доверие публики к прессе⁵.

В воюющих странах была введена жёсткая цензура. Законы военного времени широко использовались властями для затквания ртов неугодной прессе.

Оппозиционные издания подвергались репрессиям. В одной России были сразу же закрыты около 80 газет и журналов⁶.

Не остались в стороне от трудностей военного времени и традиционные журналы. **Цель нашей работы** – анализ военной публицистики двух журналов «обычного русского типа» – «Вестник Европы» и «Русское богатство». Выбор обусловлен, с одной стороны, схожестью традиций этих изданий (постоянный на протяжении многих лет состав авторов, ориентация на интеллигентного читателя, оппозиционный к власти характер), а, с другой стороны, различием в их направлениях (соответственно, конституционно-либеральное и народническое, склоняющееся к либеральному). Указанное различие являлось причиной неодинаковых подходов обеих редакций к освещению общественно-значимых тем. Таким образом, «Вестник Европы» и «Русское богатство» могут дать представление об эволюции мнений качественной российской прессы, о конфликте

власти и общества и, в конечном счёте, о складывании революционной ситуации в России в годы первой мировой войны.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней **впервые** в таком объёме представлена и проанализирована русская либеральная публицистика последних трёх лет Российской империи. Поскольку социальные, экономические и политические проблемы, становившиеся 100 лет назад темами для статей постоянных авторов «Вестника Европы» и «Русского богатства», не потеряли, к сожалению, актуальности для современной России, изучение этих журналов представляет далеко не только исторический интерес.

Вполне естественно, что основным **источником** послужили подшивки «Вестника Европы» и «Русского богатства» периода первой мировой войны.

Выбор именно этих изданий для анализа дополнительно объясняется следующим соображением. Хотя ни «Вестник Европы», ни «Русское богатство» не относились к числу многотиражных изданий, они были достаточно широко распространены по всей России. Так, отчёт за 1914 г. владивостокской городской библиотеки-читальни имени Н.В. Гоголя показывает, что из 1014 номеров журналов, выданных на дом подписчикам в этом году, «Вестник Европы» и «Русское богатство» стояли в числе семи наиболее востребованных. Первый был выдан 89 раз, второй – 135 раз⁷. Если считать, что одни и те же люди брали на дом все номера, выходявшие за год, то аудитория каждого номера «Вестника Европы» в этой библиотеке составит 7,5 человек, «Русского богатства» – 15 человек, что примерно соответствует разнице в тираже этих журналов. Следует помнить, что, помимо указанной публичной библиотеки, журналы выписывали некоторые местные учреждения (например, библиотека Корпуса пограничной стражи) и частные лица.

Хронологические рамки нашей работы не совпадают в точности с хронологией первой мировой войны, которая началась 28 июля 1914 г. и завершилась 11 ноября 1918 г. Желая показать

особенности предвоенной публицистики журналов (что позволяет лучше охарактеризовать сами издания и взгляды их авторов), мы изучали подшивки «Вестника Европы» и «Русского богатства» с января 1914 г. Верхняя граница хронологических рамок работы – осень 1917 г. – определяется произошедшими к этому времени изменениями политической обстановки, быстрым развалом российской государственности и переходом для России империалистической войны в войну гражданскую, период которой является темой для другой работы.

Структура работы подчинена проблемно-хронологическому принципу. В ней две части, каждая из которых посвящена одному из выбранных журналов. Текст дополняется иллюстрациями: photographиями редакторов и сотрудников журналов, обложек, титульных листов и отдельных страниц номеров «Вестника Европы» и «Русского богатства» за 1914–1917 гг.

Часть I. «Вестник Европы»

1.1. История

Старейшим из классических толстых журналов XIX века накануне первой мировой войны оставался «Вестник Европы». История его началась ещё в 1866 году, когда пять опальных профессоров Петербургского университета – М.М. Стасюлевич, К.Д. Кавелин, А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович и Б.И. Утин, – вынужденных уйти в отставку из-за несогласия с политикой правительства в области образования, выпустили новый журнал, названный «Вестником Европы» в память о журнале с тем же названием, выходившем в начале XIX в. под редакцией Н.М. Карамзина. Издателем стал М.М. Стасюлевич, бывший преподаватель кафедры всеобщей истории Петербургского университета.

Новый «Вестник Европы» сначала был научным журналом, выходившим один раз в три месяца; подписная цена назначалась в 8 рублей серебром. Издание было убыточным. Стасюлевич брал в долг, сокращал личные расходы. Он объявил о расширении программы, то есть о превращении специализированного издания в универсальное. С 1868 г. «Вестник Европы» стал выходить один раз в месяц с подзаголовком «журнал истории, политики и литературы», подписная цена увеличилась вдвое. Журнал принадлежал к либеральному направлению. Высшим достижением России «Вестник Европы» считал реформы 1860-х гг. Его идеалом было постепенное, без революционных потрясений, переустройство страны. Солидное издание, со спокойным академическим тоном и аргументированностью статей пользовалось популярностью среди русской интеллигенции. В 1868 г. у журнала было уже 3500 подписчиков, и он вышел из разряда убыточных⁸.

В «Вестнике Европы» стали печататься художественные произведения. Авторами беллетристического отдела были А.К. Толстой, И.А. Гончаров (в 1869 г. журнал печатал «Обрыв», вызвавший немало споров), И.С. Тургенев, А.Н. Остров-

ский, К.М. Станюкович, А.А. Фет и др. В конце 1880-х гг. здесь появились новые имена: З.Н. Гиппиус, И.А. Бунин, Д.С. Мережковский. В «Вестнике Европы» были напечатаны воспоминания И.И. Панаева, П.В. Анненкова, И.А. Гончарова, переводные произведения Ауэрбаха, Шиллера, Лессинга, Ибсена. Причем переводы были высокого качества⁹.

Литературной критикой в журнале ведали В.В. Стасов, К.К. Арсеньев, А.Н. Пыпин, П.В. Анненков, А.Н. Веселовский. Авторами научно-популярных статей были историки Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, физиологи И.И. Мечников, И.М. Сеченов. Иностранным отделом с 1870-х гг. заведовал В. Корш, бывший редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости». У журнала были иностранные корреспонденты, «Вестник Европы» постоянно публиковал их «письма» из Лондона, Парижа, Стокгольма. Публицистический отдел вели Л. Полонский, В.С. Соловьев, М. Цебрикова. Автором внутренних обзоров с 1880-х гг. стал К. Арсеньев¹⁰.

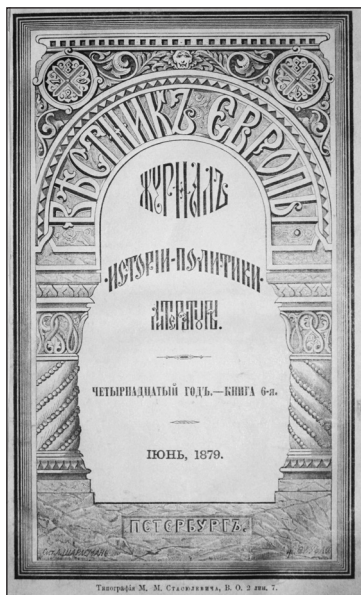
Особой публицистичности журнал достиг в 1880-е гг. В любом из отделов журнала (особенно во внутриведомственных обзорах) проводилось требование продолжения реформ. Публицисты «Вестника Европы» поддерживали идею европеизации России, критиковали недостатки существовавшего государственного строя, пропагандировали необходимость избавления печати от административного произвола.

Цензурные строгости (вырезка страниц, арест номеров, выговоры и т.п.) заставляли Стасюлевича усиливать самоцензуру в журнале, возвращая авторам статьи (по цензурным, идеологическим, эстетическим и др. причинам). Положение ухудшилось с наступлением эпохи контрреформ Александра III. Однако выход журнала никогда не приостанавливался, в отличие от большинства других русских периодических изданий. Его спасал «скучный» доктринальный тон публикаций, стремление воздержаться от крайностей «Отечественных записок» и «Русского вестника»¹¹. Такая умеренность приводила к падению

популярности журнала. В 1884 г. правительство закрыло «Отечественные записки», редактор Салтыков-Щедрин предложил ряду журналов принять на себя удовлетворение подписчиков. Из 7000 подписчиков «ОЗ» 4500 пожелали получать «Русскую мысль» и только 100 – «Вестник Европы». Ещё в середине 1890-х гг. тираж «Вестника Европы» равнялся 7000 экземпляров, к концу этого десятилетия – 6000, а к 1908 г. – 4000.

Поглощенный в течение многих лет изданием своего журнала, М.М. Стасюлевич находил время и для участия в общественном самоуправлении Петербурга, неоднократно избирался гласным губернского земства. «Усердно работая по всем общим вопросам этого самоуправления, участвуя в заседаниях городской думы и тех ее комиссий, в которых он бывал членом и председателем... он заработал себе завидное право сказать, что послужил и городу Петербургу и народному образованию всеми силами души»¹². М.М. Стасюлевич не принял революцию 1905 г. «Куда же мы идем? – писал он. – Россия, можно подумать, хочет покончить свою историю – самоубийством!!»¹³ В октябре 1908 г. из-за нараставшей слепоты 82-летний Стасюлевич сложил с себя обязанности редактора-издателя «Вестника Европы». Новым редактором стал К.К. Арсеньев, издателем – М.М. Ковалевский, которые в обращении к читателям обещали сохранить верность выбранному пути, расширяя свой кругозор и отзываясь на главные запросы жизни¹⁴.

В журнале заботливо сохранялись черты солидного либерального издания, каким «Вестник Европы» зарекомендовал себя ещё в XIX веке. Это подчёркивали десятилетиями неменяющееся оформление титульного листа, характерное для ежемесячников ушедшего века расположение материалов в номере, неизбежность политической платформы: журнал именовал себя «внепартийным» и после революции 1905–1907 гг. не пытался участвовать непосредственно в политической жизни¹⁵.

«Вестник Европы». 1879 год

«Вестник Европы». 1914 год

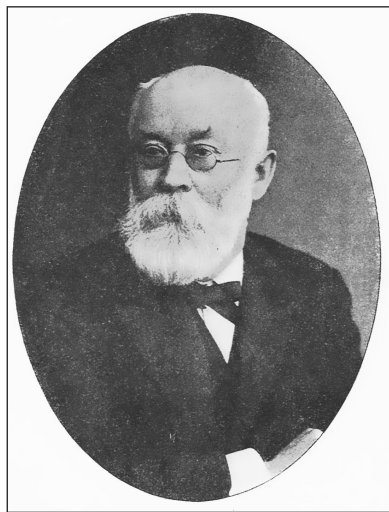
1.2. Сотрудники

Прежде чем приступить к рассмотрению истории последних лет журнала, следует хотя бы кратко остановиться на составе его редакции.

С 1913 г. соредактором К.К. Арсеньева стал Д.Н. Овсянко-Куликовский. С 1914 г. журналом руководили три соредактора: Арсеньев, Овсянко-Куликовский, А.С. Посников. С октября 1916 г. журнал выходил под редакцией Д.Д. Грима и Овсянко-Куликовского «при ближайшем участии» Арсеньева и Посникова. Последним издателем журнала после смерти в апреле 1916 г. М.М. Ковалевского стал Д.Н. Овсянко-Куликовский. Ведущими отделов были В.Д. Кузьмин-Караваев, Л.З. Слонимский. В начале 1916 г. средний возраст семи перечисленных авторов составлял 64,2 года (от 51 до 79 лет), что

может объяснить свойственный журналу принципиальный консерватизм.

Редактором являлся Константин Константинович Арсеньев (1837–1919) – адвокат, общественный деятель, публицист, с 1900 г. почетный академик Петербургской Академии Наук, представитель старшего поколения русских журналистов. С 1858 г. он сотрудничал с «Русским вестником», с 1862 г. был постоянным сотрудником «Отечественных записок», где заведовал иностранным отделом. В «Санкт-Петербургских ведомостях» Корша также занимался иностранной политикой. В 1850–80-х гг. Арсеньев сочетал свою литературную деятельность с адвокатской практикой. Он имел большой авторитет в среде журналистов, и его даже называли «совестью русской журналистики». В «Вестник Европы» он пришел в год его основания, с 1880 г. вёл в нем отделы «Внутреннее обозрение» и «Общественная хроника» (последний отдел в 1905 г. был передан Н.Д. Кузьмину-Караваеву, тоже юристу, но военному, депутату Государственной Думы)¹⁶. Перед Первой мировой войной оба этих отдела подверглись дальнейшей реорганизации.

К.К. Арсеньев

Издателем журнала с 1908 по 1916 г. был крупный специалист в области истории, социологии и права, один из руководителей русского масонства, академик Петербургской Академии Наук Максим Максимович Ковалевский (1851–1916). Современники называли его «русским европейцем». «Это – типичный русский барин, хороший и добрый, умный и либеральный, истинный европеец, которому чуждо многое специфически русское в нашей духовной культуре... – вспоминал Овсянико-Куликовский. – Видно было, что Белинский, Добролюбов, Чернышевский не значатся в родословной его духа». Ковалевский ежегодно печатал в «Вестнике Европы» до 10 работ¹⁷.

М.М. Ковалевский

После смерти Ковалевского в апреле 1916 г. издателем стал Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский (1853–1920), заведовавший беллетристическим отделом журнала. Профессор четырех университетов, почетный член Петербургской Академии

Наук, он был крупной фигурой в литературоведении¹⁸. В частности, он состоял в длительной переписке с А.М. Горьким.

Секретарём «Вестника Европы» являлся Леонид-Людвиг Зиновьевич Слонимский (1850–1918), сын еврейского изобретателя Я.З. Слонимского (Хаима Зелика) и выпускник юридического факультета Киевского университета. С 1872 г. печатал статьи в «Судебном вестнике» и «Судебном журнале», позднее в «Журнале гражданского и уголовного права». В 1875–1879 гг. вел политический отдел в газете «Русский мир», в 1881–1882 гг. в газете «Порядок». Постоянным сотрудником «Вестника Европы» стал в конце 1882 г., и с января 1883 г. вёл в нем отдел «Иностранное обозрение». Многочисленные статьи Слонимского посвящены главным образом вопросам экономическим и общественно-политическим. Он защищал общину, но оспаривал, однако, теории и выводы народников; восставал против односторонней промышленной и финансовой политики, направленной к искусственному обогащению капиталистов в ущерб народному земледелию и рабочему классу; доказывал логическую несостоятельность доктрины Маркса и его последователей. С 1886 г. помещал в «Вестнике Европы» статьи о праве и беспорядке войны, о вечном мире и т.п.

Отделом «Вопросы внутренней жизни» заведовал Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев (1859–1927), сын генерала, выпускник Военно-юридической академии (1883 г.). Сделал карьеру в военно-судебном ведомстве. Генерал-майор (1901 г.). Вышел в отставку в 1905 г. Избирался гласным Тверского земства и Санкт-Петербургской городской думы, депутатом Государственной Думы первого и второго созывов от своей родной Тверской губернии. Получил известность благодаря выступлению против смертной казни. С 1908 г. профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета. С 1909 г. также присяжный поверенный (адвокат) Санкт-Петербургской судебной палаты, где выступал защитником на многих политических процессах того времени.

В.Д. Кузьмин-Караваев

«Вестник Европы» под новой редакцией значительно расширил круг тем и пытался, расширив хроникальный отдел, преодолеть ту медлительность и громоздкость, в которой упрекали «толстые» журналы критики. Поскольку все его ведущие обозреватели являлись профессиональными юристами, вопросы законодательства занимали в «Вестнике Европы» почётное место. Много внимания журнал уделял и деятельности Государственной Думы. Думские отчеты писал Кузьмин-Караваев. С 1909 г. в журнале появилась новая рубрика – «Провинциальное обозрение». Ее вёл Иван Васильевич Жилкин – известный саратовский журналист, депутат Государственной думы первого состава (как и Кузьмин-Караваев), один из организаторов и руководителей группы трудовиков. Большая часть материалов отдела строилась на впечатлениях самого автора, полученных во время поездок по стране. С приходом Д.Н. Овсянико-Куликовского значительно повысился уровень беллетристического

отдела – на его страницах появились имена людей, сотрудничество которых в «Вестнике Европы» раньше было невозможным. С 1912 г. в журнале печатались произведения А.М. Горького и И.А. Бунина. С 1913 г. Горький и Бунин стали постоянными авторами журнала.

В 1911 г. изменился подзаголовок журнала, который теперь гласил: «Журнал науки, политики и литературы». Расширились информационные и научные отделы журнала. Так, наука оказалась на первом месте, заменив историю, а литература оказалась на последнем месте. Со временем уже и науку начала обгонять политика. Отдел «Хроника» значительно расширился. К нему относились «Обозрения», статьи, освещавшие проблемы внутренней и международной жизни, теоретические публикации. Из 400 страниц журнального текста 140–180 отводилось «Хронике». Изменился принцип вёрстки хроникальных статей, они стали печататься одна за другой, в подборку, без переноса начала новой статьи на новую страницу. Расширяя хронику, журнал стремился дать читателю, если не оперативную, то более подробную информацию о современной жизни¹⁹.

Основные публицистические отделы – «Из общественной хроники» и «Внутреннее обозрение» – постепенно слились, образовав новый отдел «Вопросы внутренней жизни». Кузьмин-Караваев вел его в журналистском репортажном стиле, в отличие от Арсеньева, писавшего традиционно теоретические статьи. Сам же Арсеньев с этого времени выступал с авторскими статьями («На темы дня»).

Под влиянием революции «Вестник Европы» теснее сблизился с русской жизнью. Но не изменился в главном. В.И. Ленин писал: «Есть направление в “Вестнике Европы” – плохое, жидкое, бездарное, направление, служащее определенному элементу, известным слоям буржуазии, объединяющее тоже определенные круги профессорской, чиновничьей и так называемой интеллигенции из “приличных” (желающих быть приличными, вернее) либералов»²⁰. Отдавая дань славному про-

шлomu журнала, но в том же ключе высказался и Л. Троцкий в статье «Судьба толстого журнала» в 1912 г.: «“Вестник Европы” остался фактически в стороне от политического развития. Это позволило ему сохранить довольно широкую “терпимость”, благодаря которой под одной и той же обложкой умереннейшие либералы уживаются с радикалами и даже социалистами. Бок-о-бок с г-ном Слонимским, который и сейчас не упускает случая обругать не только марксиста, но и тещу его, г-н Бланк в самых почтительных выражениях пересказывает переписку Маркса с Энгельсом... Но – увy! – продолжал далее Троцкий. – это терпимость безответственная. Кто, в самом деле, читает “Вестник Европы” как свой журнал? Кто строит по “Вестнику Европы!” своё мирозерцание? Кто станет, наконец, ориентироваться по “Вестнику Европы” в политике русского либерализма? Никто!»²¹

Слова классиков русской социал-демократии подтверждают и объективные данные. Журнальная статистика давала 6392 подписчика на 1905 г., 5291 – на 1906 г. Журнал имел в среднем 6000 подписчиков²², на уровне специальных историко-литературных журналов типа «Русской старины»²³.

1.3. «В союзе с передовыми нациями». Первый год войны в публицистике «Вестника Европы» (1914–1915 гг.)

Темой нашего исследования является проблематика «Вестника Европы» в период Первой мировой войны. Источником послужил полный комплект журнала за 1914–1917 гг. из библиотеки ДВФУ. За исключением литературного отдела и библиографии все номера изучались полностью. В современном источниковедении получает распространение точка зрения, согласно которой периодическая печать – не особый вид исторического источника, а место и способ публикации разнообразных повествовательных источников²⁴. В журнале типа «Вест-

ника Европы» наиболее широко представлена публицистика. Поэтому именно публицистические статьи основных авторов стали объектом изучения.

Типичный номер «Вестника Европы» в 1914 г. открывался литературным отделом. Здесь печатались оригинальные и переводные романы, повести и стихотворения, которые все вместе занимали до половины объема номера (в №1 – 230 страниц). Следом шел отдел науки, в котором публиковались статьи, документы, воспоминания. Все публикации были пронумерованы латинскими цифрами. Ключевые отделы: «Провинциальное обозрение», «Иностранное обозрение» и «Вопросы внутренней жизни» располагались ближе к концу номера (в №1 соответственно под №№ XVIII, XXI и XXIV). Дополнением к ним служили авторские статьи, литературное обозрение, некрологи.

До сараевского кризиса лета 1914 г. авторы «Вестника Европы» чаще всего писали на темы внутренней жизни страны. И.В. Жилкин в «Провинциальном обозрении» обвинял администрацию в борьбе с культурным обновлением страны, предсказывая России гибель, «если только страна надолго останется в прежнем культурно-политическом тупике, если не будет дан простор народному развитию в школах, земствах, в разнообразных попытках самодеятельности...»²⁵

В том же январском номере Кузьмин-Караваев в «Вопросах внутренней жизни» рассуждал о том, что «1914-й год не сулит ничего крупного в нашей общественно-политической жизни... если не произойдет каких-либо неожиданных внешних событий». Наступления этих событий автор не предвидел, потому что «промышленный век сделал европейские международные отношения гораздо менее нервными, чем кажется»²⁶.

В России всё будет по-старому – таков лейтмотив статьи. «В отношении развития законодательства дело едва ли сдвинется с мертвой точки... То, что происходит в Таврическом дворце, давно стало лишь слабым показателем совершающегося вне его стен. Пульс общественно-политической жизни бьётся не в

Государственной Думе. Его биение, пожалуй, гораздо слышнее на всевозможных съездах...» Пока Дума была занята рассмотрением второстепенных вопросов, «на местах шла незаметная культурная работа», результаты которой «стали прорываться». «Общественное настроение нарастает... Отношение власти к проявлениям общественного движения останется по-прежнему охранительно-искоренительным. Будут сыпаться кары на печать. Будут запрещаться общественные собрания»²⁷.

Кузьмин-Караваев критиковал средства, которые правительство использовало для нейтрализации парламента – заваливание Думы маловажными законопроектами и постоянное использование 87-й статьи Основных законов, предназначенной для принятия неотложных решений в период, когда Дума не работает. По этому поводу он писал: «Государственная Дума обращается в законодательное учреждение для “малых” дел. Нужен в уездном городе лишний полицейский надзиратель или в лазарете лишняя повивальная бабка, основные законы получают неуклонное применение... То же самое пунктуально соблюдается в отношении ассигнования не предусмотренных сметой кредитов на тысячи, а случается, и на сотни рублей. Но как только вопрос касается прав населения, хотя бы желательная для исполнительной власти мера вызывала расход в миллионы, сложный законодательный порядок упрощается, и мера становится нормой помимо её рассмотрения в учреждениях, для того существующих»²⁸.

В статье подробно разбирался случай с изобретением министерством внутренних дел нового вида преступления – «озорства», – проект закона о котором до сих пор не был внесен в Думу, хотя приговоры за «озорство» уже начали выноситься.

Результатом такой политики, по мнению либерально настроенного автора «Вестника Европы», была изоляция правительства от передовых общественных сил. «Вопросы внутренней жизни» пестрели фразами: «законодательная деятельность в стране остановилась», «разлад между правительством и обще-

ством обострился уже до последней степени», «всеобщее недовольство – характернейшая черта разлитого сейчас во всех слоях общества настроения», «правительство изолировано». В марте 1914 г. Кузьмин-Караваев заключал: «Государственный корабль дрейфует»²⁹.

Постоянной темой «Вестника Европы» было правовое положение русской печати. Л. Слонимский в статье «Борьба с печатью» критиковал применявшиеся правительством меры административного воздействия на «злосчастную русскую журналистику» и писал: «Независимые органы нашей печати... подвергаются в одно и то же время преследованиям и ударам со стороны трех ведомств – цензурного, полицейского и судебного». Он считал это «борьбой не против злоупотреблений печати, а против самой печати»³⁰. Тот же вопрос затрагивался И.В. Жилкиным. Не без юмора рассказав о том, как саратовский губернатор А.А. Ширинский-Шихматов – любитель «штрафов и привлечений к суду» – объявил себя «черносотенником», автор «Провинциального обозрения» далее утверждал, что «правые газеты и правые организации недаром повсюду служат предметом общего посмешища... И губернатор, объявивший себя черносотенником, неизбежно должен был сделаться живым ходячим анекдотом»³¹.

Изредка журнал обращался к обзору публикаций зарубежной прессы на военную тематику. В апрельском номере 1914 г. «Иностранное обозрение» началось статьями «Воинственные толки в Европе и их значение», «Газетные патриоты о внешней политике»³². В них Слонимский писал, что «самая успешная и победоносная война является величайшим и ужаснейшим бедствием для народа, и никто не может ожидать или встречать её спокойно, под влиянием уверенности в победе». Впрочем, в других номерах он критиковал внешнюю политику России за её «уступчивость», «неопределенность» и «непоследовательность в Балканском вопросе»³³, за нежелание действовать решительнее в союзе с Англией и Францией. И заявлял, что «Россия утра-

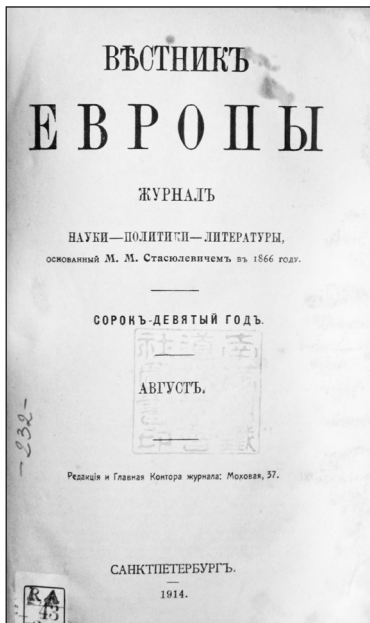
тила последние остатки своего авторитета на Балканах», «упадок влияния России в Европе замечается на каждом шагу», а «господствующие политические партии во Франции давно уже тяготеют русским союзом»³⁴. Помимо Балканского вопроса, в журнале затрагивалась проблема Эльзаса и Лотарингии, служащая «очагом ненависти, источником постоянной опасности и боязни новой войны, новых жертв и ужасов». Отдельные статьи посвящались настроениям в этих провинциях³⁵ и их роли в германо-французских отношениях³⁶.

В первой половине 1914 г. публицисты «Вестника Европы» в целом оптимистично оценивали возможности невоенного урегулирования спорных вопросов в международных отношениях. В январском номере В.Д. Кузьмин-Караваев писал, что «промышленный век сделал европейские международные отношения гораздо менее нервными, чем кажется»³⁷. В мае автор «Иностранного обозрения» выражал удовлетворение от того, что английская печать не выразила сочувствия опубликованному в «Times» откровенно антигерманскому письму французского историка Эрнеста Лависса³⁸. В июне Л.З. Слонимский в авторской статье «Военная опасность» призывал Францию «примириться с фактом принадлежности Эльзаса – Лотарингии к составу Германской империи», так как вернуть их можно только посредством войны с Германией, а «идея войны противоречит всем жизненным интересам и стремлениям Эльзаса и Лотарингии»³⁹.

В июльском номере «Вестника Европы» «Иностранное обозрение» почти целиком посвящено убийству 14 июня 1914 г.⁴⁰ в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда. Описание убийства сопровождалось рассказом о судьбе других представителей династии Габсбургов, смерти предыдущего наследника эрцгерцога Рудольфа и его матери. «Симптомы разложения одной из древнейших династий в Европе причиняли много горя императору Францу-Иосифу; и он остался без семьи, без близких родных, одинокий в своем

дворце». «Несомненно, — писал далее Л.З. Слонимский. — что смерть эрцгерцога Франца-Фердинанда имеет значение крупного политического события не только для Австро-Венгрии, но и для Европы...» «Политическое положение в Европе давно уже не было так натянуто и серьёзно, как в настоящее время». Однако, рассказывая о военных ассигнованиях и новых вооружениях во всех странах, автор отдела продолжал надеяться, что всё удастся решить миром, и призывал «хладнокровно оглядеться вокруг», чтобы «легко убедиться, что ни нам, ни другим народам не угрожают никакие внезапные неприятельские нападения»⁴¹.

С августовского номера 1914 г. война стала постоянной темой на страницах «Вестника Европы». Во всех политических материалах журнала проводилась мысль о справедливом и оборонительном для России характере войны.

Титульный лист.
Август 1914 года

СОДЕРЖАНИЕ.	
КНИГА ВОСЬМАЯ—АВГУСТЪ.	
	СТРАНИЦЪ.
I. ВЪ РАБОТНОМЪ МѢСЯЦѢ.—(Изъ жизни встречъ).— П. Боборикина	5
II. МОЕМУ ОТЕЦУ.—Статьи.—Екатерини Герцогъ	76
III. ЗАРЯ ЖИЗНИ.—Новель.—А. Федорова	77
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Бориса Садовскаго	132
V. ФРАНЦІЯ ВЪ ОЖОКУ ВОЗРОЖДЕНІЯ.—Глава II. Восторженный бѣгъ Франціи въ зону Возрожденія.—Масиса Новелласкаго	133
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Валерія Явцкаго	178
VII. СИСТЕМА ВЫЖИВАНІЯ ПОТА И БОРЬБА СЪ НЕЮ.—П. Повороскаго	179
VIII. НА БАЛКАНАХЪ.—Очерки.—З. Вершинскаго	208
IX. УКРАИНОКА И ОБЩЕУКРАИНСКІЯ ОБИТАНІЯ.—Левъ Делвичъ	209
X. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Бориса Садовскаго	234
XI. ВЪДЫМЪ НОЧЬ.—Романъ Юліана Бювера. — Омовленіе.—Перев. З. Муравской	235
XII. ХРОНИКА.—ГРАНИЦЫ ПРИБЛИЖАЮТСЯ.—(Писемко изъ Лондона).—Дювоа	273
XIII. ПРАЗДНИКЪ НАЦИОНАЛЬНАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ.—(Писемко изъ Берлина).—А. Демьяновскаго	288
XIV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРИБЛИЖЕНІЕ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНІЯ.—Берлина	313
XV. НАРЧАНАЛЬ ВЪНЪ ВАЙРЕЙТА.—Викторъ Вальтера	326
XVI. КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНІЯ.—Масиса Новелласкаго	332
XVII. ФАКТАЛЬНЫЙ СЪЮЗЪ.—В. Савинскаго	340
XVIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новая книга о Пушкинѣ. 1) Пушкинскіе. Историко-литературная сборникъ подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. 2) Пушкинъ въ печати 1814—1837. Составили И. Савинскій и М. Шаховскій. — В. Кавана. — Андрей Малея. (Изъ письма до гонимъ гусей. Ivan Goltshofsky. 1812—1891). Рига, 1914. — Ч. Вѣтрискаго.—Е. В. Анхельскій. Извѣстия и Државна Руска. — Ф. Б. — А. И. Карповичъ. — Очерки реальной жизни въ Италіи XIII и XIII вв.—О. Доблявъ.—Рождественскій.—П. И. Либанскій. Памяти трехъ русскихъ криминалистовъ И. И. Фелицкаго, П. А. Дьяка, П. Я. Серфесскаго.—Бориса Шацаго.—И. Е. Прозоровъ. Исторія казавель въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа.—А. Т.—А. И. Дроздъ. Астрономическая мораль и ея психологическое обоснованіе.—Малея Малея. Назва къ землѣ. Авторизованный переводъ съ французскаго М. Тана. Подъ редакціей съ редакціей В. С. Точкова.—В. В.	
XIX. ПРОИЗВОДСТВЕННАГО ОБОЗРѢНІЯ.—Отзывъ агронома о устроиваніи Новгородскаго уѣзда.—Отношеніе къ курсорной реформѣ администраціи и печати.—Нужна курсоръ въ школѣ и церкви.—Смыслъ административнаго предостереженія.—Прямъ духъ форма бѣга на явля.—И. Малея.	374

Содержание.
Август 1914 года

Слонимский в статье «Фатальный союз» писал, что война началась по вине Австрии, которую поддержала Германия. Германско-австрийский союз он назвал «источником хронической тревоги в Европе», противопоставляя ему «оборонительный» франко-русский союз⁴². Не названный автор «Иностранного обозрения» (по всей видимости, тот же Слонимский) так описывал начало военных действий: «Около 5 или 6 миллионов солдат будут участвовать в битвах, предстоящих в разных местах Европы. Обычная хозяйственная жизнь народов приостановилась и замерла; промышленность и торговля парализованы; банки и кредитные учреждения закрываются или сокращают свои операции, фабрики и заводы большей частью перестают действовать или значительно ограничивают свою деятельность; дороговизна съестных припасов и отсутствие их подвоза угрожает населению голодом»⁴³. Этот апокалиптический прогноз выбивается из общего тона августовского номера, напоминая о предсказании варшавского банкира И. Блоха, сделанном в 1898 г. в книге «Будущая война и ее экономические последствия». Далее автор «Иностранного обозрения» разбирал приведшую к войне последовательность событий и доказывал читателю, что именно «по воле Вильгельма II, Франца-Иосифа и их приближенных... мировая война... стала действительностью...»⁴⁴ «Желание престарелого австрийского монарха устроить грандиозную тризну по убитом наследнике престола, возвещенное на тридцатый день после убийства, удовлетворено в полной мере»⁴⁵. Прусской военной партией, «не уважающей другого права, кроме права силы», запущен «великолепно, по-видимому, оборудованный и подготовленный к делу чудовищный механизм войны», и в результате «Германское правительство очутилось в положении войны почти со всей остальной Европой... Против политики грубой силы и отрицания права поднялась ещё большая коллективная сила... В этом великом лагере культурных наций, борющихся за мир на основе права, находится на этот раз и Россия»⁴⁶.

В заключение первого военного номера редактор журнала Арсеньев сравнивал войну с войной 1812 г. против Наполеона

I и выражал надежду на скорое торжество мира и демократии в Европе: «И если бесконечные и безмерные вооружения привели к войне, то война, быть может, упразднит в будущем их необходимость и народы в великую семью соединятся»⁴⁷.

В сентябрьском номере 1914 г. «Вестник Европы» окончательно впал в патриотический тон.

Ответственность за развязывание войны возлагалась на противника: «По сигналу, данному из Берлина и поддержанному Веней, подготовлена была величайшая катастрофа, какая могла постигнуть Европу и всё человечество – подготовлена умышленно, при помощи лживых ухищрений и грубых дипломатических подлогов»⁴⁸. Иностраннный отдел полон сообщениями о германских зверствах: «Французское правительство официально сообщает в ноте от 7(20) августа, что... немцы добились значительное число раненых», «бельгийское правительство удостоверяет, что немцы калечат и сжигают заживо поселян, похищают и насилуют девушек и даже детей» и т.п.⁴⁹ Не отставал от иностранного внутреннего отдел: «Нарушением нейтралитета Бельгии, разгромом Лувена и Калиша и расстрелами без суда Германия цинично сорвала с себя маску»⁵⁰. Союзу Германии и Австрии в «Иностранном обозрении» «Вестника Европы» противопоставлялся якобы оборонительный союз России «с такими передовыми нациями, как французы и англичане». По мнению авторов журнала, он открывал России «путь к лучшему будущему, не только в международных отношениях, но и в условиях своей внутренней жизни»⁵¹. Вступление России в войну обосновывалось необходимостью «обезвредить Германию», «уничтожить прусский милитаризм и избавить Европу от гнета бесконечных вооружений»⁵².

В самом факте союза с демократиями против монархий либералы из «Вестника Европы» увидели шанс на либерализацию политического строя России. Возможно, именно отсюда и проистекал патриотический тон публикаций.

Автор «Провинциального обозрения» Жилкин констатировал подъем патриотических настроений в обществе. С пафосом он пи-

сал, что «прекратился поединок между трудом и капиталом... единодушный порыв возвел страну на ту редкую высоту, где забываются мелкие и крупные обиды вчерашнего дня, откладываются давнишние счёты и несогласия... исчезает разность интересов слоёв населения, партий и национальностей»⁵³, что «сказался тот житейский закон, по которому члены одной семьи мгновенно забывают все внутренние ссоры, когда на семью нападает извне опасный враг». Текст статьи полон такими выражениями: «стихийный взрыв гражданских, общественных, самоотверженных и добрых чувств», «неожиданное и всеобщее одушевление», «радостное возбуждение»⁵⁴.

Жилкину вторил в «Вопросах внутренней жизни» Кузьмин-Караваев: «С первыми выстрелами в России не стало классовой, национальной и партийной розни, рухнула стена между обществом и властью... страна, как один человек, встала грудью против бросившего нам вызов германизма...»⁵⁵ Забыв уроки Русско-японской войны, Кузьмин-Караваев радовался началу войны общеевропейской, считая, что она сможет предотвратить революцию в России: «Ещё никогда революционный взрыв не был так далек, как далек он в настоящую минуту»⁵⁶. Подобная недалёковидность была вообще характерна для этого автора⁵⁷. Так, в октябрьском номере, рассуждая, что «милитаризм как государственная система одного государства вынуждает и все другие государства быть милитаристскими»⁵⁸, Кузьмин-Караваев оправдывал войну ссылкой на письмо Кропоткина, опубликованное в «Биржевых ведомостях» («союзники победят, и эта война будет последней европейской войной»)⁵⁹. Образ «последней войны» был одним из ключевых в публицистике журнала в конце 1914 – начале 1915 г.

Это стремление выдать желаемое за действительное производит странное впечатление: страстная вера авторов либерального «Вестника Европы» в «единение» увела их далеко вправо от классического либерализма.

В сентябрьском номере «Вестника Европы» появился новый отдел – «Обзор военных событий». Вёл его литератор, член ЦК партии кадетов Александр Николаевич Максимов, печатав-

шийся под псевдонимом «А. Оглин». Одновременно он был военным обозревателем газеты «Русские ведомости».

Поскольку правительство России (как и других воюющих стран) не было заинтересовано в независимом освещении хода военных действий и ввело жёсткую цензуру в прифронтовой полосе (согласно «Временному положению о военной цензуре» от 20 июля 1914 г. её осуществляли штабы командующих армиями, флотами и военными округами), автору приходилось ограничиваться пересказом официальных сводок. В результате война на страницах журнала в 1914 г. выглядела как череда побед России («австрийская армия совершенно разбита») и её союзников («господство на морях неизменно остаётся в руках Великобритании...»). Поражения назывались «прискорбными событиями», а отступления преподносились как успешно осуществленные стратегические маневры. Получалось нечто вроде этого: «Французские и британские войска, непрерывно нанося противнику жестокие удары, постепенно систематически втягивали германские силы внутрь страны и ставили этим в опасное положение, которое может окончиться для них катастрофой»; они «имели ряд жарких сражений, в которых они нанесли неприятелю гораздо более тяжёлые потери, чем те, которые были им причинены; их боевая сила остаётся неизменной»⁶⁰.

Основываясь на таких сообщениях, автор «Иностранного обозрения» (оно выходило без подписи автора) в октябре 1914 г. писал, что война почти выиграна и предсказывал «неизбежный» развал империи Габсбургов⁶¹.

С другой стороны, редакция ясно понимала, сколь сильной лакировкой подвергается действительность в материалах, распространявшихся официальными источниками. В ноябре 1914 г. К.К. Арсеньев в своей рубрике «На темы дня» предупредил читателя, что «сквозь покрывало, наброшенное на русскую печать военной цензурой, многое не видно»⁶². В том же номере «Вестника Европы» автор «Иностранного обозрения» усомнился в достоверности историй о «германских зверствах», не сходящих со столбцов газет: «Надо отдать справедливость и

обличителям “германских зверств”; они иногда сочиняют такие факты, которых вовсе не было... Например, газеты сообщали о сожжении знаменитого замка Шантильи... Появились даже изображения замка до и после его разрушения. О печальной судьбе Шантильи упоминалось рядом с именами Лувена и Реймса...»⁶³ Но, констатировал далее автор статьи, замок «остался цел»⁶⁴.

Завершил 1914 г. и вступил в 1915 г. «Вестник Европы» публикациями Александра Сергеевича Посникова – выдающегося русского экономиста, бывшего директора С.-Петербургского политехнического института и президента Вольного экономического общества, депутата IV Государственной думы. В его статьях «Увеличение податного бремени»⁶⁵, «Подходный налог и военный сбор»⁶⁶, «Проект государственной росписи»⁶⁷ были критически проанализированы мероприятия Министерства финансов по ликвидации возникшего из-за резкого роста военных расходов, запрета торговли спиртными напитками и сокращения объемов внешней торговли дефицита бюджета на будущий год.

Посников критиковал правительство Николая II за то, что оно не решилось ввести налог на землю и подоходный налог, так как это ударило бы по интересам крупных землевладельцев и капиталистов, а пошло по пути увеличения существующих налогов, то есть попыталось возложить тяжесть военных расходов на бедную часть населения. Он считал такую политику ошибочной и предсказывал, что повышение налогов на недвижимость, акцизы с пивоварения, дрожжей и бумаги, страховые пошлины, повышение проездной и провозной платы отрицательно отразятся на хозяйственной жизни страны, а ожидаемого прироста государственных доходов не дадут.

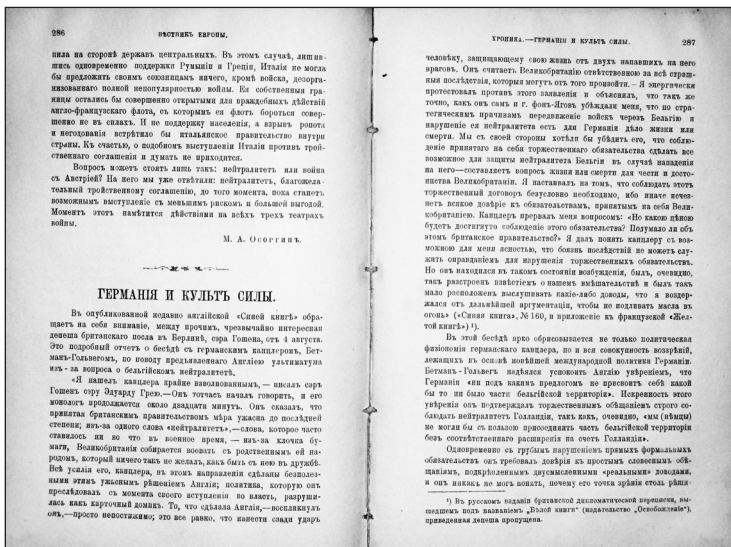
Столь же критично Посников отзывался об экономической политике правительства и в IV Государственной думе, о чем свидетельствуют напечатанные в февральском номере журнала протоколы заседаний Думы 27–29 января 1915 г.⁶⁸

Вообще же социально-экономическая тематика не занимала большого места в журнале, уступая государственно-правовой

и общественно-политической, что было следствием, главным образом, состава авторов.

На рубеже 1914/1915 гг. авторы «Вестника Европы» часто обращались к проблеме происхождения войны. Естественно, что вся вина по-прежнему возлагалась на противника. Продолжая мысль, высказанную в первый месяц войны, автор «Иностранного обозрения» утверждал⁶⁹, что война началась «по почину военной клики, окружающей Вильгельма II, и ничтожных советников слабоумного старца, стоящего ещё во главе империи Габсбургов».

Доказательству этого была посвящена серия небольших (объемом по 6–9 страниц) статей Л.З. Слонимского. Анализируя германскую литературу и публицистику (как довоенную, так и 1914 года), Слонимский приходил к выводу, что немецкие ура-патриоты уже давно мечтали о подчинении Германии «всех государств и народов» («Немецкие завоевательные планы»⁷⁰), а милитаризм глубоко укоренился в немецкой культуре («Германские ученые и милитаризм»⁷¹, «Германия и культ силы»⁷², «Новое язычество на почве национализма»⁷³).

Наиболее интересна статья «Германские ученые и милитаризм», посвященная вышедшему в октябре 1914 г. «Манифесту цивилизованному миру». Подписавшие его представители германской интеллигенции: писатели, ученые, священники и музыканты, – отрицали вину Германии в развязывании войны и в военных преступлениях против мирного населения, обвиняли её врагов в нарушении международного права и объявляли о своей готовности сражаться до победы: «Мы будем вести эту борьбу до самого конца как цивилизованная нация, следующая традициям Гёте, Бетховена и Канта». Слонимский считал, что немецкие ученые писали Манифест «в состоянии особого патриотического гипноза, парализующего способность правильно рассуждать», так как германская интеллигенция «вообще склонна относиться с полным доверием к правителям своей страны».

Тему манифеста ученых затрагивали и другие авторы «Вестника Европы». В статье Деренталя «От Копенгагена до Парижа» (№1 за 1915 г.)⁷⁴ содержится обзор воинственных публикаций немецкой прессы, прославляющей победы немецкого оружия и призывающей «бить, резать, грабить и убивать». Как образец «всеобщего отупения» Деренталь цитирует опубликованные в «Local Anzeiger» стихи к отцу мальчика Теодора Кернера, желающего «тоже хорошенько отлущивать» кого-нибудь из врагов. «К чему удивляться кровожадной глупости этого маленького Фрица, – писал автор статьи. – когда “большие Фрицы”... тоже выступают ныне с заявлениями, ничуть не уступающими ни по форме, ни по содержанию приведённому выше “патриотическому стихотворению”»⁷⁵.

К весне 1915 г. военные действия на театрах первой мировой войны шли уже более полугода, иллюзии в возможности быстрой победы исчезли, а масштаб постигшей Европу катастрофы становился всё очевиднее («война принесла Польше полное и почти сплошное разорение»⁷⁶). В этих условиях задачей прессы воюющих стран стало объединение наций для поддержки военных усилий своих правительств⁷⁷.

Неудивительно, что в «Вестнике Европы» пропагандистские материалы появились в «Вопросах внутренней жизни» за авторством генерал-майора в отставке В.Д. Кузьмина-Караваева. «На шестом месяце жестокой из жестоких войн, – писал он в январе 1915 г. – страна вступает в новый год без малейших признаков утомления. Кругом много горя, но нет и следов потери энергии. Настроение спокойное и бодрое»⁷⁸. Увеличение поступления денег в Сберегательные кассы в 1914 г., считал бывший военный юрист, «свидетельствует об экономической мощности страны и создаёт тем большую уверенность в победоносном исходе войны»⁷⁹.

На десятом месяце войны, риторически вопрошая, «долго ли должна и может продолжаться война», Кузьмин-Караваев вспомнил о Манифесте немецких ученых, написав (№6 за 1915 г.): «Как засвидетельствовали в своем известном воззвании немецкие ученые, германский милитаризм себе подчинил и в себе растворил германскую культуру... в Германии и для Германии стал сутью бытия», Германия борется «за уклад своего быта», и потому война «должна ещё долго продолжаться»⁸⁰. «Но может ли она [война], однако, долго продолжаться? – спрашивал он далее, сам же отвечая. – Мы, русские, имеем полное право сказать с уверенностью: да». Автор «Вопросов внутренней жизни» уверял читателя, что народ, особенно трудящиеся, во время войны богатеет на военных пайках и поставках, а большие потери армии легко возместить. «Сколько бы солдат ни ушло на войну, а запас людей, способных носить оружие, у нас ещё колоссально велик»⁸¹. Такие рассуждения, ничем не отличающиеся от пресловутого царско-генеральского «бабы новых нарожают», проистекали, очевидно, из военного прошлого Кузьмина-Караваева.

В 1915 г. почти в каждом номере «Вестника Европы» печатались статьи и очерки, принадлежавшие перу заграничных корреспондентов журнала. Большинство материалов приходило из Англии. Целью их было показать, что союзники России тоже

процветают, а их решимость продолжать войну до победного конца не поколеблена. В содержательной статье А. Чекина «Война и общественная жизнь в Англии»⁸² (январь 1915 г.) дана высокая оценка мероприятий британского правительства по «ограждению благополучия народной массы» во время войны. Социальное законодательство кабинета Асквита (введение социального страхования и пенсионного обеспечения, институт общественных работ) автор называет «плодами новой социальной психологии», коллективной ответственности за благополучие индивида⁸³.

В майском номере журнала Англии посвящена целая серия расположенных один за другим (под №№ с XIV по XVI) материалов. В произнесенной 12 апреля в Москве речи издателя М.М. Ковалевского «Германцы против англичан» прославлялась Англия и её государственный и общественный строй, якобы необходимые для обеспечения свободы на земле⁸⁴. В очерке Р. Бланка «Заграничные настроения» подчеркивалось «единение всех классов» в Англии, «идиллическое» настроение во Франции и высокий боевой дух армий этих стран⁸⁵. Основной в статье В. Майского «Уравновешенная Англия» является мысль, что Англия готова к любым военным испытаниям⁸⁶.

В журнале регулярно появлялись корреспонденции из нейтральных стран. В статье М.А. Осоргина «Позиция Италии» (№1 за 1915 г.) дана критическая оценка колеблющейся политике этой страны⁸⁷. Автор считал, что предавшая своих первоначальных союзников Италия может вступить в войну на стороне Антанты ради ослабления и раздела Австрии, но она «не подготовлена к войне в таких масштабах»⁸⁸.

Много материалов было посвящено общественным настроениям в США. Автором их был нью-йоркский корреспондент журнала А.И. Зак. В первой статье «Из Америки»⁸⁹ он писал, что «почти вся страна решительно и определенно встала на сторону союзников, против Германии»⁹⁰. Вторая статья «Дни “Лузитании”» посвящена реакции американской прессы и об-

щества на потопление германской подводной лодкой пассажирского лайнера «Лузитания», на борту которого находилось много американских граждан⁹¹. Вся Америка, писал А.И. Зак, «охвачена гневом», «не заговорила, а закричала о немцах, о варварстве»⁹². Действия немцев названы в статье «апогеем германской жестокости и бессмысленности, даже с точки зрения их же собственных интересов»⁹³. При этом А.И. Зак, однако, выражал сомнение в том, что США готовы вступить в войну против Германии, на что в то время очень надеялись в странах Антанты. В письме из Нью-Йорка он говорил, что даже после «Лузитании» ни американский народ, ни президент США В. Вильсон не хотят участвовать в европейской войне⁹⁴.

Несколько статей было посвящено Болгарии⁹⁵. В одной из них рассказывалось про проницательного болгарского журналиста, который на всякий случай издавал и редактировал сразу две газеты: одну прогерманскую, а другую просоюзническую⁹⁶.

Наконец, появились статьи, посвященные послевоенной судьбе славянских народов Восточной Европы, в том числе «польскому вопросу»⁹⁷.

Первым материалом такого рода стала статья К. Залевского «К польскому вопросу», опубликованная в январском номере. Автор разбирал положение Польши в начальный период войны и выражал надежду, что «Польша воскреснет, чтобы служить делу мирного развития Европы»⁹⁸. Статья носила вполне благонамеренный характер, так как Залевский неоднократно подчеркивал преданность поляков России и именно с царским правительством связывал реализацию давней мечты польского народа. Автор заключал: «Предоставление объединенной Польше возможно большей самостоятельности отвечает интересам не только польского народа, но и России, и Западной Европы»⁹⁹.

Итак, ведущие авторы «Вестника Европы» приветствовали начало мировой войны, ожидая от неё позитивных изменений в международных отношениях и внутренней, политической жизни России. Они представляли войну борьбой против милитаризма,

за демократию и мир. Союз Российской империи с Великобританией и Францией давал Арсеньеву и его соратникам надежду на демократические перемены и внутри страны. Публицисты пытались убедить читателя, что народ охвачен патриотическим подъёмом и готов на жертвы во имя победы, а, значит, и ради демократических перемен в Отечестве. Создавая образ врага-немца и врага-австрийца, публицисты в то же время не призывали к территориальным захватам, к жестоким расправам с врагами. Наоборот, осенью 1914 г. Арсеньев и Кузьмин-Караваев напоминали, что за развязывание войны в Европе ответственно только немецкое правительство, а не немецкий народ.

К концу 1914 г. война приобрела позиционный, затяжной характер. Надежда на её скорое победное окончание становилась всё слабее. И статьи, напечатанные в «Вестнике Европы» в январе – июле 1915 г. стали менее ура-патриотическими. Немолодых российских либералов, составлявших его авторский коллектив, похоже, испугал масштаб войны, ведущейся «в таких размахах, каких не знала ещё история человечества». На сторонников конституции отрезвляюще подействовали и европейские парламенты военного времени, которые, по их оценке, «открывали свои заседания только для ассигнования новых миллиардов на военные нужды и для подтверждения своей патриотической солидарности с правительством и войсками»¹⁰⁰. Им всё более становилось очевидным, что война не способна привести к торжеству демократии и мира. Война всё чаще показывалась читателю скорее как навязанное России испытание, которое нужно перетерпеть. В описаниях настроений в обществе «воодушевление» и «радостное возбуждение» сменились на «настроение спокойное и бодрое». Практически исчезли истории о «немецких зверствах» (упоминание о потоплении «Лузитании» в июльском номере – единственный такого рода материал). Особенно показательным стало появление статей по традиционно болезненному для Российской империи «польскому вопросу».

1.4. «Болезненно нужен внутренний мир». Второй год войны в публицистике «Вестника Европы» (1915–1916 гг.)

Долгое время журнал воздерживался от критики правительства и методов ведения им войны. Для либерально настроенной российской буржуазии и интеллигенции это был сознательный шаг, сделанный для объединения партий и слоев населения с целью помощи правительству в войне против Германии. Однако обстановка гражданского мира в России сохранялась только до тех пор, пока русская армия одерживала победы. Первым событием, повлекшим изменение настроения общества и печати, в том числе и «Вестника Европы», стало начало Великого отступления русской армии весны – лета 1915 г. Были оставлены Галиция, Литва, Польша; войска понесли огромные потери, достигавшие 2,5 млн. человек.

Успех немцев в этой кампании был в немалой степени обусловлен их превосходством в артиллерии. В июне 1915 г. В.Д. Кузьмин-Караваев хабрился: «Немцы выпускают в час по 200 тыс. снарядов... Нелепая расточительность!.. Выпуская по 200 тыс. снарядов в час, они, конечно, не могут рассчитывать на меткость огня... Немцы своей безумной стрельбой ясно показывают, что им во что бы то ни стало нужно скорейшее окончание войны. А нам нужно её продолжение»¹⁰¹. Однако несколькими страницами далее А. Оглин (А.Н. Максимов) описывал происходящее на фронте в ином тоне: противник «обстреливал наши позиции» «ураганным огнем». «Такая затрата снарядов, – объяснял военный обозреватель журнала, – во много раз превосходит все масштабы, которые предусматривались теорией до наступления настоящей войны»¹⁰². «Обзор военных действий», содержащий купюры – следы работы цензора, – заканчивался данным по официальным источникам описанием падения Перемышля 21 мая 1915 г.¹⁰³ В дальнейшем специально посвященный войне отдел А. Оглина выходил со всё боль-

шими сокращениями (в сентябрьском номере его заменили публикации государственных актов), а к концу 1915 г. вовсе исчез со страниц журнала.

В июле в журнале были опубликованы сведения о нехватке на фронте вооружения и боеприпасов. Л.З. Слонимский в статье «Критический момент» впервые писал, что «каковы бы ни были духовные качества и стремления русского народа, они не заменят собой тех материальных средств и орудий, которые необходимы для одоления германских вооружённых сил. Это ясно сознается теперь всеми без различия партий и направлений». Слонимский призывал «устранить внутренние преграды» (вплоть до признания равноправия национальностей и вероисповеданий в рамках Российской империи) и выражал надежду, что «объединение» «получит надлежащую санкцию в соответственных практических мероприятиях»¹⁰⁴.

Тема «единения» государства и общества была основной в этом номере журнала. Говоря о роли Государственной думы и Военно-промышленных комитетов в увеличении военного производства («снаряды нужны – и они будут!»), автор «Вопросов внутренней жизни» Кузьмин-Караваев одновременно цитировал выступления общественных деятелей, лейтмотивом которых была такая мысль: «войну ведет государственная власть», «единение» которой с обществом «ещё не состоялось»¹⁰⁵.

В августе 1915 г. авторы «Вестника Европы» переключили своё внимание с внешней политики на проблемы внутренней жизни. Поражения русских войск нарушили «единение» царя с Государственной думой, «единение между властью и народом». 19 июля 1915 г. открылась 4-я думская сессия. Крайние правые полностью поддержали правительственную декларацию. Однако другие фракции выступили с резкой критикой правительства И.Л. Горемыкина, требуя создания кабинета, пользующегося «доверием страны». С 9 по 22 августа в Государственной думе и Государственном совете по инициативе лидера кадетов П.Н. Милюкова были проведены переговоры, которые привели

к подписанию 22 августа 1915 г. соглашения о создании Прогрессивного блока, в который вошли около 300 политических деятелей. Фактический лидер Прогрессивного блока Милюков строил планы оказывать силами депутатов коалиции давление на правительство, понуждать его к реформам. Инициатива парламентариев не была одобрена Николаем II. Сочувствующие Думе министры были отправлены в отставку, а 3 сентября 1915 г. и сама Государственная дума была распущена на каникулы до февраля 1916 г.

Под влиянием этих внутривластных событий публикации «Вестника Европы» приобрели более оппозиционный характер. По-прежнему основной являлась тема «единения». «Единение между властью и народом, – рассуждал автор «Иностранного обозрения», – между правящей бюрократией и живыми общественными силами, между прогрессивными и реакционными политическими партиями, составляет в последнее время излюбленную тему газетных статей, официозных и официальных заявлений и воззваний. Образчики подлинного единения мы видим в других странах»¹⁰⁶.

Как писал К.К. Арсеньев, прозвучавшие в Думе речи доказывают: «крайние правые “ничего не забыли и ничему не научились”», они вместе с властью продолжают призывать к единению со всей страной правительства, «пользующегося полным её доверием», и к «благожелательному вниманию власти к интересам... граждан», хотя «интересы и права всех граждан» должны охраняться законом, обязательным для власти, а не благими пожеланиями»¹⁰⁷.

В статьях Арсеньева и Кузьмина-Караваяева рассказывалось о работе Государственной думы, цитировались наиболее яркие речи депутатов. Оппозиционность «Вестника Европы» ярче всего проявила себя в рубрике Арсеньева «На темы дня». Здесь впервые прозвучала думская критика Военного и Морского министерств: «Довольно тайн! Довольно лжи!..» (из выступления И.Н. Ефремова), «Нам заведомо говорили неправду... Дело обо-

роны государства до сих пор было в руках кучки людей, а от Государственной Думы оно было тщательно завешано... В области наших внутренних дел всё по-старому... Дело не в лицах, а во всём строе и управлении...» (из выступления крестьянского депутата И.Т. Евсеева)¹⁰⁸.

В сентябрьском номере, отвергая обвинения в «пораженчестве», Арсеньев, старейший автор «Вестника Европы», писал, что «решимость вести борьбу до победного конца» – «почва, на которой могут сойтись все партии, все направления, все классы»¹⁰⁹. Он убеждал читателей, что для победы в войне нужно создать «министерство, пользующееся доверием общества, – такова первая и главная потребность минуты»¹¹⁰. В конце статьи Арсеньев опубликован полный текст программы Прогрессивного блока от 25 августа 1915 г. Роспуск царем Думы на каникулы до февраля 1916 г. не изменил настроения публициста. В октябре Арсеньев рассуждал: «Когда откроется вновь законодательная сессия, вопрос о доверии, возбужденный Прогрессивным блоком, станет особо острым», потому что тогда министерство будет «иметь перед собой» большинство Государственной думы, Государственного совета и громадное большинство учреждений, представляющих собой самые разнообразные элементы населения. «Все эти меньшинства составят такую нравственную силу, какой ещё не знавала Россия»¹¹¹.

Мысль о готовности Думы принять участие в управлении страной и довести войну до победного конца Арсеньев повторил в январе и феврале 1916 г., накануне 5-й думской сессии. При этом он резко критиковал министров за нежелание сотрудничать с Думой¹¹² и утверждал, что, несмотря на произошедшую в 1915 г. смену правительства, «неизменным остался... общий характер кабинета; пополненный... из среды крайних правых, он не имеет ничего общего с громадным большинством Думы, по-прежнему образующим программно объединённый Прогрессивный блок»¹¹³.

В 1916 г. «Вестник Европы» констатировал изменение отношения к войне в обществе. Этому посвящены статьи Кузьмина-Караваева¹¹⁴ и Н. Олигера¹¹⁵.

Кузьмин-Караваев начал статью с описания патриотического подъёма первых месяцев войны:

«1914-й год был встречен в угаре шампанского, нелепых денежных трат и жгучего экзотического танго... Грянула война – и всё мигом, как по волшебству, перевернулось. Исчез алкоголь, исчезло танго, опустели кафе-шантаны...

Люди забыли о ничтожном, мелком, личном. Над всеми и над всем вырос во всём величии своего необъятного роста интерес народа, страны, истории и человечности, поднявшейся на защиту святых завоеваний мировой культуры.

В день объявления войны Германии был объявлен и всеми принят внутренний мир... Общественная распря замолкла... В Государственной Думе Пуришкевич подошел с протянутой рукой к Милюкову. Студенты социал-демократы записывались в добровольцы массаами... Только что перед тем бастовавшие рабочие оставили классовую борьбу...»¹¹⁶

Причины всеобщего воодушевления первых месяцев войны в июне 1916 г. попытался выделить Николай Олигер в очерке «На войне». «Для многих из нас – для большинства – сама война была праздником». «Мы не хотели войны... Но война принесла с собой огонь, который легко проник в наши души, слишком охладевшие, покрытые серой плесенью обыденности. И мы, запертые в своём кабинете, в своём узком кружке, в своей конторе или редакции – с удивлением и почти восторгом ощутили в своих мускулах какую-то новую упругость, и новые яркие мысли в усталом мозгу, и новые желания в давно успокоившемся сердце». «Все чувствовали себя в праздничном платье»¹¹⁷.

Когда на втором этапе войны стало очевидно, что она приобрела затяжной позиционный характер, народный энтузиазм сошел на нет. Но ещё не было заметно признаков упадка духа и утраты веры в победу. Кузьмин-Караваев отмечал, что «к концу

[1914] г... определилось сознательно-спокойное отношение к войне, без выкриков и шумных демонстраций, и обнаружилось, куда начали стекаться сбереженные на водке народные рубли, а также те рубли, которыми казна оплачивала внутри страны потребности войны. Сберегательные кассы дали небывалое увеличение вкладов...

На театре военных действий, если не было прочно закрепленного успеха, то не было такого же успеха и на стороне противника... С театра войны стали, правда, уже доноситься слухи о нехватке снарядов, но страна ещё не видела в этих слухах ничего особенно опасного и грозного...

В таких условиях, хотя и в обстановке ужасов войны, но с светлыми надеждами и с твёрдой верой в победу правды над неправдой, как на поле брани, так и внутри, был встречен 1915-й год... Начало года характеризовалось тем же подъёмом настроения, с которым Россия встретила вызов воинствующего германизма и с тем же торжеством общего интереса над личным, который дал первый день войны»¹¹⁸.

Но «постепенно, исподволь, картина совсем переменялась. Праздничные краски слиняли. Война сделалась буднями»¹¹⁹. На третьем этапе, писал Кузьмин-Караваев, «с весны [1915 г.] подъём пошёл на убыль. В этом, конечно, сыграли свою роль военные неудачи. Но не менее существенным было разрушение внутреннего мира». Причину этого автор «Вопросов внутренней жизни» видел в том, что, требуя от общества жертв во имя победы, власть «таких же требований к себе не предъявляла»¹²⁰:

«Явились военно-промышленные комитеты... в парламентских кругах возникла мысль о завершении “организации победы” путем... вручения власти лицам, пользующимся общественным доверием... Образовался Прогрессивный парламентский блок, поставивший на очереди необходимые для внутреннего мира реформы...

Блок жизни не получил. Дума была распущена. Сочувствовавшие блоку министры ушли в отставку»¹²¹.

Выразив сожаление об отсутствии взаимопонимания между «общественностью» и царским правительством, Кузьмин-Караваев задавал риторический вопрос: «Какую картину представляет собой русское общество на рубеже 1916 года?» Сам отвечал на него так:

«Читайте газеты разных лагерей и направлений... Теперь тоже каждый день пишут о войне...»¹²² Но «в общественном внимании судебные процессы, отчеты о театральные представлениях, известия о кражах и рассказы о занимательных уличных эпизодах, не говоря уже про сообщения о муке, о мясе, о дровах, о железнодорожных беспорядках стали успешно конкурировать с известиями с театра военных действий»¹²³.

«Личный интерес к событиям на войне даже увеличился... Но это тот интерес, который, давая единство забот, волнений и горя, людей скорее разъединяет... Общественность утратила веру в возможность воздействия на исход и на результаты войны. Тыл работает, но тыл перестает быть... активным.

Обусловленные войной личные переживания увели людей в область интересов личного характера. На первом плане стоит в настоящую минуту какая-то вакханалия наживы. Война, с миллиардами государственных на неё расходов, всегда выбрасывает в обращение массу денег... Тыл – это вся страна, и интенданты – все, кто покупает и продает... И эти “все” рвут, и без всякого удержу. Цены... назначаются без всякого соотношения с чем бы то ни было... Рвут нелепые цены извозчики, маляры и сапожники, рвут мясники, булочники и молочные торговцы, рвут оптовики-мукомолы, нефтяные короли, сахарозаводчики, мануфактуристы.

На железной дороге создан класс “толкачей”, которые гораздо успешнее, чем министерские приказы, “проталкивают” вагоны с мукой, сахаром и углем к центрам потребления...»¹²⁴

«Постоянный и верный спутник алчности – разгул... Несмотря на утроившиеся цены на предметы роскоши, ювелиры и меховщики торговали перед праздниками так, как не торговали никогда...

Рвачи сортом ниже отдаются азарту на бегах и наполняют собой места для развлечений»¹²⁵.

Этот «плач либерала» заканчивался мучительным стенанием: «В обществе есть утомление, но отнюдь не войной. Общество утомилось в борьбе внутренней... С тяжёлым чувством приходится вступать в 1916-й год. Внутреннее положение не радует. Болезненно нужен внутренний мир»¹²⁶.

Впрочем, сначала предстояло добиться мира «внешнего». Но конец войны в начале 1916 г. казался столь же далёк, как и в начале 1915 г.

В сентябре–октябре 1915 г. издатель «Вестника Европы» профессор М.М. Ковалевский предпринял попытку поднять настроение читателей, выступив в качестве автора «Иностранного обозрения». В октябрьском номере, под впечатлением прекращения отступления, он изобразил положение на фронте и в тылу в оптимистичном тоне: «С каждым месяцем наши шансы успеха растут. Молодое, недавно набранное войско получает достаточную выучку, число выделяемых снарядов увеличивается чуть не ежедневно, подвоз ружей и артиллерии безостановочен, мы уже теперь не только отбиваемся, но и нападаем... Успехи, достигнутые нашими союзниками, окрыляют и наши надежды на конечный успех»¹²⁷.

Но в дальнейшем «Иностранное обозрение», выходявшее без указания авторства, стало оценивать события войны пессимистично. В юбилейном декабрьском номере, посвященном 50-летию журнала, в нём сообщалось о голосах в пользу мира, раздавшихся в германском Рейхстаге¹²⁸. При этом цитировалось последнее выступление рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега, который говорил, что Германия согласна на мир, если он будет «обеспечен» территориальными уступками в её пользу. В первом номере за 1916 г. под заголовком «Печальные итоги прошлого года» в «Иностранном обозрении» говорилось: «Истекший год был годом неудач и разочарований для держав Тройственного согласия...»¹²⁹ Весь ход событий в Европе оценивался как «неблагоприятный для союзников»¹³⁰.

После прекращения «Обзора военных действий» собственно военная тематика, наряду с вопросами иностранной жизни, стала освещаться в «Иностранном обозрении». Выходивший сначала анонимно, с осени 1916 г. отдел окончательно перешел под руководство Слонимского. Он сообщал читателям о налетах германских цеппелинов на Лондон и Париж: «Эти варварские убийства мирных жителей, женщин и детей, имеют, конечно, мало общего с войной»¹³¹ (очевидно, авторы журнала ещё сохраняли «романтически-благородные» представления о войне), о «поражении» немцев под Верденом, об «ужасном бесплодном» Ютландском морском сражении, после которого «владычество Англии на морях осталось непоколебленным»¹³². В июле 1916 г. «Иностранное обозрение» подвело итог событиям двух лет войны: «Вступая в третий год мировой войны, участвующие в ней народы не могут ещё утешиться мыслью о скором её окончании... Вера немцев в победу далеко не поколебалась... Самая гипотеза германского поражения не допускается германским общественным мнением...»¹³³

Иностранный отдел журнала регулярно информировал читателя о политическом положении в других странах, в том числе и в Германии. Авторы отмечали самоуверенный тон речей рейхсканцлера фон Бетман-Гольвега, который говорил «тоном победителя» и предлагал странам Антанты заключить мир в тех территориальных границах, по которым проходила линия фронта¹³⁴. Комментируя «мирную инициативу» Германии и Австро-Венгрии в ноябре 1916 г., журнал писал, что «составители ноты стоят на той точке зрения, что все достигнутые ими успехи имеют окончательный характер и ни в чём уже не могут быть изменены или ослаблены»¹³⁵, «они предлагают мир, как победители, против которых бесполезна дальнейшая борьба»¹³⁶.

В качестве доказательства воинственных намерений Германии редколлегия журнала в мае 1916 г. опубликовала статью Дионео (псевдоним публициста И.В. Шкловского) «Нечто о

мифах»¹³⁷. Она содержала анализ вышедшей в 1911 г. книги некоего Отто Танненберга «Великая Германия», которую Дионео назвал «Кораном немецкого национализма»¹³⁸. Основные положения книги были таковы: «1. Германия может не думать о праве, так как у неё есть сила; 2. Всё, что мы сделаем, – дозволено; 3. Враги Германии будут раздавлены; 4. Выгоды успешной войны колоссальны»¹³⁹. С помощью обширных цитат автор статьи показывал, как распространены в Германии милитаризм и национализм.

В изложении Дионео книга Танненберга выглядела как образец шизофренического бреда душевнобольного человека. В ней намечалось создание Великой Германии, которая будет занимать на Земле пространство площадью 23 млн. кв. км в Азии, Африке, Южной Америке и Полинезии, откуда предполагалось «выселить коренное население и заменить его немецкими крестьянами»¹⁴⁰. «Фундамент крестьянских домов будет из тёсаного камня, крыши высокие, пестрые. Каждый колонист должен быть женат непременно на немке и иметь не менее двух детей»¹⁴¹. Фантазия «Танненберга» неистощима. «Пища германскому народу будет обеспечена, – рассуждал немецкий автор, скрывавшийся под этим псевдонимом. – Мы не будем больше зависеть ни в чём от других народов... Каждому юноше предоставлена будет возможность... стать хозяином фермы. Мы вольём новую жизнь в деревню и дадим землевладельцу послушных и понятливых рабочих»¹⁴² в лице славян, так как «славянин рожден, чтобы повиноваться»¹⁴³. Планы Танненберга предвосхитили мечтания о мировом господстве вождей будущего Третьего рейха.

Одной из особенностей публицистики «Вестника Европы» в 1916 г. стало повышенное внимание к социально-экономической проблематике. Сначала подобные вопросы рассматривались только в статьях иностранных корреспондентов журнала.

Опубликованная в январском номере статья А.И. Зака «Год войны и внешняя торговля С. Штатов»¹⁴⁴ рисовала картину ска-

зочного обогащения Соединенных Штатов Америки во время войны: «...Масса американских товаров хлынула за последний год в воюющую Европу...»¹⁴⁵ В статье приводились данные о двукратном росте американского экспорта в страны Антанты (с 0,86 до 1,6 млрд долл.) и сильном его снижении в Германию и Австро-Венгрию. Но автор уже не считал, как ранее, что это является доказательством сочувствия американцев к союзническому делу: американские промышленники, указывал Зак, наживаются на торговле со всеми воюющими сторонами. Только с Англией и ее союзниками они торгуют открыто, а с Центральными державами – тайно, при посредничестве нейтральных стран. Об этом свидетельствовал увеличившийся экспорт США в Голландию, Данию, Норвегию, превышавший собственные потребности и финансовые возможности этих стран. Благодаря такой политике, писал Зак, промышленность США развивается, а «американский доллар уже господствует в мире»¹⁴⁶.

Напротив, для участвующих в ней стран война создавала много проблем, среди которых ключевое значение имели инфляция и дефицит потребительских товаров. В марте–апреле этому были посвящены статьи А. Чекина «Под знаком экономики»¹⁴⁷ и Г. Цыперовича «Борьба с дороговизной во Франции»¹⁴⁸.

Но особенно яркую картину жизни воюющей страны создавали в «Вестнике Европы» статьи стокгольмского корреспондента журнала М. Лурье о внутреннем положении Германии.

Уже в первой статье – «Будущее германского хозяйства»¹⁴⁹ – он писал, что «милитаризация» германского хозяйства ведёт «к планомерно-организованному господству крупного капитала, осуществляемому кооперацией государства с крупными банками», строго централизованному производству, при котором народ ничего не получит, кроме продовольственных пайков. В статье прямо не упоминалось о коммунистических идеях или революции, но Лурье предсказывал, что после войны неизбежно начнётся борьба между рабочими и капиталом¹⁵⁰.

«Вестник Европы» редко касался проблем социально-экономического положения России (последним из авторов журнала на эту тему ещё зимой 1914/15 г. высказался А.С. Посников), зато Лурье, говоря о Германии, рассмотрел вопрос всесторонне. Этому посвящены его насыщенные фактическим материалом статьи «Организация земледелия в Германии»¹⁵¹, «Бытовые отражения войны в Германии»¹⁵², «Социальное законодательство военного времени в Германии»¹⁵³, «Государственно-коммунистическая организация продовольствия в Германии»¹⁵⁴, «Аграрии и дороговизна в Германии»¹⁵⁵. Статьи эти не могли не вызывать у читателей ассоциаций с российской действительностью, каждый думающий читатель не мог не проводить параллелей между Россией и Германией.

В июне 1916 г., обращаясь к неоднократно поднимавшейся на страницах «Вестника Европы» теме национального «единения», Лурье в статье «Под покровом бургфридена»¹⁵⁶ приходил к выводу, что официально объявленная в Германии (как и в России) политика гражданского мира широко используется верхами общества для того «чтобы, связав ею активность низов, на свободе и в тиши обделывать за нею, как за ширмой, свои классовые и личные делишки». В подобной обстановке уже «многие, очень многие из народа потеряли веру в высокий и святой характер тех целей, во имя которых Германия участвует в войне»¹⁵⁷.

Применительно к России эту проблему в июльском номере затронул Кузьмин-Караваев¹⁵⁸: «Об охватившей всех и вся дикой вакханалии наживы противно вспоминать... Наживу на обслуживание войны перестали скрывать и наживой стали хвастаться» в прессе. «Объявлений с балансами и счетами в последние месяцы были напечатаны целые десятки. Коммерческие банки дали за 1915 год огромные дивиденды. И нам нигде не попадались слова осуждения по адресу так выгодно работавших в тяжёлый год войны акционерных предприятий»¹⁵⁹.

Одной из тем августовского номера было состояние сельского хозяйства. Арсеньев писал¹⁶⁰: «Во всех концах России

злостью дня служит дороговизна, тяжелая для массы, выгодная для отдельных лиц»¹⁶¹. Он высказывался за введение твёрдых цен на хлеб и даже коснулся положения рабочих: «Необходимы меры, улучшающие быт рабочего класса»¹⁶².

В том же номере Кузьмин-Караваев¹⁶³ рассуждал о возврате к использованию «принудительного труда крестьян на помещиков». Министр земледелия и землеустройства граф А.А. Бобринский в интервью «Биржевым ведомостям» заявил, что вопрос о принудительном труде «должен быть поднят ввиду острого недостатка рабочих рук». Это же повторил «Русскому слову» не названный по имени чиновник Министерства внутренних дел: «Все большие экономии испытывают нужду в рабочих руках. Крестьяне, сняв хороший урожай со своих полей и имея накопленные деньги, совершенно не желают наниматься на работы. По донесениям с мест, избыток средств тратится крестьянами на наряды, на улучшенную пищу, а остаток прячется. В то же время нигде не замечается стремления к улучшению своего хозяйства... Крестьяне предпочитают проводить время в праздности»¹⁶⁴.

Автор «Вестника Европы» возражал на это так: «Радетели о крестьянском благополучии желали бы, чтобы крестьяне не несли сбережений в сберегательные кассы и чтобы они, продолжая жить впроголодь, как жили в дни торжества над русской жизнью кабака, перекрыли соломенные крыши железом и заменили цепи, косы и серпы сельскохозяйственными машинами. Но неужели эти радетели не знают, что кровельное железо продается сейчас в деревне в 10 раз дороже, чем продавалось до войны, и что за сельскохозяйственные машины спрашивают в складах тоже совершенно нелепые цены?»¹⁶⁵ Далее он выразил уверенность, что все трудности преодолимы, а «затруднения с уборкой трав и хлеба имели частный характер».

В сентябрьском номере за 1916 г. была опубликована лучшая, пожалуй, статья Лурье – «Понижение культуры в Германии»¹⁶⁶. Автор подробно описал, как война приводит к истощению ре-

сурсов даже самых развитых стран. «Без сомнения, капитализм стал организованнее», утверждал он, но организация капитализма на основе неизбежного во время войны падения производительных сил есть скорее шаг назад, в Средневековье, «к некоторому подобию феодально-цехового строя, чем вперед, к высшим формам хозяйства»¹⁶⁷.

ПОНИЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ВЪ ГЕРМАНИИ.

I.

Война принесла населению Германии тяжелыя временныя стѣсненія, особенно въ области продовольствія, — но не только въ ней и не только временныя. Пониженіе уровня быта во многихъ отношеніяхъ должно пережить войну. Платье, квартира, мыло, резина, обувь, бумага, газеты и т. д., а также взгляды и отношенія въ экономической жизни (см. ниже) и пр. — во всѣхъ областяхъ матеріальной и идейной обстановки жизни можно установить все уско-ряющееся возвращеніе Европы къ обстановкѣ, отношеніямъ и понятіямъ прежнихъ вѣковъ. Наиболее организованнымъ образомъ происходитъ паденіе культуры въ Германиі, матеріаломъ о которой ограничивается настоящая корреспонденція. Убѣдившись въ необходимости пониженія уровня жизни, нѣмцы стараются проводить его систематически, съ сознательной планомѣрностью, дабы жизнь ухудшалась болѣе или менѣе равномерно для всѣхъ. Стараніе это порождается, конечно, давленіемъ туземной демократіи, но равномерность оказывается далеко не идеальной — о ней можно говорить лишь въ сравненіи съ положеніемъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ.

Основной чертой организованнаго пониженія уровня культуры сравнительно со стихійнымъ является появленіе сознанія, что принимаемыя мѣры въ своей совокупности хватаютъ гораздо дальше удовлетворенія требованій момента. Когда безпорядочно и въ разной мѣрѣ для разныхъ слоевъ накапливаются стѣсненія и недостатки то ножницъ, то гвоздей, то сахара, и когда принимаемыя мѣры ограничиваются обывательскими жалобами въ газетахъ и изданіемъ таксъ, то общественное сознаніе не отдаетъ себѣ еще достаточно отчета, имѣетъ ли оно дѣло съ временнымъ затрудненіемъ или съ признакомъ болѣе прочнаго пониженія уровня быта. Обратное происходитъ, когда, какъ въ Германиі, предпринимается систематическое организованное сжатіе производства и потребленія по опредѣленному плану. Тогда учитываются измѣненія, наступив-

20*

Статья Лурье «Понижение культуры в Германии»

В статье показано снижение уровня жизни в воюющей стране, исчезновение целых групп товаров и ограничение потребления других. Так, за первые 21 месяц войны «число органов периодической печати уменьшилось в Германии на 3 тысячи»¹⁶⁸.

Создан военно-хозяйственный центральный комитет, ведающий распределением бумаги. С 1 июля 1916 г. органы печати должны были сократить свои размеры от 5 до 10 %. Начался планомерный сбор старой бумаги для переработки. «Впрочем, судя по крупному проценту незанятых учительских мест, среди подрастающего в эти годы поколения даже в Германии окажется немало таких, каким газеты вовсе не понадобятся – по неграмотности»¹⁶⁹. Нехватка угля и керосина заставили население проводить вечера в темноте¹⁷⁰. Товары широкого народного потребления стали распространяться только по карточкам. Сначала это касалось одежды, потом и продуктов питания. Строительная деятельность в Германии сократилась более чем в 5 раз по сравнению с довоенным временем, в связи с чем пришлось сократить производство цемента¹⁷¹. В 1916 г. гражданскому населению было запрещено использовать автомобили, а потом и велосипеды. Довоенную «Германию можно было назвать “страной велосипедов”. Теперь она ею не будет»¹⁷².

«Отдельную главу в истории понижения уровня быта составляет... возникновение “царства суррогатов”», когда потребляемые ранее предметы заменяются другими. «Замена приводит к возрождению продуктов, употреблявшихся в прежние века, но забытых». Лурье привел яркие примеры. Так, военное министерство учредило в Берлине Общество использования крапивных волокон, потому что «материя из крапивы особенно пригодна для изготовления белья»¹⁷³. А когда в стране истощились запасы кофе, правительство рекомендовало пить вместо него «отвар жжёных зёрен ржи, ячменя и т.п.»¹⁷⁴ 13 июня 1916 г. все оставшиеся запасы шоколада и прочих «сладостей» были конфискованы в пользу военного министерства.

Лурье несколько раз особо отмечал, что, как и в Средневековье, многие ограничения – например, касающиеся одежды и питания – затронули только малоимущие слои населения. «Возврат к феодальным традициям» в сельском хозяйстве он видел в возрождении зависимого и обязательного труда и при-

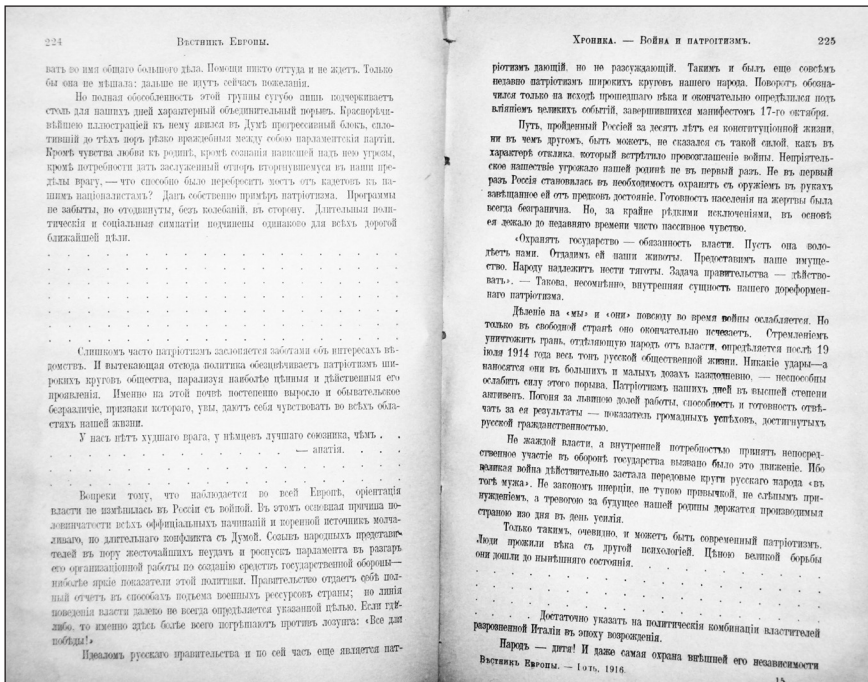
крепления к месту, «как было в эпоху крепостной зависимости»¹⁷⁵. Процесс «возврата к старине» усугублялся «понижением материального оборудования» сельского хозяйства. Деньги теряли свою покупательскую способность, инвентарь давно не возобновлялся, поголовье скота сокращалось¹⁷⁶. При этом автор статьи утверждал, что проблемы не исчезнут после заключения мира, а сохранятся как часть хозяйственного уклада, возникшего в условиях спада производства и понижения культуры.

Значительная часть фактов, приводившихся Лурье в доказательство тяжелого положения Германии, не могли не восприниматься как относящиеся и к России, испытывавшей во время войны похожие экономические трудности.

Успешное наступление русского Юго-Западного фронта летом 1916 г. на некоторое время придало авторам «Вестника Европы» надежды на скорое окончание войны. В июне очерк Н. Олигера «На войне» завершался словами: «Скоро мы начнем новую летопись – летопись победы»¹⁷⁷.

В июльском номере Арсеньев приходил к оптимистичному выводу: «Ход военных действий и общее положение дел позволяют думать, что не слишком уже далёк момент окончания войны», так как «нет основания ожидать, что она будет продолжаться летом будущего года»¹⁷⁸. В том же номере была опубликована статья Г.Н. Штильмана¹⁷⁹ «Война и патриотизм»¹⁸⁰, носящая следы сильных цензурных сокращений (на страницах журнала из текста вырезаны целые абзацы). Критикуя власть за плохую подготовку к войне, он писал: «Война, как искони водилось, захватила нашу власть врасплох. Страна едва лишь размахнулась, как обычная неподготовленность свела на нет блестящие успехи первых месяцев. Одной рукой сражаясь, народ другой вынужден поспешно создавать те средства, забота о которых в годы мира – важнейшая обязанность правительства... И сейчас, когда над нами взошло снова солнце галицийских побед, необходимо отдать себе ясный отчет в том, что только неустанное напряжение патриотической энергии способно обеспечить тот успех, который окупил бы принесённые жертвы»¹⁸¹.

Примером патриотизма Штильман называл Прогрессивный блок, «сплотивший до тех пор резко враждебные между собой парламентские партии». Однако «вопреки тому, что наблюдается во всей Европе, ориентация власти не изменилась в России с войной. В этом основная причина половинчатости всех официальных начинаний и коренной источник молчаливого, но длительного конфликта с Думой»¹⁸². Правительство, считал автор статьи, «становится неизменно поперек пути всем серьезным общественным начинаниям», хотя «сознание ответственности перед родиной помогло преодолеть и не такие трудности»¹⁸³.

Статья Штильмана со следами работы цензора

К осени 1916 г. наступление русского Юго-Западного фронта захлебнулось, и война снова стала казаться такой же бесконечной, как и раньше.

В сентябре Слонимский со ссылкой на германский Генеральный штаб опубликовал в «Иностранном обозрении» данные о потерях германской армии за два года войны, с 1 августа 1914 г. по 31 июля (нов. ст.) 1916 г. Согласно этим данным, германская армия потеряла 841 404 убитых, 2 121 770 раненых и 430 208 пропавших без вести, всего — 3 393 382 человек, то есть больше всего своего довоенного состава¹⁸⁴. «Вестник Европы» не мог дать для сравнения сведений о числе убитых и раненых в русской армии (да и вряд ли их пропустила бы цензура). Но поистине чудовищные цифры потерь, понесенных армией основного противника¹⁸⁵, должны были заставить читателя задуматься о масштабе развернувшейся в Европе бойни.

СОДЕРЖАНИЕ.	
КНИГА ДЕВЯТАЯ. — СЕНТЯБРЬ.	
	СТР.
I. ВЭНЯ (История одной женской души). — Бориса Лазаревского	5
II. ВЪ МОЕЙ ДУШѢ ПОКОЙ СТРАДАНИЙ... Стих. — С. Ростовцева	70
III. ЭПИЛОГЪ. — Лидиѣ Ефимовичъ	71
IV. ВЕЧЕРЪ. Стих. — Дм. Семеновскаго	82
V. ОЛЬГИНИЪ СКИТЪ. — Антона Любимова	83
VI. ВЪ ГЛУШЬ. Стих. — И. Бѣлоусова	107
VII. БУБА. — Е. Ватмана	109
VIII. ВОРОНЪ. Стих. — Вас. Смирнова	119
IX. КОМПОЗИЦІЯ ВЪ РОМАНѢ ДОСТОЕВСКАГО. — Леонида Гросмана	121
X. НЕ НАДО УНЫНЬЯ... Стих. — М. Ватсонъ	156
XI. ПО СИБИРИ (Спиритовы на Маѣ). — Вл. Войтинскаго	157
XII. ВЪ КИНЕМАТОГРАФѢ. Стих. — Анатолиѣ Доброхотова	177
XIII. ПОСЛѢДНИЕ ГОДЫ СТАРАГО ПОРЯДКА. (Оконч.) Кн. В. Оболенскаго	179
XIV. МОЛИЛАСЬ ДУША МОЯ. Стих. — Филарета Чернова	196
XV. ТОСКА. Романъ Грациѣ Дедеда (Продолженіе). Пер. съ итал. З. Журавскоѣ	197
XVI. INTERIEUR. Стих. — С. Кулаковскаго	247
XVII. PRÉLUDE. Стих. — Леонида Долинна	248
XVIII. ПСИХИКА РУССКАГО ТЕАТРАЛЬНАГО ЗРИТЕЛЯ 60-ХЪ ГОДОВЪ. — И. Игнатова	249
XIX. НОЧЬ ЗОЛОТИЛА ЗЕМНЬЕ ПРОСТОРЫ. Стих. — П. Орѣшина	288
XX. ХРОНИКА. — АМЕРИКАНСКІЯ НАСТРОЕНІЯ (Письмо изъ Нью-Йорка). — Р. Бланка	289
XXI. ПОНИЖЕНІЕ КУЛЬТУРЫ ВЪ ГЕРМАНИИ. М. Лурье	307
XXII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Воинственныя увлеченія въ Германіи. — Рѣчь канцлера въ рейхстагѣ. — Съѣздъ социал-демократической партіи въ Берлинѣ. — Конгрессъ британскихъ рабочихъ союзовъ въ Бирмингамѣ. — Политическое настроеніе во Франціи. — Балканскія дѣла и греческій кризисъ. Л. Слонимскаго	349
XXIII. НА ТЕМЫ ДНЯ. Твердыя цѣны на хлѣбъ. — Іерархія совѣщанія. — Главное управленіе здравоохраненія. — Второй товарищъ оберъ-прокурора св. синода. — Два полюса церковной	

В ноябрьском номере за 1916 г. «Иностранное обозрение» Слонимского начиналось с некролога об австро-венгерском императоре Франце Иосифе: «Один из главных виновников настоящей войны, император Франц Иосиф, сошёл, наконец, со сцены, 8 ноября, на 87-м году жизни, после необыкновенно продолжительного царствования».

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Францъ-Иосифъ и его дѣятельность. — Печальные итоги его царствованія. — Русско-австрійскія отношенія при Францѣ-Иосифѣ. — Живучесть Австро-Венгріи и современныя событія. — Общее политическое положеніе въ Европѣ. — Ходъ „операцій“ на Балканахъ и въ другихъ мѣстахъ. — Вѣщія политика въ Государственной Думѣ.

Одинъ изъ главныхъ виновниковъ настоящей войны, императоръ Францъ-Иосифъ, сошелъ, наконецъ, со сцены, 8 ноября, на 87 году жизни, послѣ необыкновенно продолжительнаго царствованія. Вступивъ на престолъ восемнадцатилѣтнимъ юношей въ бурные революціонные дни 1848 года, онъ въ теченіе шестидесяти восьми лѣтъ былъ полновластнымъ руководителемъ судебъ могущественной имперіи, которую оставилъ теперь въ разгарѣ тяжелаго кроваваго кризиса. Ограниченный по уму, проникнутый традиціоннымъ духомъ честолюбія и высокомерія Габсбургскаго дома, онъ въ силу историческихъ случайностей призванъ былъ играть роль, къ которой вовсе не былъ приспособленъ по своимъ личнымъ качествамъ и достоинствамъ. Онъ получилъ имперію по наследству отъ своего дяди, слабоумнаго Фердинанда I, вынужденнаго отказаться отъ престола 2 декабря 1848 года, и послѣ такого же вынужденнаго отказа своего отца, ближайшаго законнаго наследника, котораго собственная жена, Софія баварская, признала недостойнымъ высокаго званія монарха. Въ этой семьѣ дегенератовъ, отличавшейся вообще своею живучестью и изодовольствомъ, Францъ-Иосифъ оказался наиболѣе нормальнымъ и уравновѣшеннымъ. Его жизнь и дѣятельность тѣснымъ образомъ сплелась съ исторіею Австро-Венгріи, и онъ сдѣлался какъ бы олицетвореніемъ нестройной монархіи, соединяющей въ одно цѣлое различныя народности, для которыхъ единственнымъ и основнымъ связующимъ звеномъ является династія.

Какъ правитель, Францъ-Иосифъ никогда не имѣлъ опредѣленныхъ руководящихъ идей и не вдохновлялся никакими нравственными принципами; онъ легко соблазнялся воинственными планами и предпріятіями, обѣщавшими увеличить престижъ династіи, по

*Сообщеніе о смерти императора Франца Иосифа.
Ноябрь 1916 года*

В пространном тексте некролога описано происхождение Франца Иосифа из «семьи дегенератов». При этом сам покойный нелестно назван «престарелым монархом с умственным кругозором хорошо воспитанного фельдфебеля», «ограничен-

ным по уму, проникнутым традиционным духом честолубия и высокомерия Габсбургского дома», «суровым оберегателем традиций» династии, престиж которой «был для него высшим законом политики»¹⁸⁶. В завершение статьи автор предсказывал скорый развал Австро-Венгрии.

Таким образом, вторая половина 1915 г. отмечена ростом оппозиционных настроений «Вестника Европы». Военная тематика и вопросы международных отношений в журнале постепенно отступали на второй план. Больше статей посвящалось внутривластным проблемам, деятельности правительства и работе Государственной думы. Отмечая готовность общества продолжать войну до победного конца и призывая к единению во имя этой цели, авторы «Вестника Европы» всё более резко критиковали правящие круги.

Героический образ войны, которая может привести к миру, лучшему, чем был довоенный, в 1916 г. окончательно исчез со страниц «Вестника Европы». Его место заняли военные будни, красочно описанные в статьях Кузьмина-Караваева и Олигера. Авторы журнала констатировали, что народный энтузиазм по отношению к войне сошёл на нет, что общество снова разобщено, люди утратили веру в скорое окончание войны и в святой характер тех целей, во имя которых она велась. Свидетельством этого, как неоднократно отмечал Кузьмин-Караваев, являлась охватившая общество «вакханалия наживы», развитие спекуляции, рост доходов банков и акционерных обществ.

Кризисные явления в тылу вызвали у авторов журнала интерес к социально-экономической проблематике, заставили редакцию обратить внимание на темы инфляции, дефицита, снижения уровня жизни и деградации культуры в воюющих странах. Летом 1916 г. журнал стал касаться положения сельского хозяйства, жизни крестьянства и «рабочего класса». Однако публикации журнала на эти темы носили отвлеченный характер. Подлинного знакомства с жизнью народа не заметно ни у одного из авторов журнала.

Понимание негативных последствий войны всё же не привело авторов «Вестника Европы» к осуждению войны как таковой. Напротив, они до конца сохраняли твёрдую оборонческую позицию и обвиняли в развязывании войны Германию, хотя и пытались убедить читателя, что «война не исключает реформ».

Революция уже близко. Январь 1917 года

1.5. «Крушение старого строя». 1917 год в публицистике «Вестника Европы»

Второй военный год (с лета 1915 по лето 1916 г.) характеризовался ростом оппозиционных настроений русской прессы, которая всё активнее нападала на правительство. Объективными поводами для недовольства были огромные потери действующей армии без видимых результатов скорой и неизбежной победы, надлом настроений на фронте и в тылу, инфляция, деградация транспортной системы, приводившая к ухудшению продовольственного снабжения больших городов.

«Выражение всеобщего недовольства, окончательное падение авторитета власти, предчувствие, даже уверенность в надвигающейся страшной катастрофе можно прочесть решительно во всех мемуарах, относящихся к этому времени, – пишет Н.Н. Головин. – Во всех слоях общества ползли слухи один мрачнее другого...»¹⁸⁷

Центром либеральной оппозиции являлась Государственная Дума, лидеры которой взяли курс на изменение политического строя страны. Пользуясь трудностям военного времени, они устно и в контролируемой ими печати упрекали правительство во враждебности народу и отчуждении от него, в предательстве интересов страны, что якобы должно привести к неизбежной катастрофе. Закономерным итогом стала известная речь лидера кадетов П.Н. Милюкова «Глупость или измена?», прозвучавшая 1 ноября 1916 г. на открытии пятой думской сессии¹⁸⁸.

Не поддерживая формально ни одну из политических партий, «Вестник Европы» принял активное участие в антиправительственной кампании, развернутой русской либеральной прессой. Уже в феврале 1916 г. в статье «Сближение с Западом»¹⁸⁹, предвосхищая обвинения императорского двора в том, что он будто бы является агентом германского влияния, Л.З. Слонимский рассуждал, что политика России долгое время находилась под прусским влиянием¹⁹⁰, которое и «поддер-

живало у нас... правительственную реакцию». «Реакционному» и неспособному привести страну к процветанию государству обозреватель журнала противопоставлял якобы прогрессивную интеллигенцию. «Россия в лице своей интеллигенции активно участвует в общем умственном движении Европы, – писал он. – В совершенно ином положении находится политическая, официальная Россия: она мало понятна европейцам и вообще непопулярна за границей в широких слоях населения... Иностранцы знают и видят, что между властью и обществом существует у нас некоторый антагонизм и что наша бюрократия считает себя выше общественного мнения страны...» В итоге Слонимский приходил к выводу, что «многие устарелые черты нашей государственности создают России крайне плохую репутацию за границей» и именно государство мешает России занять более достойное место среди великих держав¹⁹¹.

В июньском номере журнала К.К. Арсеньев¹⁹² задавался вопросом «Изменится ли государственный строй России?» Он писал о нарушениях Конституции, злоупотреблениях 87-й статьей, позволявшей принимать законы без одобрения их Государственной Думой и т.п. Причину он видел в «устойчивости традиций и взглядов, сложившихся в бесконечно длившуюся эпоху бюрократического всевластия... На почве веры в собственную мудрость [1 строка вычеркнута, вероятно, цензором] укоренилась привычка всё сосредотачивать в властных руках [большая часть следующей страницы вычеркнута]»¹⁹³.

Статьи К.К. Арсеньева вообще задавали основной тон в «Вестнике Европы» в конце 1916 г. В сентябрьском номере он критиковал политический строй, «с внешней стороны слегка измененный государственными актами 1905 и 1906 годов», но «по-прежнему не имеющий ничего общего с западно-европейским конституционным укладом»¹⁹⁴. Мифический «конституционный уклад», очевидно, представлялся редактору «Вестника Европы» панацеей от всех бед, хотя трудности, переживаемые царской Россией в начале третьего года мировой войны, не

были тяжелее, чем проблемы, с которыми столкнулись в этой войне и остальные, более демократичные страны-участницы.

В октябрьском (вышедшем в ноябре, поскольку там речь идёт о событиях этого месяца) номере, по поводу открытия 1 ноября 5-й сессии Государственной Думы, Арсеньев писал: «Никогда ещё не обнаруживалось так ясно глубокое противоречие между настроением правительства и настроением народного представительства. Сессия началась при самых тяжёлых предзнаменованиях. Более чем когда-либо чувствуется необходимость наступления новых условий, соответствующих важности и опасности переживаемого момента»¹⁹⁵.

Государственную Думу Арсеньев называл «единственным местом, где может раздаться свободный голос, где может раскрыться... в главных чертах современное положение России»¹⁹⁶. Положение это одному из старейших русских журналистов рисовалось в самых мрачных красках. В ноябрьском (вышедшем в декабре) номере журнала, цитируя уже совсем не верноподданные речи депутатов, он писал о «близости крушения политического и всякого другого обскурантизма» (то есть фактически о неизбежности свержения самодержавия)¹⁹⁷ в России, выдавая это за желание народа: «Не может быть больше никакого сомнения в том, каким настроением проникнута мыслящая Россия»¹⁹⁸.

В этих рассуждениях Арсеньев полностью стоял на точке зрения думской оппозиции. Как известно, основным требованием Думы было создание «ответственного министерства», «облеченного народным доверием» и опирающегося на большинство в двух палатах парламента.

Государственная Дума, писал Арсеньев в декабрьском (вышедшем в январе) номере журнала¹⁹⁹, «высказалась за необходимость “устранить влияние безответственных темных сил”»²⁰⁰. «Необходимо создать правительство сильное, русское по мысли и чувству, пользующееся народным доверием и способное к совместной с законодательными учреждениями работе. Только такое правительство может обеспечить доведе-

ние войны до полной победы, без которой народная мысль не допускает мира»²⁰¹.

Принятие думской формулы Государственным Советом и Съездом Объединенного дворянства К.К. Арсеньев как типичный либерал считал признаком широкого народного одобрения: «Во всех трех формулах – Государственной Думы, Государственного Совета и дворянского съезда – одинаково идет речь об образовании министерства, пользующегося общественным доверием, и об устранении влияния безответственных темных сил»²⁰².

В этих рассуждениях обращают на себя внимание две типичных для русских либералов всех времён черты. Во-первых, стремление выдать своё мнение за мнение народных масс, а себя за защитников народных интересов. При этом неявно игнорировалось, что сама Дума не состояла из «народных избранников», так как выборы в неё не были построены на системе всеобщего, прямого и равного голосования, а строились по цензовой системе, в основе которой лежал имущественный фактор. То есть представителей оппозиции народ не выбирал, а её лидерами, фактически готовившими в стране государственный переворот, были крупные помещики и фабриканты (господа М.В. Родзянко, А.И. Гучков, А.И. Коновалов, М.И. Терещенко и др.), чьи интересы едва ли совпадали с интересами народа – то есть крестьян, рабочих и солдат. Когда в 1917 г. в России было введено всеобщее избирательное право для мужчин, буржуазные партии потерпели сокрушительное поражение и на муниципальных выборах июня 1917 г., и на осенних выборах в Учредительное собрание. Так каким же народом, – спрашивает современный историк. – прикрывалась оппозиция, подкапываясь под самодержавие? Кучкой крупных капиталистов, поддерживаемых немногочисленной городской интеллигенцией?²⁰³

Второй отличительной чертой была уверенность в том, что сместившая самодержавие буржуазно-помещичья олигархия сможет управлять страной лучше, чем императорское правительство.

В период с марта по сентябрь 1917 г. вышло всего 3 номера «Вестника Европы». Это было связано с экономическими трудностями, заставившими редакторов «толстых» журналов перейти на сдвоенные и строенные выпуски. Тем не менее, даже в этих сложных условиях авторы «Вестника Европы» не остались в стороне от исторических событий и пытались достаточно оперативно откликаться на важнейшие из них, такие как февральская революция, создание и деятельность Временного правительства, корниловский мятеж.

Одной из главных тем «Вестника Европы» в 1914–1916 гг. была тема внутреннего мира. В начале войны авторам журнала казалось, что «единение» достигнуто на патриотической основе защиты родины от германизма (особенно это видно в сентябрьском номере за 1914 г.). Но постепенно, как отметил в январе 1916 г. Кузьмин-Караваев, «всеобщее воодушевление» сошло на нет, и общество снова стало разобщено. Аналогичную эволюцию в общественных настроениях, но за более короткий срок, журнал отметил и в 1917 г. Вышедший в марте февральский номер «Вестника Европы» за 1917 г. открывался документами о «государственном перевороте 27 февраля – 2 марта 1917 года», который редакция журнала приветствовала таким обращением к читателям:

«С незабвенного дня 27 февраля 1917 года начинается новая эпоха русской истории. Старый, прогнивший насквозь государственный строй, поддерживаемый жестокими мерами насилия и беззакония, низвергнут единодушным порывом народа и армии. Власть, угнетавшая и разорявшая страну, пала в бесславной борьбе с собственным народом.

Великий русский народ разорвал, наконец, опутавшую его сеть векового рабства и открыл себе дорогу к новой свободной жизни, на равных правах с передовыми народами культурного мира. Официальная Россия, служившая оплотом всех тёмных сил в Европе, исчезла, и её место заняла новая, истинно великая демократическая Россия, проникнутая идеями права и справед-

ливости. Различные народности, обитающие в пределах Российского государства, получают возможность жить свободно, сохраняя свой язык и свою веру, без ущерба для политического единства страны. Перед Россией открывается светлое будущее, для достижения которого стоит жить и бороться.

Да здравствует свободная Россия!»²⁰⁴

После этого шли Государственные акты об отречении от престола Николая II и его брата. Падению самодержавия в февральском номере была посвящена статья Д. Овсянико-Куликовского «Две февральские революции»²⁰⁵.

«При совершенно исключительных – и исключительно благоприятных – условиях совершилось крушение старого государственного и общественного строя, – писал автор. – Светлым, благодаря этому, является будущее новой, свободной России». На стороне правительства не было «ни одной законодательной палаты, ни одного сословия, ни одной партии», авторитет его был расшатан до самого основания²⁰⁶. Слепление власти было безгранично. «Со всех сторон слыша слова осуждения или предостережения, она не хотела внимать им, потому что считала себя обладательницей материальной силы. В её руках была полиция, было войско – и она верила в свою непобедимость. Когда ей отказало в повиновении войско и без него в ничто обратилась полиция, она должна была пасть – и пала безнадежно и бесславно»²⁰⁷.

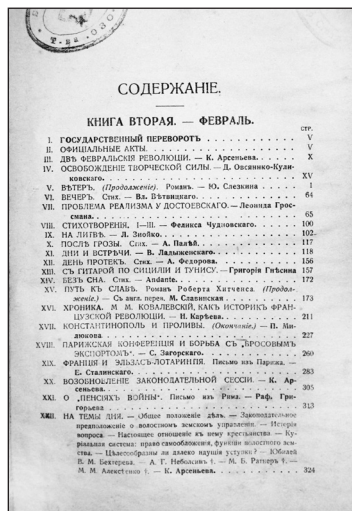
В статье Овсянико-Куликовского революция 1917 года сравнивалась с февральской революцией 1848 года во Франции. Причем будущее русской революции виделось автору в более радужном свете, чем французской. Старое правительство было изолировано и не имеет сторонников, союзниками России являются «передовые европейские нации». Война ведется с теми странами, «правительствам которых выгодно и приятно торжество реакции на русской почве». Восточная граница обеспечена союзом с Японией. Все национальности заинтересованы в победе над Германией. Войско не сражалось против революции, а помогло ей. «Другой династии, кроме осужденной народом и

низвергнутой революцией, у нас нет», и это «служит одной из гарантий мирного будущего»²⁰⁸.

«Начала свободы, равенства и справедливости проводятся в жизнь с такой быстротой, такой безоглядной смелостью и такой силой политического разума, что все сомнения и опасения отпадают: творится великое историческое всенародное дело, — во главе движения и у кормила власти стали люди, олицетворяющие разум и совесть страны. И когда пробьет час созыва Учредительного собрания, Россия, уже свободная, уже счастливая и несокрушимо могучая братским единением всех её народов и племен, выразит свою государственную всенародную волю — провозглашением **демократической республики** [выделено автором статьи] на началах равноправия полов, национальностей, классов, религий и вероисповеданий, — как политического уклада, выдвигаемого на очередь историческим ходом вещей у всех цивилизованных народов и призванного создать гарантии **международного вечного мира** и необходимые условия достижения в будущем **вечного социального мира** внутри каждой страны»²⁰⁹.

Титульный лист.
Февраль 1917 года

Содержание.
Февраль 1917 года

Мартовский номер «Вестника Европы» вышел в мае 1917 г. Событиям в России в нем посвящена традиционная статья К.К. Арсеньева «На темы дня»²¹⁰. В России, считал Арсеньев, подлежат разрешению не только политические, но и социальные проблемы²¹¹. Спустя месяц после свержения монархии он положительно оценивал итоги деятельности русского Временного правительства. «Работа закипела, в течение одного месяца получены результаты, которых при частичном обновлении государственного строя пришлось бы ждать... в течение долгих лет». Разрешены финский и польский вопросы, «уничтожены все национальные и религиозные ограничения», «блестит заря областных автономий, о которых не хотела и думать самодержавная монархия», «в течение нескольких дней осуществлено то, что было мечтою долгих десятилетий: действительное равенство перед законом», «вместе с всевластием административного произвола исчезает одно из главных его орудий – полиция»²¹². «Из старого права вырвана всецело, без остатка смертная казнь»²¹³. «Устранена, можно надеяться, опасность голода, грозившего столицам и многим другим местностям»²¹⁴.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Первый месяц после революции. — Деятельность Временного Правительства. — Вопросы о войне. — Вопросы о демократии. — Доклады и выборы. — Прокляты алхимики. — Головоломка смерти М. М. Лозовоговича. — И. И. Жижинский.

Полно, čím в других европейских государствах, совершалась революция в России. Отсюда необычайная сложность и сложность задачи, ставших перед новым властью и перед всем народом. Почти всецело необходимый революционный процесс происходил на политической почве; социальная проблема еще оставалась едва заметною или не выходящею для текущего состояния. У нас развешены подожать давно назрелые вопросы и того, и другого рода. Тащ было уже двенадцать лет тому назад, во время первого революционного кризиса; но, воздвигший из своего дала, он достиг возможности, и это значение оставалось своим внешне в воздухе, не получивши общего признания и твердых точек зрения. Дало государственного и общественного устройства, в особенности после 3 июня 1907 года, вошло во власть, а власть; последние реформы откладывали или отодвигались в неопредельное будущее; в среде населения появилось новое явление раздора; в правительственных сферах открывалось все более и более широкий простор для деятельности; «темных сил». Одно только не удалось отложить: решение водворить около себя непримиримый враг. Лучи света проникали в недоступную для них прежде область и расширяли ужасную картину. Не осталось места для наивной, для самообманчивой. Полюбили, точно, много казнили и казнили, и порядок, державший только подобием внешней силы, рухнул бесследно и бесследно.

И как ни тяжело наследство, которое она оставила стран, сама она тяжело пострадала на полях безоглядительно враждующему Делу. Несостоятельность учреждений, неволяемость отношений между различными частями государства, между народными, сословными и классовыми, все обнаруживало необходимость коренного и

«На темы дня». Традиционная рубрика Арсеньева

Старик Арсеньев, которому в январе исполнилось уже 80 лет, писал, что успехам Временного правительства благоприятствуют условия. Как и Овсяннико-Куликовский, Арсеньев сравнивал русскую революцию с французской, но не 1848, а 1789 г. Он тоже считал, что, так как в России никто не встал на сторону свергнутой власти, то стране не угрожает опасность внутренней смуты²¹⁵. Но, в отличие от своего соредатора и издателя, он не был столь оптимистичен в отношении будущего революции: «если новому строю не угрожает гражданская война, то нельзя отрицать существование серьезной внешней опасности»²¹⁶. Он предостерегал против надежд на скорое достижение всеобщего мира:

«Тяжелая неудача, понесенная нашими войсками, 21-го марта, на берегу Стохода... показала, к каким страшным последствиям может привести даже непродолжительное ослабление бдительности, даже кратковременный упадок дисциплины. Против войск освобожденной России германские войска действуют с таким же ожесточением, с таким же напряжением сил, с каким они действовали против армии Николая II... Возможны ли, после этого тяжёлого опыта, дальнейшие иллюзии относительно действия, произведенного русской революцией на широкие массы германского народа?.. Шансы успеха агитации, направленной к скорейшему во что бы то ни стало прекращению войны уменьшаются с каждым днем; всё больше и больше распространяется и укрепляется у нас сознание, что нельзя говорить о мире, пока неприятель стоит на русской земле...»²¹⁷

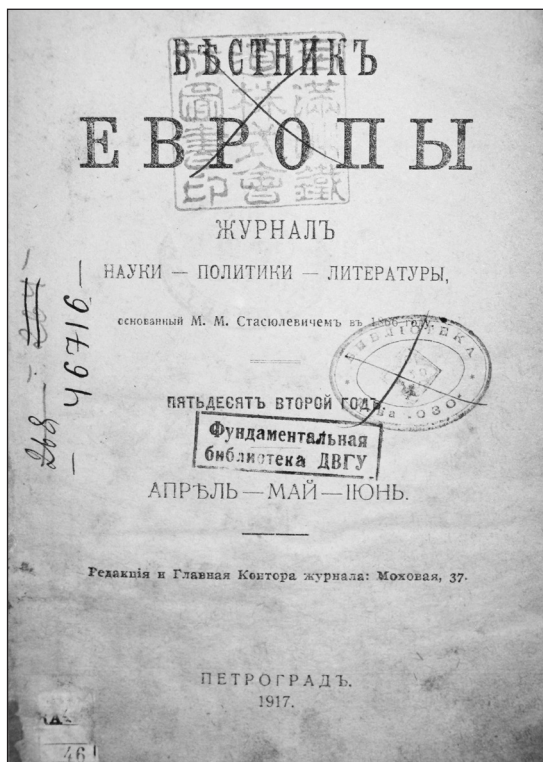
Общий тон статьи Арсеньева оставался оптимистичным. Автор полагал, что в армии укрепляется боевое настроение, а солдаты и рабочие напрягут все силы для «защиты свободы». В доказательство наступившего «единения» он неоднократно цитировал в статье резолюции войск, «признающие необходимым довести войну до победного конца»²¹⁸. «Для успешного окончания войны, – писал он. – как и для продолжения громадной внутренней работы, необходимо спокойствие внутри страны, необходимо объединение вокруг общепризнанно-

го центра»²¹⁹. Возникшую в первые дни революции проблему «двоевластия» Арсеньев решал следующим образом: Совет рабочих и солдатских депутатов должен быть посредником между Временным правительством и массами, но не должен вторгаться в область управления. Это, писал он, ясно сознают сами войска, заявляющие, что «только в полном единении... залог нашей победы и торжества свободы». В статье цитировались «блестящие речи» и выступления в печати в поддержку буржуазной демократии Г.В. Плеханова, И.Г. Церетели, Е.К. Брешко-Брешковской. Слова «призывы к примирению, к единству раздаются с разных сторон»²²⁰ очень напоминали то, как журнал описывал общественные настроения в начале войны. Арсеньев утверждал, что, в отличие от царского правительства, новая власть «сознает свою ответственность перед народом». «Живым символом единения между элементами, выдвинутыми революцией на передний план, служит присутствие в Временном правительстве А.Ф. Керенского... Его авторитет, укрепляемый его выдающимся красноречием и кипучей деятельностью, стоит чрезвычайно высоко»²²¹. Вероятно, эти слова написаны в мае 1917 г., после назначения Керенского военным министром. В это время газеты именовали этого деятеля «рыцарь революции», «львиное сердце», «первая любовь революции», «народный трибун», «гений русской свободы», «солнце свободы России», «народный вождь», «спаситель Отечества», «пророк и герой революции», «добрый гений русской революции», «первый народный главнокомандующий» и т.д. Не остался в стороне от подобных восхвалений и «Вестник Европы».

Таким образом, в двух номерах «Вестника Европы», вышедших весной 1917 года, безусловно, отражены в основном оптимистически-романтические иллюзии первых недель революции, когда казалось, что с падением самодержавия перед свободной Россией откроются самые блестящие перспективы.

Но, как это было и в 1914–1915 гг., надежды авторов «Вестника Европы» на достижение «внутреннего мира» снова не

оправдались. Четвертый (строенный) номер журнала, вышедший по экономическим причинам лишь в сентябре 1917 г., ясно демонстрирует разочарование авторов в итогах революции. Лучше всего это заметно в «Политическом обозрении» Слонимского²²², вышедшем с подзаголовками: «Печальные дела русской революции и их политические последствия», «Партийная рознь и внутренняя анархия», «Дело Корнилова и ошибки Временного правительства».

Четвёртый том журнала за 1917 год

«Русская революция, – начинает статью Л.З. Слонимский. – по общему признанию, всё более спускается вниз и неудержимо тянет за собой страну и народ в область безнадёжной анархии.

И хуже всего, что она спускается морально, растеряв как будто все свои первоначальные возвышенные идеалы и поставив на их место непримиримые интересы и требования различных общественных организаций и групп.

Отдельные партии и их руководители борются между собой, можно сказать, на глазах торжествующего неприятеля и по мере возможности устраивают свои собственные дела, не думая вовсе о благе и пользе России...»

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Печальные дела русской революции и их политическая последствия. — Партийная рознь и внутренняя анархия. — Дело Корнилова и ошибки Временного Правительства. — Мирное посредничество папы. — Ответы на папскую ноту и вопрос о будущем мире.

Русская революция, по общему признанию, все больше спускается вниз и неудержимо тащит за собою страну и народ в область безнадежной анархии. И хуже всего, что она спускается морально, растеряв как будто все свои первоначальные возвышенные идеалы и поставив на их место непримиримые интересы и требования различных общественных организаций и групп.

Отдельные партии и их руководители борются между собою, можно сказать, на глазах торжествующего неприятеля и по мере возможности устраивают свои собственные дела, не думая вовсе о благе и пользе России. У нас нет и следа того „гражданского мира“ (Bürgerfrieden), который устраивал на время войны всякую партийную рознь в Германии; нет ничего подобного тому „священному единению“ (Union sacrée), которое позволяло передовым французским социалистам работать совместно с типическими представителями либеральной буржуазии, в роде Рибо. В русском обществе и народ не имеет патриотического чувства, или оно встречается очень редко; самое слово „патриотизм“ оплошало до того, что назвать порядочного человека патриотом значит нанести ему кровную обиду. Нет и не может быть любви к государству, которое всегда было для народа источником всякого зла, угнетения и насилия; нет истинной привязанности к отечеству, потому что представление об отечестве не имело в себе ничего реального и постоянно соединялось с каким-то мнимым „престолом“. Народ поневоле чуждался враждебной ему государственной власти. Каждый в отдельности привязан к своей родине, где он провел свое детство и юные годы, но Россия в целом слишком велика, чтобы быть для кого-нибудь родиной. Русский обыватель привык считать своею родиною ту или другую местность, город или даже губернию, и если он сам — из

*Начало статьи Слонимского
«Печальные дела нашей революции»*

Вину за такое положение дел Слонимский возлагал на то, что «в русском обществе и народе нет патриотического чувства или

оно встречается очень редко... Нет и не может быть любви к государству, которое всегда было для народа источником всякого зла, угнетения и насилия; нет истинной привязанности к отечеству, потому что представление об отечестве не имело в себе ничего реального и постоянно соединялось с каким-то мифическим “престолом”... Каждый в отдельности привязан к своей родине, где он провёл своё детство и юные годы, но вся Россия в целом слишком велика, чтобы быть для кого-нибудь родиной»²²³. «Всякий француз... сознает свою принадлежность к великому целому, называемому Францией... Всякий немец – прирожденный патриот... Русский человек лишен этого чувства национальной гордости и национального самосознания. Веками самовластья он был низведен на степень бесправного, покорного подданного... Государство стало исключительным достоянием отдельной полунемецкой фамилии и её многочисленных льстивых и жадных слуг... Официальная Россия была воплощением самодовольной тупости... Чувства и взгляды большинства обывателей и народных масс по отношению к государству не могли сразу измениться под влиянием революции. Неудивительно поэтому, что красноречивые призывы к спасению родины, раздававшиеся часто за последнее время из рядов Временного правительства, оставались гласом вопиющего в пустыне»²²⁴.

То есть, «идеи-то были хорошие, а вот народец оказался быдловат». Точно так в конце XX в. в своих созданных после перестройки писаниях будут оправдываться бывшие советские диссиденты-шестидесятники, активно содействовавшие крушению той самой страны, в которой большинство из них только и могли существовать.

«Политическое обозрение» свидетельствует об охвативших общество упадке духа, трусости и апатии, полностью уничтожившими у людей сознание какого-либо «единства» перед лицом трудностей.

К чести автора «Вестника Европы», даже в критической ситуации осени 1917 г. он не изменил демократическим идеалам

журнала и отрицательно оценил попытку военного переворота и учреждения диктатуры Л.Г. Корнилова, солидарность с которым в августе – сентябре выразили, в частности, кадеты, включая их лидера П.Н. Милюкова²²⁵. «Генерал Корнилов... – писал Слонимский. – задумал и подготовил междоусобную войну в самый опасный момент внешнего неприятельского наступления... К счастью, предприятие генерала Корнилова было обречено на неудачу благодаря именно той демократизации армии, против которой он так решительно восставал»²²⁶. В статье подвергались сомнению способности Л.Г. Корнилова как государственного деятеля. Последствиями неудавшегося переворота автор называл акт 1(14) сентября об объявлении России республикой и боязнь контрреволюции, следствием которой стало чрезвычайное усиление левых политических партий (в статье упомянуты лидеры большевиков Ленин, Зиновьев и Троцкий, которые названы автором «откровенными демагогами», раздающими невыполнимые обещания, и противопоставлены «таким заслуженным деятелям, как гг. Чхеидзе и Церетели»).

Деятельность Временного правительства, в отличие от авторов, писавших в марте – апреле 1917 г., Л.З. Слонимский также оценивал критически. В качестве крупнейших его ошибок Слонимский называл «восстановление смертной казни, административной ссылки и произвольных насилий над печатью», «устранение от дел лучших генералов – Брусилова, Рузского, Алексеева, Лечицкого», кроме того, необоснованное «возложение обязанностей верховного главнокомандующего на министра-председателя, который по своей прошлой деятельности не имел никакого отношения к военному делу»²²⁷. Здесь автор «Вестника Европы» отразил снижение доверия к Керенскому, который в это время был уже председателем правительства и фактически диктатором России.

«Нечего и говорить о том впечатлении, которое производят печальные дела нашей новорожденной Российской республики за границей и особенно среди союзных с нами наций. Добро-

вольное оставление Риги... принято было в западноевропейской печати как начало конца России в качестве великой державы»²²⁸.

«Среди союзных стран не проявляется уже внешних признаков и проявлений симпатии к русской революции и русской свободе; напротив, всё сильнее высказываются совершенно противоположные чувства, и вместе с тем всё более распространяется взгляд, что бесполезно рассчитывать на дальнейшее участие России в войне, что не следует уже оказывать ей какую-либо поддержку или принимать во внимание её интересы, а надо предоставить Россию собственной её судьбе»²²⁹.

Подведем итоги. Содержание «Вестника Европы» в годы первой мировой войны определялось типом и направлением этого издания. Отсюда преобладание аналитических материалов, пристальное внимание к европейским делам и конституционно-либеральные симпатии большинства авторов, которые, к тому же, почти все были по специальности юристами.

В публицистике «Вестника Европы» военного времени можно выделить несколько этапов. На первом этапе авторы журнала заняли патриотическую позицию и призывали общество к «единению» с правительством. Они представляли войну борьбой за торжество демократии, борьбой с милитаризмом за мир. Союз России с Англией и Францией давал К.К. Арсеньеву и его коллегам надежду на демократические перемены и внутри страны. Публицисты пытались убедить читателя, что народ охвачен патриотическим подъемом и готов на жертвы во имя победы, создавали образ врага-немца. Правда, в журнале не было обоснований необходимости территориальных захватов и призывов жестоко расправиться с врагами России. Наоборот, уже осенью 1914 г. К.К. Арсеньев и В.Д. Кузьмин-Караваев напоминали, что за развязывание войны в Европе ответственно немецкое правительство, а не немецкий народ. Основной особенностью этого этапа в истории «Вестника Европы» является отказ от оппозиционности и преимущественное внимание к

внешнеполитической тематике, к общественным настроениям в Англии, Франции, Италии, Болгарии и США.

Настроение журнала стало постепенно изменяться летом 1915 г. Непосредственной причиной были поражения русской армии и вызванные ими события в Государственной Думе, приведшие к созданию Прогрессивного блока. С августа 1915 г. взаимоотношения правительства и Думы стали основной темой журнала, оттеснив на второй план вопросы международной жизни и саму войну. «Вестник Европы» опубликовал отчет о 4-й думской сессии, в том числе критические по отношению к правительству речи депутатов, дал текст программы Прогрессивного блока и сочувственно высказался о её содержании. К началу 1916 г., как видно из статьи В.Д. Кузьмина-Караваева в первом номере, редакции журнала стало ясно, что политика гражданского мира, «единения» власти и общества в России потерпела крах, а победы в войне добиться так и не удалось. В этот второй период в «Вестнике Европы» прекратился просуществовавший всего год посвященный войне отдел «Обзор военных событий» и исчезли материалы, в которых разъяснялись цели и задачи войны. Последняя больше не представлялась читателю как что-то, способное привести к демократии и миру. Наоборот, в статьях стокогольмского корреспондента М. Лурье на примере Германии было показано негативное влияние войны на культуру. Однако журнал сохранял оборонческую позицию и до февральской революции поддерживал думскую оппозицию, открыто высказываясь за создание «министерства народного доверия», которое сможет «обеспечить доведение войны до полной победы, без которой народная мысль не допускает мира».

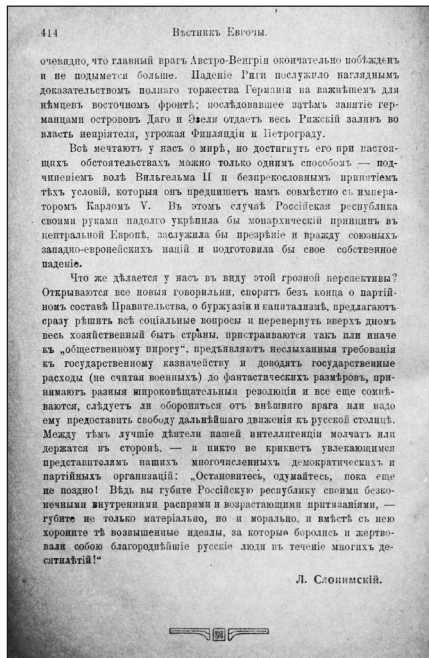
Социально-экономическая проблематика не занимала большого места в «Вестнике Европы». В результате авторы журнала даже в конце 1916 г. считали, что народ во время войны богатеет, и объясняли дороговизну в городах повышением уровня жизни крестьян. Осуждения войны как таковой нет ни в одном из материалов журнала.

Сквозь многие публикации «Вестника Европы» в период 1914–1917 гг. проходит тема гражданского мира. Под гражданским миром понималось такое «единение» власти и общества, при котором все работают во имя общего блага – думают не о себе, а о «благе и пользе России». Здесь не место рассуждать о том, что подобное «единение» весьма далеко отстоит от классического либерализма и больше всего напоминает тоталитаризм. Важно другое. Когда весной 1917 г. русская революция стала «спускаться в область безнадежной анархии» с печальными последствиями для внутреннего и внешнего положения страны, один из постоянных авторов журнала Л.З. Слонимский обвинял в этом в №4–5–6 за 1917 г. русский народ, в котором «нет патриотического чувства... и привязанности к отечеству», а не наживших на войне миллионы помещиков и капиталистов из Государственной Думы, присвоивших себе функции государственной власти в критический для страны и общества момент. В своих попытках отстоять в России конституционное начало и демократические свободы авторы «Вестника Европы» ни разу не задались вопросом о том, кому на самом деле выгодны война и свержение самодержавия, и даже осенью 1917 г. не могли понять, почему «красноречивые призывы к спасению родины, раздававшиеся часто за последнее время из рядов Временного правительства, оставались гласом вопиющего в пустыне».

Вопреки ожиданиям, свержение самодержавия не улучшило, а только ухудшило ситуацию в стране. Деморализованная армия терпела поражения и разбегалась. Престиж России среди её союзников упал, и вопрос позорного выхода из войны путем капитуляции перед Германией стоял на повестке дня. Обострялась социальное положение в стране.

«Что же делается у нас в виду этой грозной перспективы? – вопрошал Слонимский в сентябре 1917 г. – Открываются новые говорильни, спорят без конца о партийном составе Правительства, о буржуазии и капитализме, предлагают сразу решить все социальные вопросы и перевернуть вверх дном весь хозяйственный быт страны, пристраиваются так или иначе к “общественному

пирогу”, предъявляють неслыханные требования к государственному казначейству и доводят государственные расходы (не считая военных) до фантастических размеров, принимают разные широковещательные резолюции и всё ещё сомневаются, следует ли обороняться от внешнего врага или надо ему предоставить свободу дальнейшего движения к русской столице. Между тем лучшие деятели нашей интеллигенции молчат или держатся в стороне, — и никто не крикнет увлекающимся представителям наших многочисленных демократических и партийных организаций: “Остановитесь, одумайтесь пока ещё не поздно! Вы ведь губите Российскую республику своими бесконечными внутренними распрями и возрастающими притязаниями, — губите не только материально, но и морально, и вместе с нею хороните те возвышенные идеалы, за которые боролись и жертвовали собой благороднейшие русские люди в течение многих десятилетий!”»²³⁰

Окончание статьи Слонимского

Часть II. «Русское богатство»

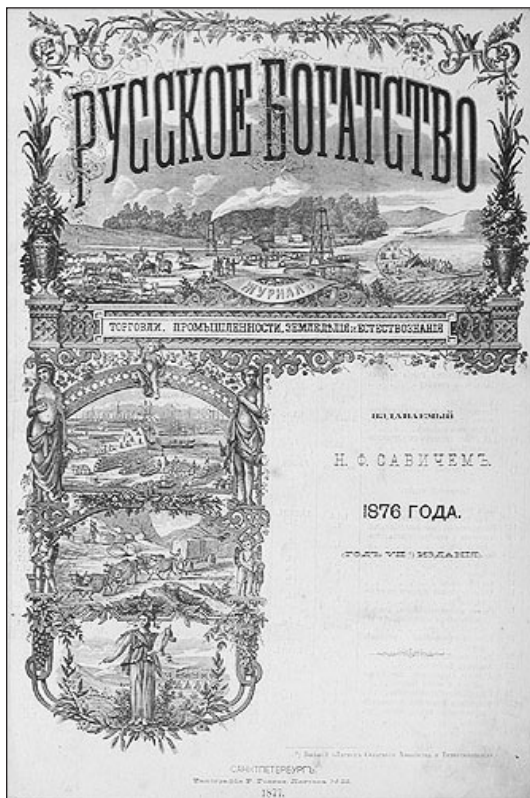
2.1. История

Из всех «толстых» журналов, сохранившихся в России после первой революции, «Русское богатство», по всей видимости, был самым популярным, о чём свидетельствует хотя бы его тираж, который был в три раза больше, чем у «Вестника Европы». В отличие от рассмотренного выше «Вестника Европы», «Русское богатство» имел более сложную историю, неоднократно менял своих владельцев и своё направление. Последнее можно характеризовать как народническое, постепенно дрейфующее к либеральному.

Как и «Вестник Европы», «Русское богатство» издавался в Санкт-Петербурге.

Начало этому журналу положила двухнедельная, «с рисунками в тексте», газета «Народный листок сельского хозяйства и естествознания». Её выпустил в свет в 1872 г. подпоручик Николай Францевич Савич. В программе газеты значилось: распространение в народе «реальных знаний и преимущественно ремёсел и промыслов», приобщение крестьян к грамоте и элементарным знаниям по сельскому хозяйству, промышленности и науке. Основным адресатом газеты являлось крестьянство.

14 августа 1875 г. Главное управление по делам печати разрешило Савичу вместо газеты с 1876 г. выпускать 3 раза в месяц новый «журнал промышленности земледелия и естествознания» «Русское богатство». На следующий год, поступив на государственную службу, Савич передал журнал сестре. Издание влчило жалкое существование, его выход время от времени приостанавливался. После продолжительного перерыва издателем и редактором стал Д.М. Рыбаков, который сделал журнал ежемесячным, но смог выпустить единственный номер в марте 1879 г.

Журнал «Русское богатство» Н.Ф. Савича. 1876 г.

В 1880 г. издание журнала «Русское богатство» возобновила артель литераторов: С.Н. Кривенко, А.И. Протопопов, А.М. Скабичевский, В.М. Гаршин, Н.Н. Златовратский, Н.Ф. Бажин, С.Н. Бажина, В.В. Берви-Флеровский, Г.И. Успенский, Г.В. Плеханов и др. Большинство это были сотрудники популярных демократических журналов «Дело» и «Отечественные записки». Каждый артельщик внёс пай в размере 100 рублей.

28 мая 1879 г. С.Н. Бажина по поручению артели получила свидетельство и стала издательницей журнала; редактором стал Н.Н. Златовратский. Журнал имел три отдела: «Беллетристика и статьи по общественным вопросам», «Литературная критика», «Смесь». Ре-

доктор Н.Н. Златовратский в программных статьях сообщал, что «во главу угла» будет поставлен «народный вопрос». Приверженность журнала народническому направлению свидетельствует о некоторой преемственности с первоначальным крестьянским листком Савича. Авторы уверяли читателя, что интеллигенция спасёт Россию от бед капитализма и сохранит крестьянскую общину.

Однако различия во взглядах привели к разногласиям в артели и конфликтам. Так, Г.И. Успенский быстро охладел к журналу, В.М. Гаршин тяжело психически заболел и был помещён в лечебницу для душевнобольных (позднее он покончил с собой). Сильно сказались на характере журнала события 1 марта 1881 г. (убийство членами «Народной воли» Александра II). Златовратский отказался от редакторства, а его место занял поэт и библиограф П.В. Быков. Сотрудники разбрелись. В 1881 и 1882 гг. «Русское богатство» фактически вели П.В. Засодимский, Н.Ф. Бажин и его жена С.Н. Бажина. Журнал в этот период довольно плохо расхodziлся (имел только 600 подписчиков) и многими считался посредственным.

В конце концов, в октябре 1882 г. артельщики-издатели передали ставший для них обременительным журнал Л.Е. Оболенскому, литератору, критику и философу, который издавал его с января 1883 до конца 1891 г. Главным сотрудником его стал сам издатель, помещавший здесь романы, статьи научно-философские, критические, публицистические. Он превратил «Русское богатство» в литературный и научный ежемесячник с 6 отделами и преобладающим влиянием науки и философии, что предопределило участие в журнале самого графа Л.Н. Толстого. Толстой дал в журнал несколько небольших нравственно-публицистических статей. В них великий русский писатель показывал несправедливость общественных отношений, при которых народ обречен на нужду, бедствия и болезни. Нравственно-религиозные искания Толстого были поддержаны Оболенским. Изменение направление журнала в 1880-х гг. с народнического на более либеральное было отмечено и цензурой, которая отнеслась к этому весьма положительно²³¹.

№ 5—6. Май — Июнь 1886.

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.**

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЮЗЪМЪ
Н. НОВГОРОДЪ-НА-ВОЛГАХЪ
БОГАТЫРЕВЪ

ХОРОШИЙ СТАРШИНА. (Съ натуры). Крестьянина Д. Волкова	1
НОЧНАЯ БАБОЧКА. Стихъ К. Фоданова	53
ЕЪ ВОПРОСУ О НАСЛѢД. Л. Оболенскаго	58
НА ЗИМОВНИКЪ. Путевыя картины Н. М. Р.—ва	111
ПРОХО ПЕТЕРБУРГА	145
ЦВѢТОВЪ СЧАСТІИ. Романъ Е. Вернеръ	157
УБОГАЯ ШКОЛА В. Пуртулова	189
ДУШИ ЕЪ НЕВОЛЬ. Романъ Боллсава Пруса	207
О ПЕДАГИЧЕСКИХЪ ОРГАНИЗМАХЪ. А. Свѣтославо	248
ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ. (Изъ записокъ сегоднешняго). И. Поллова	289
СТИХОТВОРЕНІЕ К. Фоданова	288
ТРУДЪ МУЖНИНЪ И ЖЕНЩИНЪ. Л. Н. Ткачкова	288
СТИХОТВОРЕНІЕ К. Фоданова	288
ДѢВЪ ТОЛСТОЙ И О. КОНТЪ О НАУКѢ (отвѣтъ г. Свѣтославо). Л. Оболенскаго	294
ПО НОВОДУ СТАТЬИ г. Н. П. О ПЕРВОМЪ ТОМѢ МОЕЙ ГЕОЛОГІИ, Профессора Императорскаго	323
НАШЕ УЧЕНЬЕ О ПРОГРЕССѢ (отвѣтъ профессору А. А. Колаво). Л. Оболенскаго	339
ОВО ВСЕМЪ (Краткія замѣтки)	339
«ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ»	362
НОВЫЯ КНИГИ	379
ОСНОВАНІА ФИЗИОЛОГІИ УМА: ПАМЯТЬ.—ВООБРАЖЕНІЕ.—ЗДРАВЫЙ СМЫСЛЪ. Л. Куртисова (въ концѣ кн.)	
ОБЪЯВЛЕНІЯ (въ оберткѣ)	

Въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ редація будетъ открыта только по пятницамъ, отъ 2 до 4 часовъ пополудни.

Отдѣленіе конторы «Русскаго Богатства» для городскихъ подписчиковъ помѣщается при книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій, № 46, близъ Пассажа.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІИ В. В. КОМАРОВА, ФОНТАНКА, 74.
Доплавно цензурно. С.-Петербургъ 3 іюня 1886 г.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Конюговаробская, № 52

«Русское богатство» Л.Е. Оболенского. 1886 г.

Успех «Русского богатства» в 1890-е гг. и рост его влияния в обществе был связан с возвратом к народническому направлению и популярностью нового редактора Николая Константиновича Михайловского, друзьям которого в ноябре 1892 г. удалось приобрести этот журнал к 50-летию Михайловского, предложив ему пост редактора. В апреле 1893 г. восстановлен артельный принцип издания. В число пайщиков вошли Н.К. Михайловский, С.Н. Кривенко, К.М. Станюкович, Г.И. Успенский, А.И. Иванчин-Писарев, позднее В.Г. Короленко, С.Н. Южаков, Н.Ф. Анненский и др. Денежные пай приобрели и «близкие к журналу лица, принявшие на себя издательский риск».

В этот период «Русское богатство» по-прежнему неоднократно менял издателей и редакторов, но это не было связано с изменениями характера журнала. С ноября 1892 г. издателями являлись Е.М. Гаршин и Надежда Валерьевна Михайловская – жена писателя Гарина-Михайловского, затем Михайловская и О.Н. Попова, с мая 1895 г. – Михайловская и В.Г. Короленко, и только в 1897 г. Н.К. Михайловский и В.Г. Короленко окончательно приобрели у Н.В. Михайловской полные издательские права на журнал²³².

Ответственными редакторами были П.В. Быков и С.И. Попов.

Роль Н.К. Михайловского в «Русском богатстве» была определяющей до самой его смерти в 1904 г. Он был опытным, получившим признание публицистом, начавшим свой творческий путь в далёких уже 1860-х гг. В молодости Михайловский сотрудничал вместе с Н.А. Некрасовым и М.Е. Салтыковым-Щедринным в журнале «Отечественные записки», и общество 1890-х воспринимало его как продолжателя их дела.

Н.К. Михайловский

При Михайловском в «Русском богатстве» пропагандировались главные доктрины народничества. Публицисты журнала видели основой будущего социального устройства России общинное землевладение и выступали против отчуждения крестьянских наделов, за раздел помещичьих земель, уравнительное землепользование. Они считали, что страну можно спасти от «горестных путей» капитализма, развивая «народную промышленность», под которой понимали кустарные промыслы, и т.п. Естественно, что народники вступили в горячий спор с марксистами, смотревшими на многие проблемы иначе²³³.

Оппозиция марксистской идеологии исходила не только от «Русского богатства», но и от других органов: от либеральных журналов «Вестник Европы» и «Русская мысль», консервативного «Русского вестника», однако, как явствует из освещения этой полемики В.И. Лениным в знаменитой книге «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», инициатором и вдохновителем этого противостояния были именно Николай Константинович Михайловский и журнал «Русское богатство».

Михайловский был не согласен с формулой К. Маркса об «идиотизме деревенской жизни» и трактовкой его последователями роли крестьянства в России и выступил против идеи гегемонии одного класса над другим. Он призывал «не сшибать лбами» различные трудовые слои общества, служить идеалам социальной справедливости и человечности, а не классовым идолам. Неоднократно подвергавшийся репрессиям со стороны властей и цензуры, Михайловский был против революции, которой он боялся больше, чем реакции. Помимо редактора с критикой начинающегося русского марксизма выступали и другие авторы журнала – Южаков, Н.Ф. Даниельсон (переводчик «Капитала» на русский язык), Л.Г. Зак. В этой полемике теоретики народничества окончательно отступили от старых народнических догм, признали наличие развивавшегося в России капитализма и рабочего движения. Но всё же они старались дока-

зять, что интересы всех трудящихся полностью тождественны, и развивали концепцию аграрной эволюции.

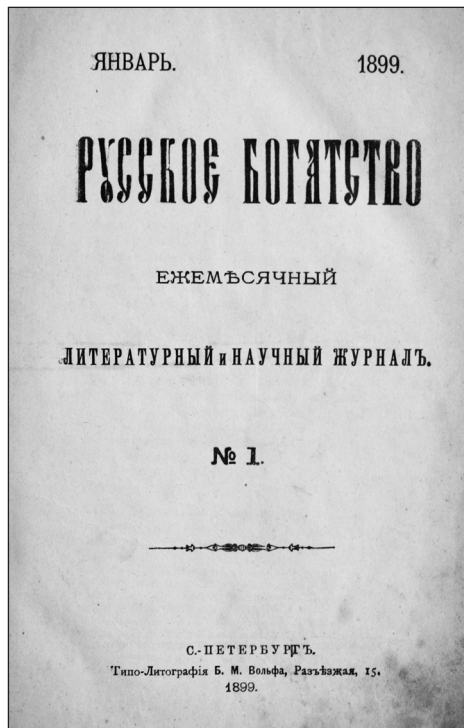
Редакторы и сотрудники журнала «Русское богатство». 1903 год

Споры марксистов и народников на несколько лет стали основным содержанием всех ведущих русских журналов. Со стороны марксизма в них приняли участие лидеры социал-демократов: Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, – а также молодые учёные и публицисты, которым суждено было сыграть ключевую роль в исторических событиях, произошедших в России в следующие четверть века: В.И. Ульянов (Ленин), П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и другие.

«Русское богатство» являлся надёжным источником, который давал возможность прогрессивной интеллигенции знакомиться с событиями в России и жизнью других стран. В каждом номере публиковалась «Хроника внутренней жизни», которую вели сначала С.Н. Кривенко, позднее С.Н. Южаков и Н.Ф. Анненский. Отдельные статьи по вопросам экономики и внутренней политики помещали многие авторы.

В обозрениях комментировались действия и распоряжения властей, рассказывалось о холерном бунте на юге России, переселении крестьян на восток страны, стачках рабочих, волнениях учащейся молодежи и т.п. Нередко эти факты показывались в сравнении с тем, как это происходит в других государствах²³⁴.

Отдел иностранной политики сначала вёл В. А. Тимирязев, а затем С. Н. Южаков, который одно время вёл также «Дневник Журналиста», обратив на себя внимание своими нападка-ми на российские учебники. Большой интерес представляли собой и заграничные корреспонденции «Русского богатства». Статьи в журнале помещали М.М. Ковалевский (издатель либерального «Вестника Европы»), В.А. Мякотин, В.И. Семевский, П.Б. Струве и многие другие авторы.

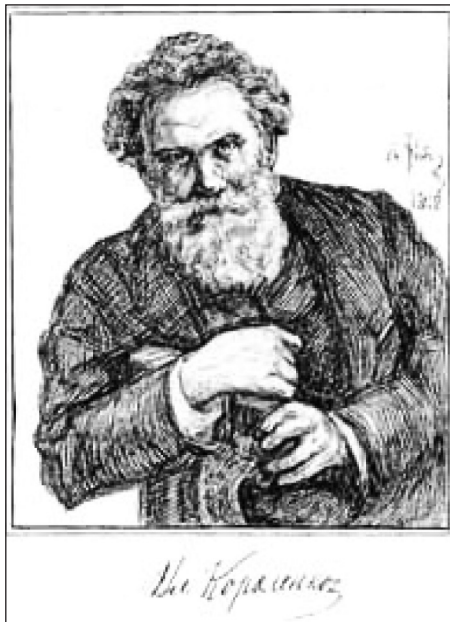
«Русское богатство» в период Н.К. Михайловского. 1899 год

По традиции русского толстого журнала в «Русском богатстве» был неплохой литературный отдел, который возглавлял В.Г. Короленко. «Русское богатство» выступило с непримиримых позиций против декадентства и чистого искусства. Публицисты журнала во главе с Михайловским подвергли жёсткой критике произведения Д. Мережковского, Н. Минского, К. Бальмонта, альманах «Денница», роман П.Д. Боборыкина «Перевал».

Одной из заслуг Михайловского как редактора было привлечение к сотрудничеству набиравшего тогда известность Владимира Галактионовича Короленко, который с 1892 г. печатался в «Русском богатстве», в 1894 г. стал пайщиком, вошёл в состав редакции, а уже с 1895 г. был утверждён и в качестве издателя журнала.

Активность В.Г. Короленко как публициста принесла ему репутацию политически неблагонадёжного. Шесть лет (1879–1886 гг.) он провёл в тюрьмах, на этапах и в ссылке. «Но, – как вспоминал он сам. – страстное желание вмешаться в жизнь, открыть форточку в затхлых помещениях, громко крикнуть, чтобы рассеять кошмарное молчание общества, – держалось во мне и даже ещё выросло после ссылки». С 1885 по 1892 г. Короленко был корреспондентом казанской газеты «Волжский вестник». Его острые публицистические выступления привлекали внимание местной общественности. Особенно на шумела серия статей об Александровском дворянском банке (1891 г.), вскрывшая миллионные хищения. В Москве В.Г. Короленко сотрудничал в газете «Русские ведомости», где весной 1892 г. опубликовал серию очерков о голоде, поразившем Поволжье. Они были изданы отдельной книжкой («В голодный год»).

Позиция народного защитника была присуща Короленко. Она особенно проявилась в цикле произведений, посвящённых Мултанскому делу (1895 г.), когда писателю удалось добиться оправдания несправедливо обвинённых полицией крестьян-удмуртов (вотяков). Если К.К. Арсеньев имел репутацию «совести русской журналистики», то В.Г. Короленко называли совестью эпохи²³⁵.

Портрет В.Г. Короленко. 1912 год

Когда в 1904 г. умер Н.К. Михайловский – идейный вдохновитель журнала и его неофициальный редактор, один из крупнейших русских публицистов, любимец передовой молодежи, новым редактором (и одновременно издателем) стал В.Г. Короленко.

12 апреля 1905 г. девять сотрудников журнала – Н.Ф. Анненский, А.Г. Горнфельд, А.И. Иванчин-Писарев, В.Г. Короленко, П.В. Мокиевский, В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов, С.Н. Южаков и П.Ф. Якубович создали Товарищество по изданию «Русского богатства». Редактирование журнала теперь осуществлял Редакционный комитет, который избирался общим собранием членов Товарищества. Собрание являлось высшим органом, решавшим все вопросы ведения журнала. Его хозяйственную часть контролировал наблюдательный комитет. Таким образом, издание наиболее оппозиционного в

начале XX века толстого журнала было основано на самых передовых для того времени кооперативных принципах, которые, как сетовал С.Н. Кривенко, «не пошли» в русской прессе, но прекрасно работали в газете «Русские ведомости» и в «Русском богатстве»²³⁶.

Принципы организации номера журнала остались такими же, как и в XIX веке. «Русское богатство» состоял из двух отделов. В первом из них печатались научные статьи и беллетристика. Всё остальное считалось публицистикой и входило во второй отдел, его называли «корпусным». По мнению редакции, именно публицистика составляла «корпус» журнала, что было характерно для издания публицистического типа. В этом «корпусном» отделе имелись постоянные рубрики: «Хроника внутренней жизни», «Политика», обзор зарубежных событий и библиографический отдел под названием «Новые книги». Другие отделы журнала «при отборе материала руководствовались тематикой основных статей публицистического отдела как главного»²³⁷.

Редакция составляла журнал по продуманному плану. В частности, она старалась подчеркнуть основную идею не только одного месяца, но даже и года. Конечно, первую скрипку в доказательстве этой идеи опять же играли материалы публицистические, все остальные – в особенности беллетристика – должны были их дополнять. Это определяло отношение к художественной литературе в «Русском богатстве». Романы и рассказы, принимаемые в журнал, должны были соответствовать идейным установкам журнала, даже в ущерб художественному замыслу. Наверное поэтому беллетристика «Русского богатства» была традиционно серой, вызывала многочисленные критические оценки, но для журнала она первостепенной роли не играла. В сознании современников журнал был ценен именно политической остротой выступлений, а не литературными шедеврами. Это отметил цензор, писавший, что направле-

ние журнала «с особенной ясностью сказывается в его публицистическом отделе»²³⁸.

Перед 1905 г., по мнению С.Ю. Витте, «Русское богатство» являлось самым левым, «анархическим» изданием России. Но вряд ли это мнение было справедливо.

В период революции – в марте 1906 г. – журнал опубликовал основные положения партии народных социалистов. Народные социалисты (энесы) объявили себя независимой от эсеров отдельной партией. Программа энесов была умеренней, чем эсеровская. В ней излагались демократические идеалы и делался акцент на нравственном факторе жизни общества и человека. Основной движущей силой прогресса энесы считали интеллигенцию. Они предпочитали мирную тактику революционной. В первом номере журнала за 1906 г. В.Я. Яковлев-Богучарский писал: «Центральное место в нашем миропонимании занимает человек. Идея самоценности и верховенства человеческой личности была одной из самых характерных для нашего направления»²³⁹.

История взаимоотношений журнала с цензурой рассмотрена подробно в статье его сотрудника Евгеньева-Максимова, основанной на открытых в 1917 г. материалах архива Главного управления по делам печати²⁴⁰.

Так, уже в ноябре 1892 г. цензурный комитет отмечал, что этот журнал «доставлял особую заботу цензуре». В этом месяце было запрещено шесть статей, предназначенных для одного номера «Русского богатства». «Одна статья говорит о том, что русский народ гибнет от голода, холеры и других общественных бедствий, и заскоружное чиновничество не умеет исполнить свои обязанности о помощи». «Другая статья рисует голодовку целой семьи». «В четвёртой – пропаганда коммунистических идей». В пятой – исторической – осуждались высшие классы, которыми народ доведён до скотского состояния. В шестой – библиографической – статье этого номера давался явно сочувственный отзыв о книгах, посвященных социализму²⁴¹.

Это было в тот месяц, когда журнал перешёл к Н.К. Михайловскому. Дальше было не лучше. Уже в июле 1893 г. Главное управление обрушилось на цензора, пропустившего статью Короленко «В голодный год». В результате в октябре была запрещена совершенно невинная статья «Крестьянские переселения в Сибирь». А когда в мае 1895 г. Короленко стал издателем журнала, начальник Главного управления Феокистов писал: «Я думаю, что под редакторством Короленко “Русское богатство”» не изменится к лучшему»²⁴². Он предлагал МВД не утверждать Короленко и не освобождать журнал от предварительной цензуры²⁴³. Наличие предварительной цензуры не спасало «Русское богатство» от гнева министра внутренних дел. В итоге 4 мая 1899 г. журнал был приостановлен на три месяца за пропущенную цензурой статью в отделе «Хроника внутренней жизни» (в мартовском номере) «Финляндские дела» (о форме правления Финляндии), в которой не было ничего предосудительного.

Принятые в разгар революции новые Временные правила о печати 24 ноября 1905 г. освободили печать от предварительной цензуры. Зато первый же вышедший после номер немедленно повлёк привлечение редактора к суду за публикацию в «Русском богатстве» Манифеста Совета Рабочих депутатов, Главного комитета Всероссийского крестьянского союза, ЦК РСДРП, ЦК ПСР и т.п. В результате № 11–12 журнала за 1905 г. был арестован, а издание журнала официально приостановлено²⁴⁴. В начале 1906 г. «Русское богатство» выходил под названием «Современных записок» и «Современности», прежнее название было возвращено в мае.

После третьеиюньского переворота 1907 г. до конца года вышло 7 книжек журнала, из них 5 (№№ 6, 7, 9, 10 и 12) было арестовано, причём в отношении трёх арест был позже утверждён судом²⁴⁵.

Впрочем, проблемы с властью скорее положительно сказывались на популярности «Русского богатства». В отличие

от «Вестника Европы», статистика которого показывает постоянное падение тиража в 1890–1900-х гг., «Русское богатство» демонстрирует в этом смысле положительную динамику. В 1895 г. тираж журнала составлял 7000 экземпляров, в 1899-м достиг 11000, в 1907 – 14000 экз. Правда, С.Я. Махонина приводит иные цифры: в 1904 г. – 8019 подписчиков, в 1908-м – 10833, в 1909-м – 10771. Она делает вывод, что, хотя редакция «Русского богатства» старалась работать для широких кругов читателей, но «предназначение и реальный результат не всегда одно и то же». В XX в. народническая пропаганда уже не привлекала «широких кругов интеллигенции», политические ссыльные дифференцировались по партийной принадлежности и читали «свои» издания²⁴⁶. Тираж около 10000 экземпляров даже для толстого издания небольшой (хотя и вдвое больше, чем у того же «Вестника Европы»), и говорить о «Русском богатстве» как о массовом журнале не позволяет.

Как и «Вестник Европы», «Русское богатство», по сути, – журнал узкопартийный. Вся его история – это история непрерывного противостояния как правым, так и левым, история борьбы с реакцией, беззакониями, бюрократией, буржуазией, марксистами, толстовцами, декадентами, черносотенцами, националистами, церковью, кадетами, октябристами, социал-демократами и т.д. В этом смысле показательны публицистические выступления «Русского богатства» против националистов в печально известном «Деле Бейлиса».

Основным достоинством «Русского богатства» была верность избранному пути и направлению, защита интересов крестьян и близость к политической деятельности почти всех сотрудников, активно участвовавших в разворачивающихся в стране исторических событиях.

2.2. Сотрудники

*Редакция «Русского богатства».
Справа А.Г. Горнфельд и В.Г. Короленко*

Редактором и издателем журнала накануне и во время мировой войны оставался Владимир Галактионович Короленко (1853–1921). Будучи также и руководителем Отдела беллетристики, он ежегодно прочитывал 400–500 рукописей, хотя сам для журнала писал редко, и чаще публиковался в «Русских ведомостях».

Одним из лучших в «Русском богатстве» считался отдел критики и библиографии, который возглавлял Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867–1941) – по образованию юрист, выпускник Харьковского университета, критик, которого ценили в разных литературных лагерях. По количеству рецензий, написанных для журнала, он был первым среди всех его сотрудников. Статьи А.Г. Горнфельда, как правило, снабжены аппаратом доказательств и отличаются острой словесной формой.

Другим популярным публицистом журнала был Исаак Владимирович (Вульфович) Шкловский (1864–1935), печатавший-

ся под псевдонимом Дионео (выбран в честь одного из героев «Декамерона» Боккаччо).

Шкловский был выходцем из бедной еврейской семьи, участником народнического движения. 1886–1892 гг. провёл в ссылке в Средне-Колымске Якутской области. С 1893 г. состоял (как и Короленко) постоянным сотрудником газеты «Русские ведомости», с 1896 г. постоянно жил в Лондоне, откуда и присылал свои рецензии и очерки английской жизни. В русской прессе того времени считался авторитетным специалистом по Великобритании. В «Русском богатстве» сотрудничал с 1897 г. В 1914–1915 гг. его статьи публиковались почти в каждом номере журнала.

И.В. Шкловский (Дионео)

«Хронику внутренней жизни» в журнале в 1900–1904 гг. вёл В.А. Мякотин, в 1905–1907 гг. (то есть в период революции) – А.В. Пешехонов, после 1908 г. этот отдел перешел к А.Б. Петрищеву и приобрел более информационный характер.

Интересно, что из всех статей, публиковавшихся в «Русском богатстве» с 1906 г. (после отмены цензуры), статьи В.А. Мякотина и А.В. Пешехонова чаще всего вызывали недовольствие властей и судебное преследование журнала.

Венедикт Александрович Мякотин (1867–1937), сын почтмейстера, окончил курс наук на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В «Русском богатстве» сотрудничал с 1897 г. Активно участвовал в политической жизни. В 1901 г. арестован по обвинению в политическом преступлении и выслан из Петербурга. Вернулся в 1904 г. 8 января 1905 г., накануне «кровавого воскресенья» входил в состав депутации, пытавшейся убедить министров не применять силу против демонстрантов. Был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1906 г. один из основателей партии народных социалистов. В 1911–1912 гг. отбывал заключение в Двинской крепости. Накануне войны в «Русском богатстве» писал на иностранные темы.

Алексей Васильевич Пешехонов (1867–1933) в XX веке был одним из основных сотрудников «Русского богатства», определял его позицию. Земский статистик, экономист, он пришел в журнал в середине 1890-х годов, член редколлегии с 1901-го. В годы первой русской революции стал одним из создателей партии народных социалистов – энесов, – близкой к эсерам, но более умеренной и менее нацеленной на тактику индивидуального террора. В «Русском богатстве» в 1914 г. он печатался сравнительно нечасто, его статьи шли под общим заглавием «На очередные темы». Зато, судя по опубликованным на сайте <http://www.hrono.ru/> документам, в это время фактически Пешехонов выполнял в журнале обязанности редактора²⁴⁷.

Афанасий Борисович Петрищев (1872–1951) – публицист и писатель, выпускник учительского института в Белгороде, в начале карьеры (1893–1901 гг.) работал учителем. Сотрудничал в нескольких южных газетах. В «Русском богатстве» с 1904 г. Член партии трудовиков (народных социалистов). В 1907 г. привлекался к суду за издание брошюры «Триста лет. 1606–1906». В «Русском богатстве» вел отдел «Хроника внутренней жизни», а позже (под псевдонимом А. Борисов) – «Внутренние дела и вопросы».

А.В. Пешехонов

Отдел «Иностранная летопись» в журнале вёл Николай Сергеевич Русанов (1859–1939), русский революционер, народоволец, затем эсер. С 1881 г. он жил во Франции, где сблизился с П.Л. Лавровым и другими русскими эмигрантами. Работал в революционных журналах, в особенности в «Вестнике Народной Воли», одним из редакторов которого он был под псевдонимом Тарасова. В «Русском богатстве» с 1895 г. Писал корреспонденции из Франции под различными названиями и псевдонимами. В идейном плане очень близок к Михайловскому и может считаться его ближайшим учеником и последователем. После амнистии 1905 г. вернулся в Россию. Был членом редакции нескольких эсеровских газет, каждая из которых была закрыта правительством. После это-

го Русанов вернулся в Париж и, как и раньше, присылал свои статьи из-за границы.

Среди наиболее часто печатавшихся в журнале публицистов был Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854–1933), сын сельского священника. Он имел прекрасное образование: духовное училище, семинария и медицинский факультет Московского университета. Рано начал принимать участие в народническом движении и в 1880 г. арестован по обвинению в содействии «Народной воле» и сослан под надзор в Уфимскую губернию. Не исправился, и в 1884 г. за распространение нелегальной литературы выслан в Восточную Сибирь, где встретился с направлявшимся тогда же в ссылку Короленко. По возвращении из Сибири, как и Короленко, жил в Нижнем Новгороде, и в 1891–1893 гг. принимал участие в борьбе с голодом и холерой. В конце 1890-х гг. поселился в Ялте, познакомился с Л.Н. Толстым и лечил А.П. Чехова. Во время революции на квартире Елпатьевского проходили собрания эсеров. Однако он не разделял некоторых их взглядов и в 1906 г. стал одним из создателей партии народных социалистов. Депутат Государственной Думы первого созыва. В 1910–1911 гг. отбывал заключение в Петропавловской крепости за публикацию книжки «Земля и свобода». В «Русском богатстве» накануне и во время войны регулярно печатались его статьи-рассуждения на политические темы, хотя их число было не велико, автор был занят, поскольку работал врачом в госпиталях Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. После войны С.Я. Елпатьевский жил в Москве, и в 1922–1928 гг. успел поработать врачом в Кремлёвской больнице.

Среди постоянных авторов «Русского богатства» также был В. Майский. Его статьи в основном посвящены Англии и Германии. Под именем «В. Майский» скрывался будущий советский дипломат Иван Михайлович Майский (Ян Ляховецкий) – член партии РСДРП, с 1908 г. живший в эмиграции в Англии.

С.Я. Елпатьевский

Подводя краткий итог нашему обзору, нужно сказать, что публицисты «Русского богатства» в сравнении с авторами «Вестника Европы» принадлежали к более молодому поколению (в основном 1860-х гг. рождения). В отличие от своих уважаемых коллег из либерального журнала, почти все они, кроме А.Г. Горнфельда (кстати, единственного юриста в штате редакции) активно участвовали в революционном движении и много лет провели в тюрьмах и ссылках. Двое из постоянных авторов (Н.С. Русанов и В. Майский), скрываясь от властей, постоянно проживали за границей. Большинство остальных (кроме редактора В.Г. Короленко) являлись основателями созданной в 1906 г. неонароднической трудовой народно-социалистической партии.

Народническое направление «Русского богатства» и политическая активность его сотрудников имели следствием внимание журнала к социально-экономическим вопросам, условиям жизни простого народа. Напротив, политическая проблематика здесь отступала на второй план. Эта особенность, отличавшая «Русское богатство» от «Вестника Европы», проявилась и в годы мировой войны.

2.3. «Две стены». Публицистика журнала «Русское богатство» с начала 1914 г. до закрытия журнала

Внешний вид, формат, объём «Русского богатства» в 1914 г. напоминали «Вестник Европы». Похожей была и структура номера. Однако тематика публикаций и особенности освещения общественно значимых тем имели отличия от таковых в либеральном журнале.

Основное направление публицистики «Русского богатства» в 1914 г. определялось статьями С. Елпатьевского, В. Майского и А. Петрищева.

Общий тон был задан статьёй Елпатьевского «Жизнь идёт» из первого (январского) номера журнала²⁴⁸. Следуя нашему правилу давать читателю максимально достоверное и полное представление о позиции авторов выбранных нами журналов, приведём из неё ряд длинных цитат. Елпатьевский анализировал общественную обстановку в России в период после русской революции 1905–1907 гг., примерно так же, как это делал в том же месяце В.Д. Кузьмин-Караваев в «Вестнике Европы», но более образно и выразительно. Он писал «о великом размежевании официальной и неофициальной России; об овраге, о стене между ними, намечавшихся и раньше, но определенно вставших со времён русской революции. Постепенно овраг становился глубже, стена вырастала выше – и в этом размежевании, или, вернее, отмежевании неофициальной России от официальной... и заключалась история последних 8 лет»²⁴⁹.

В статье давалась яркая характеристика правительственного лагеря («официальной России»). «Самообразовавшаяся на правительственной стороне группа резко отграничена от толщи местных обывателей. У нее своя идеология, своя общественная жизнь, свой язык. Они желают Великой России, но она представляется им в виде великой Федоры, которую можно вести на цепи, с которой свободно и приятно будет сожительствовать

тем несколько стам тысяч привилегированных людей, из которых состоит официальная Россия»²⁵⁰. «Там, в этом круге, манифест 17 октября – не государственный акт, не новые нормы жизни, а **обещание**, которое, по объяснению “Нового времени”, можно взять и обратно. В том обществе само упоминание о манифесте 17 октября считается... неудобным... Там “Новое время” высший орган государственной мудрости... Там не знают “Русских ведомостей”... Для них населяющие Россию народы не граждане русской земли, а инородцы или иноверцы... Настоящие полноправные граждане и истинные патриоты только они, националисты – люди по ту сторону стены непременно националисты, – хотя и составленные – судя по фамилиям – из всех наций, населяющих Россию...»²⁵¹

«Разделение и разъединение обывательского и правительственного кругов идёт... до самых основ мышления, до глубины души... Толстой для них вредный для России человек, вроде внутреннего врага, заподозривается даже Пушкин»²⁵².

К сожалению, данное Елпатьевским описание «официальной» России даже сейчас, ровно 100 лет спустя, звучит современно и актуально. Оно заслуживает быть высеченным в граните в вечную память потомкам. В противоположность этому, чёткой характеристики оппозиционной к власти («неофициальной») России автор «Русского богатства» не даёт. «Есть там октябриствующие, кадетствующие, эсдекствующие, эсерствующие... есть и не причислившие себя никуда...»²⁵³ «В то время, как дворянско-ведомственный круг уходит от Пушкина и Толстого... от прежней культуры – именно в крестьянских и рабочих кругах замечается тяга и к Пушкину, и к Некрасову, и к Толстому, к русской литературе вообще, к новому укладу жизни»²⁵⁴. Но этот «новый уклад» видится автору смутно, так что статья в целом создаёт впечатление, что у тогдашнего общества не было ясного ответа на вопрос, что противопоставить идеологии правящих классов.

В марте 1914 г. в «Вестнике Европы» Кузьмин-Караваев рассуждал, что общество недовольно властью, и «государствен-

ный корабль дрейфует». Независимо от него (и даже немного раньше) С.Я. Елпатьевский делает тот же вывод: «Так и стоят друг против друга две стены. Какое теперь государственное устройство в России, никто не знает»²⁵⁵. «Быть может, преждевременно говорить о близком конфликте, не совсем потеряна возможность и решения вопроса без “катастрофы”, но вопрос становится и мудрёнее, и настоятельнее день ото дня»²⁵⁶.

В подобном духе выдержана в журнале «Хроника внутренней жизни» Петрищева. Это особенно заметно в мартовском номере²⁵⁷. Темой статьи была отставка председателя совета министров и министра финансов графа В.Н. Коковцова, последовавшая 30 января 1914 г.

Подводя итог деятельности В.Н. Коковцова, А.Б. Петрищев подсчитал, что в 1910 г. Государственный банк ссудил «высшим классам» 385 млн. рублей, а в 1913 г. – 1,1 млрд. «Коковцов так старался поддерживать высшие классы, что буквально перекормливал их... избытки шли на ажиотаж, на всевозможные роды нездоровой спекуляции, на биржевую игру». Коковцов «был умереннее и благоразумнее многих коллег по кабинету. Но при нём произошли неслыханные выборы в IV Думу... Понимал вред оголтелого национализма и юдофобства. Но именно при нём то и другое достигло диких крайностей. Именно при нём оказалось возможным дело Бейлиса»²⁵⁸. С финансовой точки зрения, писал А.Б. Петрищев, ушедший в отставку министр скопил для государства немало «свободной наличности», но её целиком, временами даже со значительным прибавком, необходимо иметь за границей для поддержания торгового и расчетного баланса.

Результатом такой политики является то, что «в сфере общеполитической полный расцвет реакции, хотя реакционеры всё-таки не удовлетворены, в области финансов есть наличность, но не дома, она не избавляет от необходимости новых займов... Финансовое равновесие поставлено в чрезмерную зависимость от бирж и банков. Они воспользовались этим и во-

дворили в экономической жизни своё владычество». В стране растёт спекуляция, дороговизна, производственные отношения расстроены, вследствие чего в богатой сырьем стране с частой периодичностью случаются «нефтяной, угольный, железный, чугунный, цементный, дровяной голоды...» (то есть дефицит соответствующих товаров).

Полная свобода власти от общества была постоянной темой «Хроники внутренней жизни». Так, в апрельском номере А.Б. Петрищев рассказывал о произошедшем недавно совещании по вопросу об ассигновании военных кредитов, на которое премьер-министр И.Л. Горемыкин позвал кадетов и прогрессистов, но не трудовиков и социал-демократов, поскольку эти политические партии «неоднократно заявляли с думской трибуны, что они являются принципиальными антимилитаристами и голосуют всегда против всех военных кредитов». Подобную практику принятия законов автор «Русского богатства» остроумно сравнил с приглашением на суд одних прокуроров, без защитников²⁵⁹.

Хотя прямые аналогии здесь не уместны, но представленная в статьях Петрищева (как и Елпатьевского) картина общественной и политической жизни России начала XX в. оставляет впечатление *déjà vu*. Как будто смотришь в прошлое, а видишь современность, ничуть по сравнению с этим прошлым не изменившуюся, тем более к лучшему. В данном случае с заменой В.Н. Коковцова на А.Л. Кудрина, а «массы наличности, которую нужно держать за границей», – на пресловутый Стабилизационный фонд, мы получаем очень похожую ситуацию начала XXI в. Словно страна 100 лет бежала по кругу, который теперь, наконец, замкнулся, вернувшись к самому началу.

Людьми, далёкими от нужд страны и народа, защитниками интересов правящего сословия, представлялись в журнале и властители Германии, которой в скором времени суждено было стать противником Российской империи в войне. Этому посвящена статья Майского в апрельском номере «Русского

богатства»²⁶⁰. Статья построена в форме беседы автора с «немецким социал-демократом», который на вопрос об отсталости политических институтов Германии говорит, что «страна... своей социально-экономической и духовной культурой смотрит вперёд, своим же государственно-политическим режимом она смотрит назад, в сторону отживших идеалов средневековья»²⁶¹. Управление сосредоточено в руках крупных землевладельцев. Эта «злобно-реакционная, пережившая себя социальная группа и направляет всю внешнюю и внутреннюю политику Германии»²⁶². Мощь этой партии «покоится не на господстве над умами широких слоёв населения, а на их доминирующем положении в придворных сферах и в рядах государственной бюрократии»²⁶³.

Майский даёт характеристику правящих кругов Германии. Их идеология основана на религии, на идее «прирождённого, от века установленного *социального неравенства*»²⁶⁴. «Государство консерваторов есть “христианское государство”. А это в переводе на язык практики означает, что оно представляет собой военно-аристократическую организацию, служащую интересам первенствующего сословия... А так как подобное государство может покоиться лишь на физической силе, то консерваторы были и остаются... восторженными поклонниками армии и флота и яркими партизанами милитаризма»²⁶⁵. «По их мнению, меч является главным носителем человеческой культуры»²⁶⁶.

Юнкерство – «пламенный враг» демократии, образования, науки и культуры. «Оно недовольно также и характером современной прессы: последняя занимается, видите ли, чересчур много политикой, играет в парламентаризм и только развращает читателей»²⁶⁷. Поэтому «идеальная газета» должна выбросить «смехотворную политическую болтовню» и освободившееся место использовать для печатания «подробных отчётов о действительно важных и интересных событиях», вроде, например, рождений, свадеб и погребений среди лиц княжеского рода, о войнах, восстаниях и т.п.²⁶⁸

Тема милитаризма и военной опасности в Европе нередко трагивалась журналом в отдельных публикациях. Первая («Бесовское навождение») появилась во втором номере «Русского богатства» за авторством Дионео (И.В. Шкловского) в традиционной авторской рубрике «Из Англии»²⁶⁹. Статья начинается в стиле, напоминающем будущего Эренбурга. Перед мысленным взором автора проходят старинные книги с изображениями дьяволов, оборотней, инкубов, суккубов и упырей. «Современное человечество, – пишет Дионео. – знает двух таких демонов... Имя одного демона – наступательный или государственный национализм, имя другого – милитаризм»²⁷⁰.

В статье Дионео даётся обзор популярной футуристической литературы, в которой анонимные немецкие авторы после будущей великой войны «делят» территорию Франции, а столь же анонимные французские авторы «делят» территорию Германии. Исчезновение «бесовского навождения», считает публицист, сделало бы мир безопаснее и положительно повлияло бы на европейскую культуру.

Похожий характер носит статья Белоруссова «Милитаристы и пасифисты (письмо из Франции)», напечатанная в последнем предвоенном номере «Русского богатства»²⁷¹. Это пересказ выводов из книги видного французского историка Шарля Сеньобоса «Histoire Politique». Сеньобос, пишет Белоруссов, считает, что основная причина «безумного роста вооружений» – «недоверие наций друг к другу»²⁷². Вторая причина – «антагонизм между Францией и Германией», возникший «вследствие войны 1870 года и аннексией Германией Эльзас-Лотарингии; между Россией и Австрией, борющихся из-за влияния на Балканском полуострове; между Германией и Англией, промышленно-торговое соревнование которых достигло высшей степени»²⁷³. При этом война вовсе не отвечает желаниям народов. Даже население бывших французских департаментов Эльзаса и Лотарингии высказалось против «возврата к Франции ценой войны»²⁷⁴.

Тема Эльзас-Лотарингии поднималась и в иностранном обозрении журнала. Но его постоянный автор Н.С. Русанов не считал, что территориальный спор является основной причиной гонки вооружений. В майском номере «Русского богатства» он рассуждал, что большую роль играет ещё «идейный, культурный фактор», под которым он понимал рост политического сознания «широких, но ещё малообразованных и полусознательных слоёв», являющихся орудием для эгоистической шовинистической политики правящих классов²⁷⁵. «Надо признать, – констатирует Русанов. – что привилегированные классы, в особенности буржуазия, оказались гораздо менее изжившими свой век, гораздо более энергичными и умными группами, чем это представлялось четверть века тому назад»²⁷⁶. С помощью лжи и демагогии, распространяемых через контролируемые ими газеты, в целях собственного выживания эти классы «бьют в общую точку, чрезвычайно искусно возбуждая шовинизм толпы» и заражая «массу грамотных читателей среди трудящихся» сведениями и «общим духом... бульварной и жёлтой печати..., с которой не может конкурировать неизмеримо более бедная рабочая печать»²⁷⁷.

Однако в целом внешнеполитическая тематика занимала немного места в журнале. Хотя авторы «Русского богатства» не остались совсем в стороне от дискуссий о будущей войне, но всё-таки их лучшие публикации посвящены проблеме разобщённости общества и власти, причём последняя описывалась как тормоз, препятствующий развитию России на современном этапе.

На начало войны журнал непосредственно откликнулся статьёй А.В. Пешехонова «На очередные темы. Вероятное и возможное», опубликованной в августовском номере²⁷⁸. «Катастрофа разразилась... – так начинает свою статью автор «Русского богатства». – Как и всегда это бывает, она пришла как будто вдруг... Но это, конечно, только видимость... Шествие по пути милитаризма не могло длиться бесконечно...»²⁷⁹

Большая часть статьи Пешехонова, как видно и из названия, посвящена возможным последствиям войны. «Границы катастрофы ещё не определились, да и не сразу, пожалуй, они обозначатся. В войну уже вовлечена громадная часть Европы, но, возможно, что ею будет охвачен и весь почти мир...

Трудно предусмотреть и то, сколько времени эта небывалая по своим размерам война может продлиться. Более вероятным, конечно, представляется предположение, что она будет кратковременной...

Не исключена, однако, и другая возможность, ... что война затянется и, быть может, даже на долгие годы...»²⁸⁰

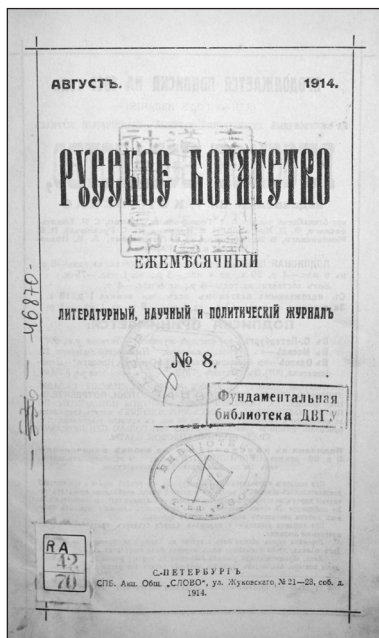
Тон статьи с каждой страницей становится всё суровой. «Так или иначе, но будут пролиты целые реки крови, будут потреблены неисчислимые богатства, – рассуждает автор. – В результате границы многих государств, вероятно, передвинутся; некоторые, быть может, даже вовсе исчезнут со сцены; возможно, что политическая карта изменится до неузнаваемости»²⁸¹.

«Будет потрясена и внутренняя жизнь каждой страны... и прежде всего в политической сфере, где некоторые отношения очень обострены, где некоторые струны очень натянуты...»²⁸²
«Не бесследно международная катастрофа пройдёт для социальных отношений... Едва ли не самые тяжёлые потрясения будут иметь место в экономической сфере»²⁸³.

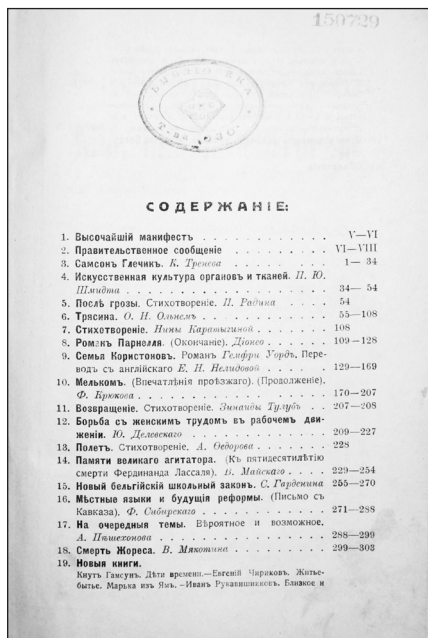
Статья носит откровенно антивоенный характер. Так, в определении причин войны А.В. Пешехонов расходится с утверждениями официальной пропаганды, достаточно ясно представленными, например, в «Вестнике Европы» первых военных месяцев. Пешехонов не считает, что во всём виновата только одна Германия. «Если имеется склад взрывчатых веществ, – пишет публицист. – то катастрофа может произойти от всякой искры... Но это не значит, что в искре и заключается её первопричина. Если нет склада... То же можно сказать и о милитаризме»²⁸⁴.

Не согласен автор «Русского богатства» и с официальным определением характера войны. «У нас многие пытаются придать войне националистическую окраску, изобразить её, как борьбу национальностей и даже рас – а именно славянской и тевтонской. Но это, конечно, грубое заблуждение, если не сознательная мистификация. В действительности это война не национальностей, а государств, которые давно уже переросли национальные рамки»²⁸⁵.

И хотя в заключении статьи Пешехонов выражает надежду на обновление после войны: «Мы желаем, чтобы Россия, которой суждено пережить такие великие потрясения, вышла из них не только невредимой, но и всесторонне обновлённой»²⁸⁶, – однако сам тон этих слов далёк от того оптимизма, который испытывали либеральные авторы «Вестника Европы».

Титульный лист.
Август 1914 года

Содержание.
Август 1914 года

Антивоенная направленность публицистики «Русского богатства» ещё ярвственней проявилась в сентябрьском номере, который на следующие два с половиной года (вплоть до весны 1917 г.) стал для этого журнала последним. В этом номере были опубликованы три статьи, вызвавшие неудовольствие цензуры. Так, в «Обзрении иностранной жизни» Н.С. Русанова говорилось об отрицательных последствиях войны, выражалось сожаление, что социалистические партии поддержали свои правительства, а не противодействовали им. В статье А.В. Пешехонова «На очередные темы. Единая Россия» утверждалось, что вопреки заявлениям политических деятелей и органов печати о «полном единении» всей России перед лицом внешней опасности, такого единения в действительности нет. Его нет, поскольку само правительство препятствует устранению внутренних противоречий. Идея статьи В.А. Мякотина «Наброски современности. Борьба с германизмом и национальный вопрос» заключалась в том, что многие народности России (поляки, евреи) в странах «германизма» живут лучше, чем в России²⁸⁷.

Расправа над журналом была короткой. 13 сентября 1914 г. Петроградский комитет по делам печати обратил внимание Главного Управления на то, что три статьи очередного номера «Русского богатства» (это упомянутые выше публикации Русанова, Пешехонова и Мякотина) не были предоставлены в военную цензуру. 15 сентября начальник Главного Управления граф С.С. Татищев (в своё время – преемник П.А. Столыпина в должности Саратовского губернатора) отправил петроградскому градоначальнику форменный донос следующего содержания на журнал:

«Как усматривается из прилагаемой при сём справки, журнал “Русское богатство” всегда проводил радикально-оппозиционную точку зрения на явления политической и общественной жизни. К сожалению, и в настоящее время, когда все силы страны должны быть направлены на борь-

бу с внешним врагом, журнал, обсуждая в высшей степени важные и сложные вопросы социально-политической жизни, связанные с событиями военного времени, даёт этим вопросам решение в духе и направлении одной из самых крайних политических партий.

Признавая при таких условиях крайне вредным продолжение издания, способного своими статьями внести в общество весьма неприятное возбуждение и породить общественное брожение, имею честь об изложенном сообщить Вашему Сиятельству, в предположении..., что Вы признаете возможным применить к названному изданию п. 14 ст. 19 Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении, то есть приостановить это издание»²⁸⁸.

Молодой петроградский градоначальник князь А.Н. Оболенский (с Татищевым они были ровесниками – по 42 года) предложенное решение проблемы «признал возможным». В результате 18 сентября 1914 г. журнал «Русское богатство» был приостановлен «на всё время военного положения».

Это позволяет нам подвести промежуточный итог. Накануне войны публицистика журнала «Русское богатство» носила, без сомнения, оппозиционный характер, однако эта оппозиционность отличалась от таковой в рассмотренном ранее либеральном «Вестнике Европы». Для авторов «Вестника Европы» во главе с К.К. Арсеньевым главным «козлом отпущения», мишенью для критики являлось самодержавие. Конечно, не сам император, а его министры, губернаторы, в общем, царская бюрократия, которой противопоставлялась прогрессивно мыслящая конституционно настроенная «общественность». Таким образом, причина зла виделась в несовершенных законах, а не в устройстве общества. Изменение законов связывалось с победой в войне в союзе с Англией и Францией. Отсюда и занятая «Вестником Европы» в начале войны оборонческая позиция, участие в пропагандистской кампании 1914 г.

Не так было с «Русским богатством». Его ведущие авторы (Елпатьевский, Мякотин, Петрищев, Пешехонов и Русанов) считали главной проблемой не глупость чиновников и отсталость государства в целом, а то, что это государство служит средством обеспечения господства «высших классов», к которым относятся не только аристократия (дворянство), но и крупные капиталисты. Следствием такого взгляда и стало принципиальное неприятие войны, развязанной государствами вопреки желаниям своих народов. В августе – сентябре 1914 г. журнал бросил вызов официальной пропаганде. В его публикациях опровергаются тезисы о том, что война является «справедливой», «оборонительной» и «народной», что она способна привести к миру лучшему, чем был довоенный. И если редакция «Вестника Европы», охваченная патриотическим энтузиазмом, с началом войны отказалась от любой критики в адрес власти, то авторы «Русского богатства» не впали в шовинизм и остались верны своим идеалам. Они писали, что война является «катастрофой», она не в интересах народов, она не решит старые проблемы, а только создаст новые. Для своего времени это была достаточно смелая позиция, которая и привела к закрытию журнала. Государство, которое, как мы видели, уже имело немало проблем как с самим изданием В.Г. Короленко, так и с его беспокойными авторами, воспользовалось ужесточением цензуры в военное время для скорой расправы без всякого суда.

Однако история «Русского богатства» не закончилась в сентябре 1914 г. Редакция прибегла к уже испытанному в 1906 г. способу и возобновила выход журнала под другим названием («Русские записки») и с новым официальным издателем (вместо Короленко им стал живший за границей Н.С. Русанов).

2.4. «Четверть лошади». Публицистика журнала «Русские записки» в 1915–1916 гг.

«Русские записки. Ежемесячный литературный, научный и политический журнал», ставший преемником приостановленного правительством «Русского богатства», выходил в Петрограде с ноября 1914 г. Несмотря на смену названия и издателя, фактически это был тот же самый журнал, сохранивший основной состав авторов. «Иностранную летопись», как и раньше, вёл Н.С. Русанов. «Хроники внутренней жизни» А.Б. Петрищева заменены на «Внутренние дела и вопросы» того же автора, писавшего под псевдонимом А. Борисов. По-прежнему в журнале сотрудничали Елпатьевский, Майский, Пешехонов и Шкловский. Добавился отдел «Вопросы тыла». Его вёл А.В. Иноходцев, личность которого не удалось установить точно. Вероятнее всего, под этим псевдонимом скрывался А.В. Пешехонов – фактический редактор журнала.

С первых номеров «Русских записок» война становится основной темой в журнале. Ей так или иначе посвящены почти все главные публикации, кроме чисто литературных. Наибольшее внимание обращалось на причины войны и на общественные настроения и их развитие в связи с войной. Большинство этих публикаций имели вид обзора прессы, чаще немецкой, чем русской. Вероятно, для журнала так было безопаснее, поскольку создавало у цензоров впечатление, что журнал «исправился» и участвует в создании образа врага. Впечатление это, впрочем, было совершенно обманчивым.

В первом номере за 1915 г. авторы «Русских записок» действительно показали роль милитаризма в культуре современной Германии.

В статье С.Я. Елпатьевского «Германия превыше всего»²⁸⁹ ставится вопрос: кому нужна война и как она началась. «Весьма вероятно, – пишет автор. – что Германия... была инициатором войны, что ей нужна была война»²⁹⁰. С.Я. Елпатьевский дал

характеристику политической атмосферы Германии в период, последовавший за объединением страны и созданием германской империи в 1871 году. По его мнению, эти «44 года были именно непрерывным вооружением Германии».

«Всё покрыло своим значением стремление увеличить военную мощь Германии. И приумалаялась внутренняя, духовная жизнь страны... Со времени франко-прусской войны не продвинулось значительно вперёд искусство Германии... Германия не дала ни одного музыкального имени... не дала мировых поэтов... не появилось более публицистов»²⁹¹. Но зато «именно за это время немецкие учёные, вроде Моммзена, приходили к открытию научных истин, что славянам доступны лишь низшие области человеческого разума и им нет доступа в доступные немцам высокие умственные сферы...» «...Всё реже звучала самокритика, всё больше нарастало новое немецкое великолепие, самовлюблённость и презрение к другим народам...»²⁹²

На первый взгляд, статья носит антигерманский характер. Однако в значительной степени это результат работы цензора, который вычеркнул из текста половину страницы 203, несколько абзацев на страницах 204 и 213 и половину страницы 216. Вероятно, были вырезаны все места со сравнениями, которые могли в невыгодном свете выставить других участников войны. Заключение статьи, впрочем, уцелело: «Не о всём немецком народе я говорю... За Пруссией стоит другая Германия, за Вильгельмом, за правящими кругами, ... стоит простой немецкий народ»²⁹³. Заключение Елпатьевского перекликается с выводами статьи В. Майского «Властители современной Германии» из апрельского номера за 1914 г. Однако, как предупреждал перед войной Н.С. Русанов, народ, по существу не желающий войны, был обманут шовинистической пропагандой, которую развернули имущие классы через контролируруемую печать.

Теме шовинизма и военной пропаганды в германской печати посвящены статьи И.В. Шкловского, В. Майского и П.В. Мо-

киевского – врача, автора статей по философии и социологии, члена редколлегии журнала.

Дионео (Шкловский)²⁹⁴, напомнив о своей статье из февральского номера за 1914 г., писал, что он «не думал, что страшный бред про европейскую войну станет скоро явью»²⁹⁵. Статья, традиционно для этого автора (точно так же он писал и для «Вестника Европы»), представляет собой обзор германской националистической литературы, в которой Тречке, Чемберлен, Вольтман, Реймер, фон Бернгарди доказывали, будто «будущее принадлежит германскому народу», «варвары-тевтоны являются законными преемниками по крови и духу эллинов», «эпоха возрождения создана немцами», а «имя Иисуса показывает, что он был германского происхождения». Отсюда немецкие авторы делали вывод, что Германия должна править всем миром.

В таком же тоне выдержана статья П. Мокиевского «Вильгельм Вундт о “законной войне”»²⁹⁶. Она посвящена лекции немецкого философа профессора Вильгельма Вундта «О законной войне», прочитанной 10 сентября 1914 г. Согласно Мокиевскому, немецкий автор пытается изобразить Германию страной, которую пытаются лишить независимости, которая «подверглась нападению». Поэтому война для Германии является «законной» и «оборонительной».

Показывая читателю точку зрения противника, авторы «Русских записок» как бы давали понять, что враг настроен серьёзно и примирение с ним на этом этапе невозможно. Дополнительную информацию давали обзоры немецкой периодической печати первого месяца войны.

Один из них представлен в статье В. Майского «Германия во время войны»²⁹⁷. Это полностью обзор немецкой прессы августа 1914 г., описывающий тот «шквал массового безумия», которое «охватило немецкий народ». Тема войны разобрана автором подробно и по этапам. Сначала, писал В. Майский, «был момент в самом начале роковых событий, когда голос разума ещё протестовал против надвигающегося ужаса». Так, 2 авгу-

ста 1914 г. газета «Vorwärts» писала: «Сегодня решительный день!.. Гнетущая неизвестность давила всех... Неужели ужасное свершится? Неужели до этого дойдёт? Несчастье так велико, что его невозможно объять...» Полон страха и сомнений другой материал того же издания: «Дух патриотического угара быстро испарился, и гнетущая тень великого несчастья упала на безграничную, теснящуюся на улицах толпу»²⁹⁸. Майский делал вывод, что «немецкий народ не чужд был нормальных человеческих ощущений. Но когда Рубикон был перейден, всё сразу точно по волшебству изменилось». Германская пресса была охвачена военным психозом.

Первым проявлением этого стала борьба с иностранными названиями, начавшаяся с переименования французских блюд в ресторанах. 1 августа 1914 г. «Konfektionär», орган изготовителей одежды, объявил о рождении новой германской моды. Журнал обрушился на испорченную «бедную идеями» французскую моду и призвал отечество к эмансипации от чужих влияний. Официозный «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» посвятил «немецкой моде» особую статью. «Это ли не блестящая иллюстрация того, до какого умственного помрачения доводит война?»²⁹⁹ – восклицал в статье В. Майский. Намёк должен был быть понятен столичному читателю, ещё не успевшему опомниться от переименования Санкт-Петербурга в Петроград, ставшего в России апофеозом борьбы со всем немецким.

«Едва ли не главная доля вины за это сумасшествие толпы, – утверждал в статье социал-демократ В. Майский. – падает на немецкую прессу. Никогда ещё не приходилось читать ничего более гнусного и отвратительного, чем статьи наиболее распространённых буржуазных газет Германии в течение первой половины августа месяца».

Пресса прославляла императора Вильгельма и звала народ к оружию. Газета «Post», орган железных и угольных королей, призывала: «Топчите врага! Рубите черепа на куски. Будьте безжалостны, как того требует час!» Немецкие газеты оправ-

дывали разрушение городов в Бельгии. По словам «Deutsche Tageszeitung»: «Если необходимость заставляет нас зверства бельгийцев топить в потоках крови и погребать под грудами развалин, то мы тем самым не только выполняем заповедь самосохранения, но также творим великое дело культуры и человечности». Юнкерская «Kreuz-Zeitung» («Крестовая газета») писала: «Тем большее удовлетворение вызывает поведение наших войск: они не позволили увлечь себя сентиментальным позывам»³⁰⁰.

Воинственность немецкой прессы отмечена также и в очерке известного русского историка и философа Н.И. Кареева «В недавнем плену у германцев»³⁰¹. Статья основана на непосредственных впечатлениях автора, который встретил начало войны в Германии и смог выехать на родину только пять недель спустя при содействии немецкого профессора Шимана. Живя в Дрездене под надзором полиции, Н.И. Кареев имел возможность читать только немецкие газеты, которые произвели на него яркое впечатление. «В германской прессе, – написал он. – воцарился самый человеконенавистнический шовинизм. В начале войны вся ненависть обрушивалась на русских и только позднее стали сосредотачиваться на англичанах. Газеты упорно говорили о колоссальном развитии русского шпионства и об отравлении русскими воды, например, при помощи холерных бацилл. Происхождение войны приписывалось грабительским инстинктам азиатской орды, каковую газетчики видели в русском народе. О нас писали всевозможные небылицы, рисовавшие наш народ как дикарей или, по крайней мере, варваров. Особенно запомнилась мне одна статья, представлявшая собой характеристику русского народа на основании собственных его пословиц, среди которых чуть не $\frac{3}{4}$ были злостным измышлением... И в начале, и в конце моего пребывания в Германии газеты только и писали о блестящих победах германского оружия, о сплошных поражениях противников. Судя по тому, что печаталось, можно было бояться, что в самом коротком времени немцы будут не только на берегах Сены, но и на берегах Невы»³⁰².

Однако, замечал автор воспоминаний, «население Дрездена держало себя гораздо корректнее своей прессой», и он «не испытал неприятности быть жертвой национальной злобы... и со стороны некоторых немцев встретил, наоборот, сочувственное отношение»³⁰³. Как и в других материалах журнала, тут нет речи о «воинствующем германизме», который «бросил нам вызов». Автор скорее говорит о государственной пропаганде, тиражируемой посредством СМИ, чем о враждебности простых немцев ко всему русскому. Показательно также, что на страницах «Русских записок» не встречаются истории о «зверствах немцев», популярные в российской и союзнической прессе и просочившиеся, например, в «Вестник Европы».

Зато когда журнал обращал внимание на общественные настроения в самой России, позиция его авторов выражалась гораздо откровенней. Так, в рубрике «Внутренние дела и вопросы»³⁰⁴ в том же самом январском номере А. Петрищев под псевдонимом А. Борисов отметил враждебное отношение к немцам в России. «Часть прессы... — писал он. — требует мер чрезвычайных. Некоторые газеты не отступают перед мыслью поголовно выселить всех немцев из Прибалтийского края» и принудительно отобрать их имущество³⁰⁵. Месяц спустя Петрищев процитировал декларацию Председателя Совета министров Горемыкина, зачитанную на заседании Государственной Думы. Из текста декларации прямо следовало, что антинемецкий лозунг «освобождения от немецкого засилья нашей промышленности и нашего сельского хозяйства»³⁰⁶ был разработан и применялся на государственном уровне как направление в государственной политике и пропаганде. В пропагандистской кампании принимала участие и русская пресса. Такой вывод можно сделать после прочтения статьи В. Мякотина в февральском номере «Русских записок». В статье «Галицкие украинцы и русский национал-либерал»³⁰⁷ сделан анализ публикаций П.Б. Струве в газете «Биржевые ведомости» и журнале «Русская мысль» в декабре 1914 г. Струве доказывал, что Россия

должна присоединить русскую Галичину и считал русских и украинцев одним народом³⁰⁸. Такую позицию Мякотин называл «самым вульгарным национализмом»³⁰⁹ и неуважением к правам других народов. Впоследствии он выступил в журнале с серией статей «Очерки социальной истории Малороссии». Их публикация в «Русских записках» началась в мае 1915 г.

Событий на театре военных действий журнал касался в «Иностранной летописи» Н.С. Русанова. Описания давались по официальным источникам, так что действия России и её союзников выглядели как цепь побед и удачных запланированных стратегических манёвров. Например: «Мы сочли нужным очистить пока буковинскую территорию»³¹⁰ или «Нет ничего удивительного, что наши войска, в целях перегруппировки и занятия более сосредоточенного расположения, отходят на собственную территорию»³¹¹. Однако всё же непосредственный ход войны мало интересовал редакцию журнала, которая по традиции гораздо больше внимания уделяла вопросам внутренней жизни. И, нужно признать, здесь «Русские записки» показал себя достойным наследником закрытого «Русского богатства». Авторы журнала ни на минуту не были обмануты пропагандой и с самого начала смогли подвергнуть сокрушительной критике социально-экономическую политику правительства. Как и до войны, на этом специализировались А.Б. Петрищев и А.В. Пешехонов (следует помнить, что оба выступали под псевдонимами). Петрищев вёл отдел «Внутренние дела и вопросы», Пешехонов – новый отдел «Вопросы тыла».

В январском номере за 1915 г. Пешехонов рассуждал о стойкости войны. «Когда эта война начиналась, то ещё можно было думать, что она будет длиться недолго... Теперь всё чаще и чаще приходится слышать о “годе войны”...» России это будет стоить 6,5 млрд. рублей³¹². Чтобы добыть денег, государству придётся прибегать к налогам или займам³¹³. «Возможно, что оба источника будут до конца исчерпаны... Возможно даже, что и за всем тем денег не хватит»³¹⁴.

Ещё резче Пешехонов высказался в февральском номере журнала. Он писал, что, когда началась война, из-за закрытия для торговли Балтийского и Чёрного морей Россия лишилась большей части своего экспорта и импорта. «Для торговых сношений с внешним миром война оставила нам лишь самые дальние пути да кое-какие узенькие и извилистые тропки. В результате наша внешняя торговля резко сократилась»³¹⁵. Это нанесло сильный удар по экономике, которая в царской России, как, впрочем, и сейчас, была ориентирована на сырьевой экспорт. Чтобы избежать падения цен и сохранить производство, государство приняло решение финансово поддержать производителей. «Выше я упомянул о помощи, которую поспешили оказать горнопромышленникам банки, в том числе государственный. Это – не случайность, а система». Государственный банк «открыл почти неограниченный кредит частным банкам». Была оказана кредитная помощь под масло, хлеб, лён, хлопок, металлы. «Словом, государственный банк всем помог»³¹⁶. Отчёты министерства финансов показывают, что «теперь правительство явно гордится успехом всех этих мероприятий»³¹⁷. Падения цен на товары, обеспеченные экспортом, удалось избежать. Однако в результате начался рост цен.

А.В. Пешехонов показал, что «в момент общего потрясения государственный банк направил все ресурсы на поддержку более сильной стороны, каковую на рынке являются производители и торговцы...»³¹⁸ И теперь «всё чаще и чаще банки начинают руководить целыми отраслями производства и торговли...

Одни банки “заинтересованы” в хлебе или льне, другие – в лесе или сахаре, третьи – в чугуне или хлопке... Они всё чаще берут на себя посредничество по покупке и продаже данного продукта... товар выдаётся покупателю из банковских кладовых...

Сосредоточив в своих руках значительную часть оборотов по торговле данным продуктом, банк или группа банков получает возможность регулировать её...»³¹⁹

Из-за этого начался дефицит даже тех товаров, в которых до войны Россия никогда не знала недостатка: угля и хлеба. Особенно удивляло публициста исчезновение хлеба – ведь вывезти экспортный хлеб за границу в 1914 г. не успели, и поэтому на складах его должно было быть в избытке. Однако вследствие финансово-экономической политики правительства «придерживать товар стало уже несколько не рискованно, а чрезвычайно выгодно»³²⁰. А «раз товары “спрятаны”, то цены само собой начинают подыматься».

С Пешехоновым был солидарен и А.Б. Петрищев. «Известные правовые и бытовые особенности городского представительства, – писал он. – дали возможность использовать предложенную министерством внутренних дел программу [по борьбе со спекуляцией и дороговизной] в интересах вовсе не потребителей»³²¹. Поэтому спекуляция и дороговизна достигли особо крупных размеров. Также Петрищев отметил и изменения в общественном настроении: «Разговоры о великих задачах мало-помалу стихли. И сменились, по крайней мере, в прессе, откликами на скоропреходящие злобы дня»³²². Авторы «Вестника Европы» почувствовали снижение популярности войны только через год, хотя описали это явление приблизительно в тех же тонах (особенно Кузьмин-Караваев).

Более серьёзное расхождение в позициях выбранных нами для анализа журналов выявляется в период политического кризиса августа 1915 г. «Вестник Европы» полностью встал на сторону созданного в Государственной Думе Прогрессивного блока и поддержал выдвинутую думцами (во главе с Милюковым) идею создания «правительства народного доверия». Редакция и авторы журнала «Русские записки», естественно, не смогли остаться в стороне от разгоревшихся в обществе дискуссий.

Разберём четыре номера «Русских записок» за июль – октябрь 1915 г. Один из них (октябрьский) из библиотеки ДВФУ (подшивки журнала военных лет в ней сохранились не полностью), остальные – из коллекции автора.

Июльский номер посвящён проблемам военной экономики, возникшим вследствие затягивания войны.

В рубрике Дионео «Из Англии (волонтёры и рекруты)»³²³ разбираются аргументы сторонников и противников введения в Англии из-за большой нужды в солдатах военной службы по призыву вместо традиционной контрактной (добровольческой). Однако автор приводит цифры о стоимости войны. В Англии «с начала войны ассигновано на неё уже 862 млн. ф. ст., что по курсу составляет около десяти миллиардов рублей»³²⁴. «За четыре дня при Нёвшапеле английские пушки выпустили больше снарядов, чем за всю бурскую войну, продолжавшуюся почти три года»³²⁵.

Более интересный анализ влияния войны на экономику участвующих в ней стран содержится в статье Я. Пилецкого «Противоречия войны»³²⁶. Как и М. Лурье в «Вестнике Европы», Пилецкий исследовал положение в Германии, где война породила «чрезвычайно курьёзное сочетание самых невероятных явлений: расцвет и кризис невиданных размеров, гигантские прибыли и столь же гигантские убытки, безработица и недостаток рабочих рук, неслыханное обилие денег и невозможность найти кредит и т.д.»³²⁷ Статистика показала, что в сравнении с 1914 г. производство чугуна в Германии упало на 42 %, добыча угля – на 25 %. Поскольку сведений о недостатке угля нет, значит, «хозяйственная жизнь страны идёт, стало быть, в уровень с добычей угля, т.е. сильно пониженным темпом»³²⁸. Низкий процент безработицы во время войны вызван тем, что «миллионы трудящихся [по оценке автора статьи – «более трети»] отвлечены войной от своей профессии». Пилецкий писал, что эти данные свидетельствуют об одном: «Война обусловила в Германии жесточайший кризис невиданной остроты и невиданных размеров»³²⁹. «Но война – эпоха ненормальная. При ближайшем рассмотрении мы найдём длинный ряд признаков, говорящих, наоборот, о расцвете индустрии, о громадном подъёме, о чрезвычайно благоприятном состоянии экономической жизни страны»³³⁰.

Автор статьи попытался разобраться в том, какое действительно влияние оказывает война на экономику. По его словам, с началом войны на индустрию пролился и льётся «золотой дождь казённых миллиардов». «Германские фабрики и заводы, обслуживающие армию, в своих отчётах сплошь и рядом показали дивиденды, которые никогда раньше акционерам и не снились»³³¹. «Всё, что связано с войной и казенными заказами, цветёт и развивается»³³². Пилецкий описал экономическую модель так: «Получается ко всеобщему благополучию круговорот». Государство заказывает пушки, снаряды, провиант и т.д., и оно платит за это миллиарды. Промышленники часть этих миллиардов пускают в новое производство, часть «сберегают» в банках и своих кассах. Тогда правительство заключает новый заём, и миллиарды из банков перекачиваются в государственное казначейство, а оттуда опять переходят к промышленникам. Затем осуществляется новый заём, «и сказка начинается с начала»³³³.

Однако для ведения войны государству нужны деньги, миллиарды марок. Поэтому оно выпускает их в виде бумажек. Сейчас в Германии находится в обращении бумажных денег на 6 млрд. марок – на 4 млрд. больше, чем в мирное время. Но, чтобы эти бумажки не обесценить и не подорвать к ним доверия, правительство время от времени вынуждено выбирать их из обращения, заключая займы.

«За 44 года существования Германской империи до войны было заключено займов всего на 5 миллиардов марок, а за 10 месяцев войны на 15 миллиардов. С другой стороны, эти миллиарды идут не на создание новых ценностей, а на приобретение своеобразных предметов потребления: снарядов, пушек, провианта, обмундирования и т.д. Громадное большинство их растрачивается безвозвратно», представляя прямой вычет из народного хозяйства. Пилецкий пишет: «Поэтому, если с точки зрения отдельных предпринимателей война является источником богатства, то с точки зрения общественной она для Германии является источником обеднения»³³⁴.

Причиной этого является монополизация любого производства. «Сельские хозяева спешат использовать общественное бедствие. Еда теперь дороже на 50–200 процентов»³³⁵. Цены на промышленные продукты «устанавливаются теперь не свободной конкуренцией, не борьбой спроса и предложения, как раньше, а синдикатами, соглашением заводчиков и фабрикантов». «Единственная цель, преследуемая при этом, – максимальная прибыль»³³⁶. Когда упало потребление и уменьшилось производство, синдикаты приняли меры, чтобы их доходы не упали. Убытки были переложены на потребителя – путём повышения цен, которое осуществляется поэтапно якобы «ввиду повысившихся издержек производства». «Повышение цен и является тем орудием, при помощи которого германские фабриканты сглаживают противоречия между кризисом производства и прибылями. Но зато, – говорит в заключение Пилецкий. – тем ярче выступает противоречие между частными интересами предпринимателей и общими интересами всего народного хозяйства»³³⁷. Поскольку рост зарплат отстаёт от роста цен, «должно придти к выводу, что война значительно ухудшила положение рабочего класса Германии, сильно понизила его реальную заработную плату, ослабила и расшатала завоеванные им позиции»³³⁸. Автор статьи везде пишет о Германии, германской промышленности и германских фабрикантах, однако показанная им модель функционирования военной экономики равным образом применима и к условиям других воюющих стран, включая Россию.

Внутреннему положению России посвящён отдел Петрищева³³⁹. В нём критически рассмотрены мнения прессы о невозможности победы без «изменения государственной системы»³⁴⁰, о необходимости «другой атмосферы, в которой должна совершаться великая работа защитников России»³⁴¹.

В этот период войны (летом 1915 г.) либеральные партии Государственной Думы уже начинали подкапываться под самодержавие. Делалось это как с думской трибуны, что хорошо по-

казал тот же «Вестник Европы», так и через периодическую печать, особенно кадетскую. Однако авторы «Русских записок», не будучи сторонниками существующего строя, не встали и на сторону тогдашней «системной» оппозиции. А.Б. Петрищев в своей статье задался вопросом: имеет ли оппозиция право говорить от имени народа? – вопрос, как мы видели ранее, никогда не стоявший перед редакцией «Вестника Европы».

По мнению редактируемой Милюковым кадетской газеты «Речь», Государственная Дума должна представлять собой «высшую точку в пирамиде общественных организаций, которая должна охватить всю страну до самых её низов». Но и в самой Думе, рассуждает Петрищев, «высшую точку» пирамиды должно представить собственно большинство, так или иначе группирующееся возле октябристов. «Можно не сомневаться в патриотических чувствах этого большинства. Но одно дело чувства... Январская сессия [Думы] дала нам некоторый дополнительный урок: по вопросу о подоходном налоге думское большинство сложилось вопреки довольно явственно выраженному общественному мнению»³⁴² [речь идёт о том, что на своей третьей сессии Дума высказалась против введения подоходного налога, хотя за него выступали в то время все слои населения, кроме крупных помещиков и капиталистов, интересы которых и защищала нижняя палата парламента – в «Вестнике Европы» этот факт отмечал в ряде публикаций А.С. Посников].

«Сложные тактические споры» «партийно организованных общественных групп», претендовавших на место на «вершине пирамиды», как считал А. Петрищев, «не вызвали в стране ни широкого отклика, ни особенного интереса»³⁴³. Так, к мобилизации всех сил промышленности призывают в основном промышленники. «Организация идёт в сущности между группами, уже организованными»: союзы промышленников, биржевые комитеты, городской и земский союзы, партийные группы³⁴⁴. Широкие слои населения не вовлечены в процесс общественной самоорганизации. Причины этого автор «Русских записок»

видел в том, что интересы призывающих к «организации» промышленников и банкиров далеко не тождественны интересам масс народа, а политика уровня Ллойд-Джорджа, способного обратиться к народу на понятном ему языке, в России нет.

Стержнем августовского номера «Русских записок» были статьи А.В. Пешехонова и В.А. Мякотина.

А.В. Пешехонов в своей традиционной рубрике «Вопросы тыла. Из пережитого и переживаемого»³⁴⁵ в содержательном и смысловом плане дополняет статью Я. Пилецкого «Противоречия войны» из предыдущего номера, однако в ней ставится целый ряд новых вопросов.

«Справили уже годовщину войны, а конца ей всё не видно, – так начинает статью Пешехонов. – Некоторые утверждают теперь, что она будет длиться долгие годы. Конечно, это предсказание не более обосновано, чем и те, которые делались раньше.

В самом начале войны многие ведь были убеждены, что она окончится через два-три месяца, *maximum* – через полгода»³⁴⁶.

«Уже в октябре для всех почти сделалось ясно, что война затягивается»³⁴⁷. «Стали назначать другой срок войне – уже с годом её начали мириться... Теперь уже о нескольких годах начинают говорить...»³⁴⁸ Но «война, – пишет ведущий автор «Русских записок». – имеет характер катастрофы, и напрасно люди думали, что уже в самом начале они могут рассчитать её течение»³⁴⁹.

Основная часть статьи Пешехонова, как и статьи Пилецкого, посвящена проблемам военной экономики. «Война ведётся, главным образом, в кредит, при помощи займов и бумажных денег. Но для займов имеется граница, переходить которую бесцельно и даже опасно... У денежного обращения тоже имеются свои законы, и преступать через них, значит идти навстречу финансовому краху... Имеются... естественные пределы, которые в данном случае, когда требуется такая масса денег, очень скоро, казалось, будут достигнуты. Но, очевидно, эти пределы находятся много дальше, чем это думали... Порою кажется, что это фокус-покус какой-то».

Так, пример Германии показал, что «бумажных денег можно выпустить в 20 раз больше, чем имеется в стране ценностей... А с другой стороны, государство может занять и израсходовать в двадцать раз большую сумму, чем стоит всё принадлежащее стране имущество. В конечном счёте получается явная нелепица...»³⁵⁰

То же самое, по словам Пешехонова, происходит и в России: казна занимает деньги у частных банков, а эти частные банки – у государственного банка. «Почти все воюющие государства прибегли к усиленному выпуску бумажных денег и затем, пользуясь обилием их у публики, начали заключать займы. Так как занятые деньги государство быстро тратит, то в стране вновь очень скоро начинает чувствоваться изобилие их и создаются таким образом благоприятные условия для нового займа. Кажется, что это может продолжаться бесконечно: государство тратит деньги, потом их занимает, вновь тратит и вновь занимает и т.д. Получается своего рода *perpetuum mobile*. Но это опять-таки явная нелепица...»³⁵¹

Экономист журнала пишет, что такая ситуация сможет сохраняться только до тех пор, пока сохраняется доверие к государственному кредиту. Однако, когда упадёт доверие к государственному кредиту, ничем не обеспеченные «бумажные деньги начнут быстро терять свою покупательную силу, а государственные фонды – столь же быстро падать».

«В таком случае мирному населению придётся всё больше и больше урезать свои потребности, а воюющим государствам – всё труднее и труднее будет доставать нужные для войны продукты и изделия»³⁵².

Пешехонов задумывается и об отдалённых последствиях экономической политики военного времени. «В социально-экономической сфере, – пишет он. – наблюдается нечто странное, не совсем понятное». На первый взгляд, «землевладельцы, промышленники, торговцы явно от войны наживаются. Крестьяне, по общим отзывам, в экономическом отношении чувствуют себя тоже не дурно... Наконец, рабочие – и те, как утверждают,

если не сплошь, то в значительной части имеют теперь сильно повышенный, а некоторые даже небывало высокий заработок. Словом, получается такое впечатление, что война чуть ли не всем главным классам выгодна»³⁵³.

Кто же несёт тяжесть войны? Так как война ведётся в кредит, «то значительная часть её тяжести переносится на будущие поколения и даже на будущее время, которое уже не за горами». После войны, делает вывод Пешехонов, «видное место в обществе займут держатели государственных фондов, все экономические функции которых будут заключаться в отрезании купонов. На них-то и вынуждено будет работать всё общество, все должны быть их данниками». Возможно, будущее общество сможет свергнуть власть этих рентьеров (автор осторожно использует слово «девальвация» вместо «революция»)»³⁵⁴. Затем Пешехонов делает другое предсказание. «Намечается, однако, и другая перспектива. Возможно ведь, что рентьеры окажутся проживающими не в воюющих теперь странах, а в других, например, в Северной Америке... Разорённая Европа окажется в таком случае в кабале у этой Америки»³⁵⁵.

В заключении статьи автор говорит, что без соответствующей организации народа «ни борьбы успешной, ни мира сносного с таким прекрасно организованным врагом, как Германия, быть не может»³⁵⁶. Однако при этом «во всей стране чувствуется: нет энергии, решительности, настойчивости. Все заняты своими делишками, а за народное дело никто, как следует, не берётся». Статья Пешехонова заканчивается отрывком из стихотворения Н.А. Некрасова «Дедушка». Ни автор, ни название стихотворения в тексте не приводятся, даётся пять строк, две из которых вырезаны цензурой. Приведём их (вырезанные цензурой в квадратных скобках):

Поздно! Народ угнетённый
Глух перед общей бедой...
[Горе, стране разорённой!
Горе стране отсталой!..]
Войско ж одно не защита...

Политическим проблемам дня в августовском номере посвящена статья Мякотина «Наброски современности. Чаяния момента»³⁵⁷.

Для начала автор констатирует, что летом 1915 г., когда истёк первый год войны, произошёл «заметный поворот в настроениях многих групп русского общества». В начале войны «немалая часть наших общественных деятелей поспешила сойти с занимавшихся ею в мирное время позиций и стала уверять себя и других, что военная гроза должна отодвинуть на задний план все вопросы внутренней жизни... Но логика жизни постепенно делала своё дело, и чем дальше шло время, тем меньше находилось слушателей для таких речей»³⁵⁸. «Ещё в январе текущего года публицисты “Речи” и руководители к.-д. фракции в Государственной Думе находили невозможным и несвоевременным поднимать во время войны острые вопросы внутренней политики. Теперь “Речь” так решительно отрекается от этого мнения и так резко клеймит его, как будто ей самой оно всегда было совершенно чуждо»³⁵⁹. Вступая в полемику с «Речью» – центральным органом партии кадетов, автор «Русских записок» задевал и саму эту партию, и её лидера П.Н. Милюкова.

«Во время войны, – писал В.А. Мякотин. – имеет значение не только военная сила государства, но и его гражданское благоустройство... Однако в начале войны эта простая и бесспорная истина была у нас основательно забыта очень многими, и прежде всего была забыта теми либеральными кругами нашего общества, выразительницей мнений которых является “Речь”. Суровая действительность в конце концов заставила вспомнить забытую истину. И то, что её всё-таки вспомнили, можно было бы только приветствовать, если бы забывшие её люди вспомнили её целиком... К сожалению, этого-то и нет...»³⁶⁰

В статье Мякотина приведен ряд примеров кадетских проектов реформирования российской жизни в тяжёлых обстоятельствах военного времени. Так, пишет он, признав, «что

“объединение”, о котором они так много говорили, было объединением призрачным, существовавшим гораздо больше в их фантазии, чем в действительности... они задали себе вопрос, каким же способом можно достигнуть настоящего, прочного объединения народа и, в частности, как можно уничтожить неосведомлённость деревни». Но вместо развития грамотности и приобщения народных масс к политической жизни, либералы предлагают оставить все условия русской жизни неприкосновенными, а только «просветить деревню соответствующей казённой литературой» патристического характера³⁶¹.

«В начале этого года наши либеральные публицисты, совместно с публицистами правыми... занялись старательным подсчётом тех продуктов, каких будет не хватать Германии, и тех непорядков, которые должны будут в ней обнаружиться. К концу года наши собственные непорядки и недостатки достигли такой степени, что о них нельзя уже было дольше молчать...»

В.А. Мякотин иронизирует над тем, как член партии кадетов князь Д.И. Шаховской недавно «додумался до нового и необыкновенно хитрого способа демократизации власти. Чтобы достигнуть этой демократизации надо, оказывается, лишь увеличить в достаточной степени число министерств, и тогда руководителей их придётся искать “в новых областях жизни”. И одно только не пришло в голову не в меру мудрому автору – что русский народ нуждается не столько в том, чтобы из него выбирали новых бюрократов, сколько в том, чтобы была уменьшена власть над ними бюрократов старых»³⁶².

«С началом лета либеральная пресса стала настойчиво поддерживать пожелание скорейшего созыва Государственной Думы»³⁶³. Но «как только собралась Дума, сейчас же выяснилось, что господствующее в ней большинство совершенно не намерено создавать какие-либо серьёзные изменения во вну-

тренней жизни государства... Выяснилось также и то, что либеральная... “конституционно-демократическая” партия не видит сейчас особой нужды ни в конституционных порядках, ни в демократических учреждениях, и, громко говоря о необходимости объединения всех сил народа, в действительности стремится лишь к объединению с умеренно-правыми фракциями Думы»³⁶⁴.

Таким образом, речи депутатов, вызывавшие бурные восторги у авторов «Вестника Европы», не встретили такого же отношения в журнале «Русские записки». В.А. Мякотин ехидно написал в статье: «По словам П.Н. Милюкова, к.-д. фракция не намерена сейчас поддерживать вносившиеся ей некогда в Думу законопроекты о свободах»³⁶⁵, «не находит нужным даже попытаться как-нибудь обеспечить свободу граждан, оградить разум и волю страны»³⁶⁶. Именно «таким путём “неосуществимая” программа народного объединения быстро и успешно заменяется вполне “осуществимой”, по расчетам “реальных политиков”, программой думского единения»³⁶⁷. Которое, как можно понять из рассуждений Мякотина, совершенно не тождественно провозглашённому либералами «единению» всего народа, и, скорее всего, вообще ему противоположно.

Поднятые Пешехоновым и Мякотиним темы были продолжены этими же авторами и в сентябрьском номере «Русских записок». Их новые статьи предваряло «Иностранное обозрение» Н.С. Русанова³⁶⁸, посвящённое проблеме общественных настроений во время войны. «Любопытно, прежде всего, – пишет издатель. – отношение к происходящему тех правящих сфер и тех высших классов общества, в руках которых до сих пор находится судьба войны. Ибо о настроениях масс нам трудно говорить». Хотя в самом тексте статьи об этом прямо не говорится, в некотором роде эта публикация приурочена к годовщине закрытия цензурой в сентябре 1914 г. журнала «Русское богатство» за его антивоенные настроения.

«Русские записки».
Сентябрь 1915 г.

Объявление
о подписке на журнал

Когда год назад началась война, рассуждал Рusanов, со всех сторон утверждалось, что она идёт будто бы «исключительно ради торжества свободы, права, мирных идеалов и только для того, чтобы положить конец всякой будущей войне. Но эти же самые... враги милитаризма в будущем издевались над пацифистскими настроениями в настоящем...»³⁶⁹ «В особенности эта полемика направлялась против социалистов». По словам заграничного редактора «Русских записок», «можно только горько сожалеть, что пропаганда мирного сотрудничества народов ещё не нашла достаточной опоры среди широких масс... Пусть культурное человечество в данный момент ходит по колено в горячей крови... немислимо предположить, чтобы такое состояние продолжалось вечно... Семена гуманных чувств и благородных идей, заглушенные грохотом битв, не могут же погибнуть окончательно». «Если бы мирная пропаганда не встречала

ожесточённого противодействия со стороны военных сфер и привилегированного меньшинства, если бы разжигание национальных страстей не вызывало во всех странах безумной гонки по пути вооружений, то шансы войны должны были бы уменьшаться с каждым годом»³⁷⁰.

«Не надо забывать, – писал автор «Иностранного обозрения», – что в обострении милитаристских тенденций виновна не одна Германия»³⁷¹. Здесь мы видим, что, в отличие от редакции «Вестника Европы», в своей публицистике военного времени до самого конца придерживавшейся антигерманских позиций, авторы «Русских записок», как и «Русского богатства», были противниками казённого патриотизма и шовинизма и смотрели на войну как на бедствие для трудящихся масс.

Основная мысль сентябрьского номера выражена в статье Пешехонова «Вопросы тыла. Трещины»³⁷². Темой статьи является приостановка работы Государственной Думы и выявившийся в связи с этим раскол (точнее, ряд расколов) среди русского общества.

В начале статьи Пешехонов пишет, что «мираж “единения”, под гипнозом которого так долго оставалась страна, видимо, рассеивается. И это приходится приветствовать, ибо в тех условиях, в каких мы находимся, нет ничего хуже и опаснее самообмана».

«Если в государственном строении имеются трещины, то их нельзя замазывать и тем более просто игнорировать...»³⁷³

Когда началась война, разговоры о внутрироссийских разногласиях и конфликтах стихли. Все «думали, что единение уже достигнуто, что внешняя опасность достаточно надёжно сплотила страну и без прибавки внутреннего цемента... В результате получилось не единение, а только видимость последнего... В конце концов, это поняли даже кадеты... Это поняли даже националисты...»³⁷⁴

Значительная часть статьи Пешехонова посвящена ситуации, сложившейся вокруг Государственной Думы. Если авто-

ры либерального «Вестника Европы» были полностью на стороне Думы в её августовском демарше против правительства И.Л. Горемыкина, то социалисты из «Русского листка» были настроены не столь однозначно. А.В. Пешехонов писал: «В тех условиях, при каких это произошло, гораздо естественнее, конечно, было бы, если бы Государственная Дума была распущена»³⁷⁵, поскольку, как считал фактический редактор журнала, невозможность сотрудничества правительства с Думой после создания в ней Прогрессивного блока, выразившего недоверие правительству, «была очевидной». «При таких условиях, – рассуждал он. – казалось, возможны были только два выхода: если министерство не пожелало или не сочло возможным уйти, то оно, конечно, должно было немедленно распустить Думу»³⁷⁶.

Власть приняла половинчатое решение. «Правительство ни само не ушло, ни Думу не распустило, оно лишь прервало сессию законодательных учреждений». Причины этого Пешехонов излагает так. «Не трудно, конечно, понять, почему оно не распустило Думы и не назначило новых выборов». Дума выразила мнение тех слоёв населения, которые уже и так неоднократно высказались «в бесчисленном числе резолюций, принятых городскими думами, биржевыми комитетами, различными съездами и т.п.»³⁷⁷ По словам автора статьи, правительство и его печать попыталось занять ту позицию, согласно которой социальные слои, чьи интересы выражает Дума, «составляют лишь незначительную часть народа и что Гос. Дума поэтому далеко не выражает настроения всей страны» и «что Дума буржуазная популярна лишь среди третьего сословия», которое «стоит по отношению народа гораздо дальше, чем дворянство»³⁷⁸.

Однако, – и в этом, по мнению Пешехонова, состоит причина отказа правительства от немедленного роспуска оппозиционной Думы – обратиться непосредственно к народу правительство не может. Ведь «до сих пор оно вело войну в “тесном единении” с Думой и через неё со всей “страной”. Дума именно, главным образом, и маскировала имеющиеся трещины.

Окончательно разорвать с ней значило бы занять совершенно изолированную позицию...» Но принятое властью решение представляет ей только отсрочку. «На что же правительство рассчитывает?» – вопрошает Пешехонов. «Возможно, – отвечает он сам. – что никакого определённого плана на этот счёт у него не было и не имеется... Это можно сказать почти наверное»³⁷⁹.

Пешехонов предсказывал, что теряющая доверие общественности власть в скором времени усилит борьбу с оппозицией. «Кандидаты в Столыпины как будто находятся...» Вероятно, что «пароксизма “сильной и бестрепетной” власти, если употребить выражение “Колокола”, можно ожидать... каждую минуту... Но прежнего эффекта уже не получится. Даже видимости единения не будет: края вскрывшейся трещины будут расходиться всё дальше и дальше, она будет делаться всё глубже и глубже»³⁸⁰. Автор «Русских записок», однако, не выражал надежды на грядущие перемены к лучшему. «На Государственную Думу многие надеялись, да и сейчас продолжают возлагать надежды»³⁸¹. Но Пешехонов писал, что общественная база Думы вообще и сложившегося в ней Прогрессивного блока в частности слаба, и «крутого поворота в русской истории» ожидать не приходится³⁸².

Как мы видели выше, редакция «Вестника Европы» полагала, что Прогрессивный блок Думы выражает настроения «всей мыслящей России», интересы «всех партий, всех направлений, всех классов».

Взгляд социалиста более критический. Во-первых, потому что объединение Думы получилось «правым»³⁸³. По замечанию Пешехонова, «г. Милюков рассчитывает спасти страну и достигнуть народной свободы [автор обыгрывает одно из названий кадетской партии – «Партия народной свободы»] в компании с гг. Гучковым, Савенком, Крупенским, Бобринским..., отношения которых к свободе для тех, кто пережил события последнего десятилетия, конечно, памятны... Всё это – ближайшие поли-

тические друзья покойного Столыпина»³⁸⁴. «Но, – продолжает свою мысль Пешехонов. – конечно, не в г. Милюкове только дело. Была ещё одна причина, которая определила... очертания блока... Он явился в результате общественного движения, а это последнее... началось с вопроса о снарядах, с военно-промышленной мобилизации. Это обстоятельство предупредило первоначальный круг активных участников движения. В громадном большинстве таковыми были крупные промышленники и торговцы. Они именно оказались во главе движения... И это сразу же наложило отпечаток на всё движение». «Это определило, прежде всего, его лозунги... во-первых, войны до полной победы, во-вторых, – сильной устойчивой власти в лице правительства, пользующегося общественным доверием...»

Таким образом, отмечал автор, видно, что так восхваляемая «Вестником Европы» «общественность» наравне с царским правительством жаждет победы и сильной власти.

Пешехонов подробно останавливается на вопросе, насколько эти лозунги отвечают чаяниям масс. «Легко, я думаю, понять, что требование сильной и устойчивой власти ни в коем случае не может увлечь широкие массы населения. Прислушайтесь к голосу низов... и вы ясно услышите совсем другое требование: не усиления власти, а увеличение свободы. И это понятно. В самом деле: разве в недостатке власти дело? Не в избытке ли её?..

Лозунг сильной и устойчивой власти скрашен “общественным доверием”. Но не думайте, что это какая-то особая власть... По существу, это та же власть, что и власть Плеве и Столыпина...»³⁸⁵ Называет автор и причину, заставившую буржуазию искать «сильной власти». «Не трудно, конечно, понять, почему крупная буржуазия так озабочена сильной и устойчивой властью... Не только внешний враг страшен, но и собственный “народ”. Во всяком случае, буржуазия понимает, что массы предъявят ещё свои требования, предъявят, главным образом, к ней, и она, конечно, боится, как бы начальство не ушло в этот момент... Тем же объясняется, конечно, и отношение крупной

буржуазии... к свободе – отношение, по меньшей мере, равнодушное, скорее даже подозрительное. В резолюциях собраний и съездов... вы не найдёте и намёка на свободу».

«Мне кажется, что и другой лозунг, с которым выступает сейчас буржуазия, не вполне рассчитан на массы. В самом деле: что такое война для торговцев и промышленников? Помимо всего прочего, общего для всех, для них это – неслыханные, прямо баснословные барыши. Совсем другой стороной обращена в этом случае война к трудящемуся люду: прежде всего страшной дороговизной, а затем и нехваткой самых необходимых продуктов...»³⁸⁶

К схожему выводу приходит в этом же сентябрьском номере «Русских записок» и В. Мякотин в статье «Наброски современности. Шаг на месте»³⁸⁷. «Перед нами остаётся вполне определённый призыв либеральных деятелей к борьбе с “низами” и с “левыми тенденциями”... Они говорят о необходимости организации народных сил и призывают к борьбе с “низами”, иначе говоря, с народными массами. Они продолжают называть себя “партией народной свободы”, но опасаются отстаивать свободу и предпочитают искать сильной власти»³⁸⁸.

В ряде публикаций «Русские записки» пытались донести до читателя голос «низов», того самого народа, чьим именем только прикрывались рвущиеся к власти октябристы и кадеты.

В октябрьском номере напечатана статья З. Кочетковой «Беглецы из немецкого плена»³⁸⁹. Это рассказы солдат, сбежавших из Германии в Голландию и вспоминавших «долгие месяцы холода, голода и тяжелой работы» («есть хочется до смерти»).

Однако главное в статье – не описание тягот плена. «Солдаты ухитрились сделать наблюдения и установить разницу между той культурой, проявления которой они видели в Германии и Голландии, и тем, что делается в нашей деревне». Кочеткова приводит слова солдат, очень в невыгодном свете выставляющие реальности России: «Сравниваю я, какая у них культура, как поля обрабатываются, как живут, и как у нас, – говорит Ма-

товик. – и думаю, что вот велика наша Россия и всего в ней много, а устройства не хватает, кабы нам такое устройство, как здесь, то никакой бы враг нас не одолел»³⁹⁰.

Цензура каким-то образом пропустила это место. Но к статье известного донского писателя, заведовавшего в это время отделом литературы и искусства «Русских записок», Ф.Д. Крюкова «В глубоком тылу»³⁹¹ она отнеслась не так снисходительно. Публикация Крюкова посвящена жизни деревни во время войны. В ней автор пишет, что «печатная строка теперь не встречается с тем безусловным доверием, с каким серый человек привык взирать на печатное слово. Наибольший кредит [доверия] даётся живым вестям с фронта – рассказам раненых и отпускных»³⁹². Крюков приводил несколько примеров безыскусных рассказов участников войны, но они вырезаны цензором, обглодавшим статью в лучших (или в худших) традициях отечественной цензуры XIX века.

При этом «Русские записки» по-прежнему не поддерживали и думскую оппозицию в её борьбе против власти. «Вестник Европы» убеждал, что ограничение самодержавия приведёт к победе в войне и расцвету страны, а в «Русских записках» везде проводилась мысль о том, что громко критикующие власть либералы (в особенности кадеты) заботятся только о кошельках толстосумов, а не об интересах народных масс. Журнал предупреждал, что думская оппозиция стремится не ко всеобщему народному счастью, о котором всегда мечтали социалисты, а к тому, чтобы захватить в свои руки всю власть и, отгородившись ей от народа, обделывать под её прикрытием свои делишки.

Начиная с осени 1915 г. последствия войны – как ближайшие, так и отдалённые, – стали одной из важных тем для публицистов «Русских записок». Нельзя, конечно, сказать, что она не волновала и авторов «Вестника Европы». Однако последние рассматривали её в государственно-правовом смысле (в частности, характерно для либералов предвкусение падения самодержавия в России и перемен, которые ожидают страну после

того, как это свершится), в то время как сотрудники «Русских записок» основное внимание обращали на экономические последствия войны, а через них – и на социальные проблемы, которые должны были проявиться после окончания войны.

Уже в сентябре 1915 г. в статье А. Чекина «Мобилизация народного богатства»³⁹³ констатируется «медленное истощение экономических ресурсов обоих военных лагерей», которое «в настоящее время вырисовалось с определённой ясностью, не оставляющей места ни для каких сомнений»³⁹⁴. По мнению Чекина, капитализм мешает нормальному развитию народного хозяйства³⁹⁵. Автор пишет, что «углубление пропасти между богатством и бедностью и общее обеднение, неизбежные ввиду сокращения наличных ресурсов» ведут к падению «производительной энергии»³⁹⁶. Поэтому государству придётся взять на себя «контроль над утилизацией экономических ресурсов». Этот «прямой переход в ведение государственных органов целого ряда производств», – пишет Чекин. – «вполне отвечает стремлениям рабочего класса»³⁹⁷. Автор «Русских записок» в оценках государственного коммунизма расходится с М. Лурье из «Вестника Европы». Как мы помним, Лурье писал, что в этом новом общественном устройстве простые рабочие ничего не получают, кроме продовольственных пайков. В его изображении послевоенное общество будущего видится похожим скорее на Средневековье, чем на наступающую эру социализма. Впрочем, нужно отметить, что и среди коллектива авторов народнического журнала Чекин был, похоже, единственным, кто в 1915 г. всё ещё ожидал наступления после войны перемен, которые улучшат положение рабочего класса.

В то время, как публицисты «Вестника Европы», например, М. Ковалевский, явно восхищались государственным и общественным строем и социальным законодательством Англии, анализ, проведённый издателем «Русских записок» Н.С. Русановым³⁹⁸, не давал оснований для оптимизма. На том же самом английском материале Русанов пишет, что «эта война, которая,

должна, по мнению её апологетов, принести нам всяческие свободы, работает пока на пользу реакции»³⁹⁹.

В февральском номере за 1916 г.⁴⁰⁰ содержится обстоятельный разбор публикаций «Times», направленных против Германии. Владелец этой самой влиятельной британской газеты лорд Нортклифф [Альфред Хармсворт] в статье Русанова назван «шовинистским Наполеоном английской печати»⁴⁰¹. Отмечая, что было характерно для этого автора ещё до войны (например, в майском номере за 1914 г.), роль буржуазной прессы в пропаганде милитаризма и шовинизма, Н.С. Русанов писал: «Условия военного времени выдвинули принцип государственной необходимости на первое место и приносят ему в жертву самые ценные приобретения цивилизации, общественные свободы и основные права человека и гражданина. В этом отношении нет разницы между... Германией и... Англией... Разница лишь в степени»⁴⁰². Эта и другие публикации «Русских записок» показывают, что журнал и во время войны оставался на антимилиитаристских позициях и не участвовал в военной пропаганде.

Уже на рубеже 1915/1916 гг. (за год до революции) журнал почти в каждом номере обращался к теме ухудшения экономического положения в стране. В октябрьском номере в рубрике «Вопросы тыла» А.В. Пешехонов рассуждал о затруднениях с продовольствием в столице⁴⁰³. «Петроград живёт, можно сказать, впроголодь. Не хватает многих припасов, в том числе муки, масла, сахара...»⁴⁰⁴ «Полтора месяца уже столица живёт со дня на день».

«Обыватели... встают пораньше и выстраиваются в длинные очереди перед запертыми ещё дверями булочных»⁴⁰⁵. «За последний месяц обнаружилась уже нехватка соли, чая, мыла, спичек». «Имеются большие основания опасаться, что запасы топлива в Петрограде далеко не достаточны, чтобы прожить с ними зиму и весну»⁴⁰⁶.

Пешехонов называет и причину трудностей – нехватку транспорта. Часть железных дорог перерезана противником,

оставшиеся давно не ремонтировались, подвижный состав не обновляется, не хватает ни поездов, ни вагонов. «Особое продовольственное совещание установило для Петрограда норму ежедневного подвоза по железной дороге продуктов первой необходимости (кроме топлива) в 405 вагонов... В минувшем продовольственном году с октября по март было в среднем 371 вагон в сутки»⁴⁰⁷. Здесь автор снова выступает в роли пророка, предсказывая, что возможные сбои в работе перегруженной транспортной системы могут привести к непредсказуемым последствиям. Это предсказание полностью сбылось через год с небольшим – в феврале 1917 г.

В 1916 г. А. Пешехонов и А. Петрищев оставались в «Русских записках» ведущими публицистами. В этом году они снова получили право печататься под своими фамилиями, а не под псевдонимами, как в 1915 г.

В февральском номере журнала «Внутренняя летопись» Петрищева⁴⁰⁸ посвящена дороговизне и борьбе со спекуляцией. Министерство внутренних дел выпустило особый циркуляр на эту тему. Начались даже облавы, но не сочли нужным объявить, кого считать спекулянтом. Например, на товарных складах в Москве нашли 300,000 пудов неучтённого сахара. Оказалось, что он принадлежит влиятельному чиновнику, члену Государственного Совета, депутату петроградской думы, сахарозаводчику и камергеру графу В.А. Мусину-Пушкину. Этот высокопоставленный сановник, пользуясь своим служебным положением, в целях наживы смог протащить в Москву 300 вагонов с дефицитным сахаром⁴⁰⁹. Однако эта бурная предпринимательская деятельность не послужила поводом для расследования и обвинения в спекуляции. Автор «Русских записок» пишет, что в результате этой борьбы правительства против «спекулянтов» «частно-хозяйственная деятельность общественных торговцев будет парализована, а у торговца не совсем обыкновенного, скажем – графа Мусина-Пушкина, окажется исключительно лёгкий доступ к пользованию транспортными средствами государства»⁴¹⁰.

В мартовском номере Петрищев писал о начавшемся мясном кризисе⁴¹¹, отмечая как его основную причину всё ту же самую русскую бесхозяйственность, спекуляции и т.п. «Огромные ресурсы истрачены зря»⁴¹².

Петрищеву вторил в том же номере А. Пешехонов. Его статья «На очередные темы. Экономическая проблема и экономические планы»⁴¹³, в известном смысле, подводит итог размышлениям экономистов журнала над проблемой влияния войны на жизнь простого народа. В ней нет никакого необоснованного оптимизма, только цифры и факты, которые свидетельствовали о следующем...

Военные расходы Российской империи в 1914 г. составляли 10 млн. рублей в день, в 1915 г. – 22 млн., в 1916 – 31,5 млн.⁴¹⁴ Только за 1915 г. на войну израсходовано 8 млрд. рублей⁴¹⁵, вчетверо больше довоенного годового дохода государственного казначейства. За первый год войны Россия потеряла 18 млн. голов скота, что вдвое больше годичного прироста. Осталось 43 млн. голов вместо 52 млн.⁴¹⁶ По словам Пешехонова: «Мы съели и погубили тех самых коров, которые давали нам молоко и масло... Не мало погибло у нас орудий, машин, зданий». Отмечает Пешехонов и падение промышленного производства. Так, в 1916 г. «производство 173 крупнейших заводов земледельческих машин и орудий сократилось на 75 % по сравнению с 1913 г.», «они привлечены к производству снарядов и других предметов воинского снаряжения... Привоз сельскохозяйственных машин... тоже почти прекратился – вместо них ввозятся те же военные припасы»⁴¹⁷. «То же... происходит с оборудованием всех других наших производств, за исключением, быть может, имеющих непосредственное отношение к обороне... Чуть не все имеющиеся в стране станки заняты изготовлением снарядов»⁴¹⁸.

Милитаризация экономики, отмечал Пешехонов, грозит тяжёлыми последствиями для страны, для транспорта, например, «ремонт городских путей сведён до минимума»⁴¹⁹. «Прогрес-

сирующее оскудение»⁴²⁰ пока ещё не бросается в глаза ввиду государственной финансовой политики. До войны в обращении находилось на 1,6 млрд. рублей бумажных денег. Теперь их уже 6 млрд.⁴²¹ Автор «Русских записок» писал, что хотя, действительно, народные сбережения в сберегательных кассах увеличились более чем на 1 млрд. рублей – с 2 до 3 млрд., но ведь на 3 млрд. рублей сейчас можно купить меньше, чем раньше на два. «Государство, – писал А.В. Пешехонов. – покупает за нестоящие деньги, а народ “прямо разбогател”, загипнотизированный формально большими выручками, например, за свой скот, но после войны на эти деньги можно будет купить только четверть коровы или лошади»⁴²². Эту мысль он ещё раз повторил в конце статьи: «Мы останемся в конце войны с “четвертью лошади”»⁴²³. Здесь снова звучит мысль о вреде войны для благосостояния народа.

В целом же изучение публицистики «Русских записок» в 1915–1916 гг. показывает, что журнал оказался достойным наследником закрытого на время войны правительством «Русского богатства». Он сохранил не только состав авторов, среди которых выделялись В. Майский, В. Мякотин, А. Петрищев, А. Пешехонов, Н. Русанов и др., но и своё особое отношение к актуальным проблемам современности. В военной публицистике «Русских записок» всё внимание было направлено не на военные или политические, а на социально-экономические вопросы. Это позволило авторам журнала увидеть происходящие события под несколько другим углом зрения, чем их коллегам из либерального «Вестника Европы». Выделим основные расхождения в позициях рассмотренных изданий.

Первое касается принципиального отношения к войне. «Вестник Европы» занимал оборонческую позицию, всецело одобряя если не саму войну, то по крайней мере участие в ней России в союзе с «передовыми странами» – Англией и Францией. Это очень ярко проявилось в публицистике журнала, для которой характерно участие в пропагандистской кампании, в

создании образа врага, в ожидании позитивных изменений, долженствующих наступить после победы. Особенностью «Русских записок» было неприятие войны, резкая критика национализма и шовинизма, которые, по мнению авторов журнала, принимают одинаково уродливые формы не только в Германии, но и в России.

Второе различие проявилось в оценках журналами характера мирового конфликта. Либерально настроенные публицисты «Вестника Европы» пытались представить войну как народную, то есть ведущуюся в интересах всего народа. Это сближало их с позицией официальных и официозных изданий того времени. Авторы «Русских записок» с самого начала писали, что мировой пожар разожжён не одной Германией, а правящими классами всех втянутых в него капиталистических стран. Анализ влияния войны на экономику уже зимой 1914/1915 гг. привёл их к аргументированному выводу, что война не соответствует интересам народа, которому вовсе не следует ожидать от неё никаких изменений своего положения к лучшему. Напротив, журнал предупреждал читателей, что выгоды от войны получают только капиталисты, а народ, трудящиеся, лишь обеднеют. Изначальная оценка войны как антинародной позволила авторам «Русских записок» лучше понять и отразить отношение к войне широких слоёв населения. Для авторов же «Вестника Европы» такой взгляд на войну остался непостижимым почти до самого конца. В этом журнале отражены настроения не народа, а городской интеллигенции, которая даже осенью 1917 г. не могла понять, почему пропадают втуне все патриотические призывы Временного правительства. И когда Л. Слонимский искал причины крушения России в отсутствии у русского народа патриотизма и любви к Родине, это явно показывало неспособность русских либералов разобраться в сути происходящих событий вообще.

Третье различие в позициях двух выбранных журналов заметно при сравнении их отношения к кризису лета – осени

1915 г. Редколлегия «Вестника Европы» по привычке сосредоточила всё своё внимание на чисто политическом аспекте проблемы, который она видела как столкновение не умеющего привести страну к победе над Германией отсталого царского режима с передовыми конституционными учреждениями. Естественно, журнал был на стороне Государственной Думы и всё более открыто нападал на правительство, предсказывая крушение самодержавия, после которого ожидал будущего расцвета России на путях развития конституции и прав человека.

Авторы социалистических «Русских записок» смотрели на конфликт правительства и Думы иначе. Хотя они, безусловно, были противниками самодержавия, но не встали и на сторону либеральной оппозиции. Ясное понимание того, кому выгодна война, привело их к мысли, что Дума отражает интересы не народа, а рвущихся к власти капиталистов и промышленников. За единственным вполне очевидным для авторов «Вестника Европы» конфликтом правительства и Думы они видели другой – классовый – конфликт, который должен был смести со сцены буржуазию так же, как она готовилась смести самодержавие. В рассуждениях на эту тему публицисты «Русских записок» – А. Пешехонов, В. Мякотин и другие – показали широкий кругозор и высокий дар предвидения. Но за их пониманием сложности складывающейся ситуации, за предчувствием надвигающейся политической и социальной катастрофы не видно ответа на вопрос: что делать? Здесь проявился идейный кризис позднего народничества, сходный с тем, который переживает коммунистическая и сочувствующая ей оппозиция в России 2000–2010-х гг. Либералы из «Вестника Европы» полагали, что нужно только изменить законы – и тогда освобождённой России откроется путь в семью цивилизованных стран, таких как Англия и Франция. Поэтому они с таким восторгом встретили февральскую революцию и до конца оставались верны её идеалам. Их проект преобразования России в свободную страну был утопическим и не выдержал испытания историей. Однако

этот проект, хоть и утопический, был. В «Русских записках» за резкой и справедливой критикой как царского правительства, так и думской оппозиции, поднимаемой на щит тем же «Вестником Европы», не скрывалось никаких предложений по спасению России. Анализ публицистики «Русских записок» показывает, что редакция журнала не знала, что делать, а у авторов журнала не было никаких предложений на этот счёт. Поэтому с весны 1916 г. их публицистика ослабла, и журнал становился всё скучнее. И если 80-летний К.К. Арсеньев и его пожилые коллеги по «Вестнику Европы» в конце 1916 г. ждали революции с каким-то юношеским оптимизмом, то гораздо более молодые (и, как теперь件нятно, более дальновидные) социалисты «Русских записок» испытывали скорее страх, чем надежду.

2.5. «Были правительством, но не сумели стать властью».

А.Б. Петрищев о судьбе русской революции

Замешательство, охватившее авторов народнического журнала «Русские записки» перед лицом надвигающихся грозных событий, было хорошо заметно уже весной и летом 1916 г. Например, в августовском номере за этот год нет ни внутренней, ни иностранной хроники, только беллетристика, «Очерки социальной истории Малороссии» В. Мякотина и пара материалов о Франции и Англии. Не блещет богатством содержания и октябрьский номер. То, что это не является результатом вмешательства цензуры, видно из того, что эта тенденция прослеживается и в 1917 г., когда цензура была уже отменена.

После революции журнал вернул себе довоенное название – «Русское богатство», – под которым выходил с апреля 1917 г. Но из-за экономических трудностей периодичность выхода была нарушена (так же, как это произошло и с «Вестником Европы»), в результате первый после смены названия выпуск

вышел сдвоенным (апрель – май), и такими же были и все последующие выпуски. Причины этого ясно изложены в опубликованной в начале номера «Резолюции представителей петроградских журналистов».

«Представители 37 петроградских журналов, обсудив создавшиеся условия издания, пришли к заключению, что своевременный выпуск очередных номеров журнала встречает почти непреодолимые препятствия. Вследствие прекращения деятельности многих типографий в Петрограде, а также ввиду небывалого накопления срочных типографских работ по изготовлению целого ряда новых периодических изданий, политических брошюр, агитационной литературы, избирательных списков и пр., работающие типографии завалены срочными заказами. С другой стороны, в исполнении работ нередко происходят задержки ввиду недостатка топлива и технических средств, а сокращение рабочего времени в типографиях и обнаружившаяся в большинстве из них дезорганизация резко понизили их производительность...

Не менее серьёзными представляются затруднения финансового характера. Повышение стоимости издания сделало за последние два месяца и беспрестанно продолжает делать такие резкие и быстрые скачки кверху, которые, совершенно выходя за пределы человеческого предвидения, превращают условия, имеющиеся в виду редакциями при объявлении подписки на будущий год, в анахронизм. Набор листа, обходившийся журналам до войны в среднем в 20 рублей, и ещё 1 апреля с.г. стоивший 45 рублей, теперь оплачивается в некоторых изданиях 162 рублями. Печать, стоившая 8 рублей, теперь обходится в 40 рублей...

Испытывая серьёзную тревогу по поводу самой возможности продолжать издание при подобных условиях, представители журналов... признали единственным возможным выходом... временное сокращение объёма изданий и соединения двух и более последовательных номеров в один».

Всё остальное содержание первого выпуска возрождённого «Русского богатства» отнюдь не отличается обилием яркой публицистики. В этом номере напечатана большая статья о И.И. Мечникове и по-прежнему сильный литературный отдел – 2 стихотворения, 2 очерка, 2 романа, рассказ. Вместе они занимают 175 страниц. За литературным отделом идут статьи Дионео (Шкловского) о положении рабочих в Англии (25 страниц), Майского о продовольственном положении Германии (тоже 25 страниц) и «Иностранное обозрение» Русанова (33 страницы). И между статьями Майского и Русанова скромно расположилось «Внутренняя летопись» А.Б. Петрищева объёмом всего 7 страниц. Есть впечатление, что авторы «Русского богатства» не знали, что сказать своим читателям и как объяснить суть происходящих событий.

Конечно, они могли бы сделать это и другим способом, через газеты. В частности, А.В. Пешехонов с мая по сентябрь 1917 г. был министром продовольствия во Временном правительстве, являлся одним из руководителей воссозданной после революции Трудовой народно-социалистической партии (в которую из ведущих сотрудников журнала входили также В.А. Мякотин и А.Б. Петрищев) и издавал её орган – газету «Народное слово». Но известно, что программа этой партии включала сотрудничество социалистов с либералами. Между тем именно эти самые либералы во время войны были для социалистов из журнала «Русские записки» одной из главных мишеней для критики. Тот же А. Пешехонов в своих статьях нападал на них ничуть не реже, чем на царское правительство. Он тогда отмечал, что либералы отстаивают интересы наживающихся на войне капиталистов, а не народа, и что их главные лозунги: сильная власть и война до победы, – не соответствуют интересам трудящихся. Однако авторы «Русского богатства» знали, что за политической революцией, которую с таким восторгом встретили либералы, неизбежно последует вторая, социальная революция. Этой второй революции они боялись не меньше, а даже

больше, чем либералы. И поскольку собственного проекта, как привести народ к социализму, у народников в этот период уже не было, а радикальные варианты типа ленинского им явно не подходили, они предпочли эсеровско-меньшевистский вариант действий – войти в коалицию с недавними противниками точно так же, как во время войны на союз с монархистами в Думе пошли октябристы и кадеты. Своеобразным итогом этого идейного шатания авторов «Русского богатства» стала статья А. Петрищева из сдвоенного выпуска журнала за ноябрь – декабрь 1917 г.⁴²⁴

Петрищев начинает свою «Хронику внутренней жизни» с рассуждений о причинах падения Временного правительства, а вместе с ним и провала либеральной идеи в России. По мнению публициста, в стране восторжествовала стихия хаоса, во главе которой стоят представители наиболее радикальных партий и течений, как правые – черносотенцы, так и левые – большевики. «Практически и большевизм, и черносотенство опираются на одни и те же тёмные низы и демагогически используют одни и те же тёмные инстинкты; разница лишь в том, что большевики разжигают социальный радикализм низов, а черносотенство апеллирует к их политическому консерватизму». Такой раскол общества стал возможным потому, «что “цензовая Россия” не сумела организовать сколько-нибудь достаточных сил во имя положительной государственной идеи»⁴²⁵.

Причину неспособности правящих классов управлять страной Петрищев не знал, и потому списывал всё на «объективные условия», «отсутствие ясной общегосударственной программы» и «невозможность уже по одной этой причине вести определённые линии»⁴²⁶. Так, по мнению автора «Русского богатства», А.Ф. Керенский основное внимание обратил на государственную оборону. В итоге «А.Ф. Керенский оказался ни в сих, и ни в оных. Его деятельность в целях государственной обороны была не такова, чтобы удовлетворить патриотов... И в то же время он оказался непереносимым для интернационали-

стов... В мае многим казалось, что военный министр А.Ф. Керенский – “кумир армии”. В дни 3–5 июля одна часть армии выступала открыто против Керенского, другая защищала его. В октябре сзади верховного главнокомандующего Керенского не оказалось ни преданных военачальников, ни верных солдат... Вооружая против себя врагов, он растратил друзей. И секрет тут, повторяю, в объективных условиях»⁴²⁷.

Состояние страны к осени 1917 г. Петрищев описывал в катастрофических тонах. «Развал армии... предрешал многое. Правительству лишилось силы, необходимой для принудительных действий там, где это требуется обстоятельствами. И уже по одному этому оно стало лишь тенью государственной власти, но не действительной властью. Его декреты... повисли в воздухе. Оно писало указы в порядке управления, но их исполнял лишь тот, кто хотел. Оно грозило репрессиями, но его угрозы вызывали лишь пренебрежительные улыбки. Важнейшие отрасли государственного ведения одна за другой приходили в катастрофическое состояние. К катастрофе приближалась продовольственная часть. Катастрофически падала добыча топлива. До катастрофических пределов достигло состояние транспорта. С недели на неделю приходилось ждать полной остановки движения на многих железных дорогах. До катастрофических высот поднималась волна погромов. Катастрофически шла охрана личной и имущественной безопасности. И в городах, и в сёлах бесчинствовали толпы дезертиров и просто разнузданных солдат... А правительство формально что-то делало, как-то распоряжалось, но, в сущности, оно лишь бессильно проводило время, ожидая Учредительного Собрания».

«В настроениях широких кругов крепло сознание безнадёжности, чувство отчаяния»⁴²⁸. «У временного правительства, осаждённого толпой буйных солдат и так называемых красновардейцев, не оказалось ни моральной, ни физической поддержки»⁴²⁹.

«Была тень власти. Приблизительно за две недели до начала выборов в Учредительное Собрание и за месяц до официального открытия его исчезла и тень»⁴³⁰.

Как отмечал Петрищев, произошедшая в октябре смена власти пассивно встречена обывателями⁴³¹. «Организационная связь между отдельными частями России рухнула»⁴³². «Возникшее междуособие окончательно развязало воров, мошенников, громил и прочую уголовную публику, довольно многочисленную в крупных центрах»⁴³³.

Деятельность большевиков в статье оценивается в крайне негативных тонах. Нет, наверное, ругательств, которые не обрушил бы на большевиков социалист-народник. Они названы ««победителями»», «самозванцами»⁴³⁴, обманщиками, не способными дать своим сторонникам обещанный мир с Германией⁴³⁵, «нарушителями договора о недопустимости сепаратного мира», отказавшимися платить царские долги, что «вычеркнуло Россию из числа тех стран, с которыми можно сноситься доверительно»⁴³⁶, «провокаторами»⁴³⁷ и т.п. Далее А. Петрищев проливает слёзы по поводу государственной власти, остатки которой, по его мнению, уничтожили анархически настроенные «провокаторы»-большевики, хотя вообще-то обвинять в этом следовало бы свергших царя в феврале либералов, в том числе П.Н. Милюкова, которого так резко критиковали авторы «Русских записок» ещё в 1915 г. «Единственная среда, в которой ленинцы и спиридоновцы могут претендовать на влияние, – это толпы вооружённых, но утративших чувство государственности солдат, матросов и так называемых красногвардейцев... Но они не хозяева злой стихии, поднявшей их. Они её пленные. Они сыграли заметную роль в том, чтобы вызвать этого нечистого духа. Но они не властны ни обуздать его, ни прогнать обратно в ту преисподнюю, откуда он вызван... Ленины и Спиридоновы совсем не власть даже среди тех вооружённых безчинников, при помощи которых они держатся. А с точки зрения добропорядочных граждан они – прежде всего причинившие тяжкий урон русскому народу демагоги, обвиняемые в поступках, направленных против самых основ народовластия, против завоеваний революции, против социализма»⁴³⁸.

С победой большевиков Петрищев связывал уничтожение завоеваний революции. После октября «сразу и резко изменились правовые условия. Исчезла свобода слова. Исчезла свобода собраний... Исчезла свобода агитаций. Исчезла и сама свобода выборов»⁴³⁹.

На этой пессимистической ноте закончим обзор публицистики «Вестника Европы» и «Русского богатства» в период великой войны. Оба рассмотренных журнала пережили зиму 1917/1918 гг., но из-за выступлений против советской власти были закрыты в марте 1918 г. Судьба их в любом случае была бы решена, потому что все пережившие репрессии по политическим мотивам журналы вскоре должны были прекратить своё существование по экономическим причинам – из-за нехватки бумаги. В любом случае мировая война и её влияние на жизнь страны к тому времени перестали быть в центре внимания журналистов, будучи заслонены событиями революции и гражданской войны. Но это уже совсем другая история...

Заключение

«Толстый» журнал, появившийся как тип издания во времена Пушкина, в начале XX века представлял собой образец качественной прессы. Для него характерны книжный формат, большой объём, неброское оформление, отсутствие иллюстраций и большая роль аналитических публикаций (обычно статей на социально-экономическую и политическую тематику). Если по авторам журналов судить об их читателях, то, пожалуй, можно сказать, что целевой аудиторией такого издания была только избранная «интеллигентная» публика. Типичным читателем «Вестника Европы» или «Русского богатства» был мужчина средних лет (старше 35), с высшим образованием, не находящийся на государственной службе, но, возможно, состоящий в выборных учреждениях (думы, земства). Поскольку большинство сотрудников «Вестника Европы» были юристами, кажется вероятным, что в этой же сфере работало и немалое число читателей журнала (адвокаты, преподаватели университетов). Профессиональный состав авторов «Русского богатства» был не столь однородным. Среди них были экономисты, врачи, школьные учителя. Косвенно это говорит и о роде занятий многих читателей «Русского богатства».

Таким образом, подписчики обоих указанных журналов, не принадлежа к верхушке тогдашнего общества в плане материального положения, представляли элиту российского общества по уровню образования и роду занятий, причём аудитория «Вестника Европы» занимала в среднем более высокий статус, чем аудитория «Русского богатства» (поэтому уступала ей численно, что хорошо видно из сравнения тиражей обоих изданий). Сложнее говорить о политических симпатиях читателей. Люди, выписывавшие «Вестник Европы», были либералами, по своим взглядам близкими к кадетам. Они мечтали о Конституции и Свободе. Но социальное и имущественное неравенство для них не являлось проблемой, заслуживающей внимания. Напротив, для читателей «Русского богатства» эта тема была близка.

Они относились к той интеллигенции, которая любила порассуждать о страданиях народа после своего сытного обеда.

Наконец, для читателей обоих журналов должен быть характерен свойственный их возрастной категории консерватизм. Проявлялся он прежде всего в некоей стереотипности мышления, в упорном следовании отжившим идеям и неспособность принять ситуацию такой, как она есть. Те, кто выписывали «Вестник Европы», вероятно, радостно встретили февральскую буржуазную революцию, с великолепной наивностью полагая, что теперь их мечты о России, похожей на Европу, станут явью. Тем тяжелее должно было быть для них наступившее вскоре отрезвление.

Большинство членов редакции «Вестника Европы» ненадолго пережили крушение идеалов, которым они посвятили всю свою жизнь. Издатель М.М. Ковалевский скончался ещё во время войны, 23 марта (5 апреля) 1916 г. в возрасте 64 лет, в Петрограде, где и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. В похоронах принимало участие до 100 тысяч человек – цифра, показывающая, что в это время либеральная идея ещё имела много сторонников в столице, намного больше, чем когда-либо было читателей у старейшего русского либерального журнала.

Следующим ушёл из жизни Л.З. Слонимский – в 1918 г., примерно в 68 лет. Почти вся жизнь Слонимского была связана с работой в «Вестнике Европы» и не случайно, что его смерть совпала со смертью журнала.

Только на год пережил журнал его редактор К.К. Арсеньев. Принадлежавший ещё к поколению Чернышевского и Добролюбова, старик увидел вожделённую им революцию, но вряд ли она оправдала его ожидания. Он умер в Петрограде 22 марта 1919 г., в возрасте 82 лет. Из писателей-«шестидесятников», чьё творчество началось в 1860-х гг., Арсеньева пережил, наверное, только В.П. Буренин.

Следом за своим редактором в лучший из миров ушёл В.Н. Овсяннико-Куликовский. Его жизнь оборвалась в Одессе

9 октября 1920 г. Ему было 67 лет, и он немного не дожил до конца Гражданской войны и победы большевиков. Либеральная идея в России к этому времени была уже давно мертва, и даже самые её преданные в прошлом апологеты втайне мечтали о порядке какой угодно ценой.

В.Д. Кузьмин-Караваев в марте 1919 г. уехал из России. Интересно, вспоминал ли он в этот момент о том, как 5 лет назад, в августе 1914 г., писал в «Вестнике Европы», что «ещё никогда революционный взрыв не был так далёк, как далёк он в настоящую минуту». За границей Кузьмин-Караваев жил в Париже, был принят в масонские ложи «Астрея» и «Гермес» и достиг там высоких степеней. Умер он 17 февраля 1927 г., в 67 лет. Впрочем, трудная судьба его сыновей оказалась связана с Советской Россией: двое из них остались жить и работать в стране. Один из них был выслан в 1923 г. и позднее стал католическим священником. Второй работал врачом и погиб после ареста в 1941 г. на Ладожском озере. Третий жил в Варшаве, в 1945 г. возвратился на родину, отсидел 8 лет, потом преподавал латынь в Саратовском университете.

Долгожителем оказался И.В. Жилкин, самый молодой из сотрудников «Вестника Европы», ведущий «Провинциального обозрения». Он жил в СССР, писал книги для детей и стал членом Союза советских писателей. Умер в Москве в 1958 г., в 84 года. Вероятно, он был последним ушедшим из жизни автором, статьи которого появлялись на страницах «Вестника Европы».

Серьёзную переоценку ценностей пришлось пережить и читателям (как и авторам) «Русского богатства». В публицистике журнала периода первой мировой войны, особенно 1915 г., в отличие от «Вестника Европы», буржуазно-либеральная альтернатива царскому самодержавию, представленная Государственной Думой, не рассматривалась как вариант, способный привести страну к лучшему будущему. Потому что либералы видели лучшее будущее в исправлении законов, а социалисты из (тогда) «Русских записок» – в изменении условий жизни народа. При этом Петрищев, Пешехонов и Ко писали, что либералы

так же далеки от народа, от его нужд и забот, как и монархисты. Однако они не смогли принять и свержение несовершенной и во многом антинародной буржуазной республики российской социал-демократией, оказавшись в результате, как и А.Ф. Керенский в статье Петрищева, «ни в сих, ни в оных». В таком же, очевидно, положении, оказались и читатели журнала. По имеющимся у нас материалам нельзя сказать, как изменились взгляды читателей после исчезновения «Русского богатства» под влиянием событий гражданской войны. К счастью, по сотрудникам журнала имеется достаточно информации.

В.Г. Короленко, соратник Н.К. Михайловского, в «Русском богатстве» был самым старшим по возрасту, ровесником большинства авторов «Вестника Европы». Поэтому уже в 1914–1915 гг. по своим взглядам он стоял правее остальных сотрудников собственного журнала, поэтому редко в нём печатался. Неудивительно, что ему труднее всего оказалось смириться с происходящими в стране событиями. Известно, что Короленко отрицательно отнёсся к Октябрьской революции. Он публично осудил методы большевиков и зверства Гражданской войны и выступал в защиту личности от произвола. В.И. Ленин в 1919 г. писал о Короленко Горькому: «“Интеллектуальные силы” народа смешивать с “силами” буржуазных интеллигентов неправильно. За образец возьму Короленко: я недавно прочёл его, писанную в августе 1917 г., брошюру “Война, отечество и человечество”. Короленко ведь лучший из “околокадетских”, почти меньшевик. А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистической войны, прикрытая слащавыми фразами! Жалкий мещанин, пленённый буржуазными предрассудками!.. Нет. Таким “талантам” не грех посидеть недельки в тюрьме, если это надо сделать для предупреждения заговоров (вроде Красной Горки) и гибели десятков тысяч...» Впрочем, участия в «заговорах» В.Г. Короленко всё же не принимал. Он дожил до конца Гражданской войны в европейской части страны и умер в Полтаве 25 декабря 1921 г., в 68 лет. Вряд ли он успел полностью принять наступление но-

вого порядка. Однако посмертная судьба его в СССР сложилась вполне удачно: он стал классиком советской литературы, наряду с Герценом, Некрасовым, Толстым, Чеховым и другими. На его произведениях, входивших в школьную программу, выросло несколько поколений советских читателей.

У остальных сотрудников «Русского богатства» было больше времени на то, чтобы переосмыслить произошедшее. Каждый из них шёл к этому собственным путём.

С.Я. Елпатьевский с началом войны перестал печататься в журнале, выполняя свой гражданский долг в качестве врача. В 1917 г. он вышел из партии эсеров. С 1922 по 1928 г. работал врачом в Кремлёвской больнице. Скончался 9 января 1933 г. в Москве в солидном возрасте 78 лет. Незадолго до начала мировой войны в статье «Жизнь идёт» Елпатьевский писал о стене, разделяющей официальную и неофициальную Россию, о возможном вскоре конфликте между ними. История разрешила «мудрёный вопрос» ещё при его жизни, хотя и неизвестно, понравился ли публицисту способ, каким это было сделано.

А.В. Пешехонов, экономист и один из ярких публицистов журнала, в 1917 г. успел побывать министром продовольствия в двух составах Временного правительства, в годы Гражданской войны симпатизировал белым и в 1922 г. был выслан за границу. Но в конце концов, видимо, всё же смог внутренне примириться с советской властью. Неоднократно безуспешно просил у советского правительства разрешения вернуться на родину. С 1927 г. работал консультантом в торгпредстве СССР в Прибалтике. Умер в Риге 3 апреля 1933 г., ему было 66 лет. Был похоронен в Ленинграде.

Судьба В.А. Мякотина оказалась похожа на судьбу А.В. Пешехонова. В 1917 г. они вместе входили в Трудовую народно-социалистическую партию, в 1918 г. создавали Союз возрождения России, пытались сотрудничать с белыми на юге России. В 1920 г. Мякотин был арестован большевиками. Содержался в Бутырской тюрьме. Вероятно, в это время он нередко вспоминал свои предыдущие (ещё при царизме) заключения в Петропавлов-

ской крепости и в Двинской тюрьме. Как и Пешехонов, в 1922 г. выслан из России как «враг народа», «один из ярых врагов не только Соввласти, но вообще социализма». За границей жил во Франции, затем в Чехословакии, где преподавал в Софийском университете. Умер в Праге 11 сентября 1937 г. в возрасте 70 лет.

Н.С. Русанов, издатель журнала после В.Г. Короленко, ещё задолго до 1917 г. жил в основном во Франции. Даже после революции он остался верен народническим идеалам дней своей молодости, когда он встречался с Лавровым и сотрудничал с Михайловским. В эмиграции Русанов участвовал в работе партии эсеров, которые по своей программе и взглядам были ближе всего к народникам. Умер он в Берне (Швейцария) 28 июля 1939 г., не дожив всего двух месяцев до 80 лет.

В эмиграции же окончил свою жизнь и А.Б. Петрищев, ведущий отдела «Хроника внутренней жизни». В 1922 г. его тоже выслали из России. Ему было только 50 лет, и он имел ещё вполне достаточно времени, чтобы поразмышлять о судьбах русской революции, так как скончался в 1951 г., в 79 лет.

Как и в «Вестнике Европы», наиболее долгую жизнь прожил младший по возрасту автор «Русского богатства» – И.М. Майский, член РСДРП, меньшевик, политэмигрант. Он активно участвовал в Гражданской войне – на стороне антибольшевистских сил, в 1918 г. был членом эсеровского правительства КОМУЧ в Самаре, а в 1919 г. формально занимал пост министра в омском правительстве Колчака. Исключён из РСДРП. Но в 1921 г. принят в РКП(б). С 1922 г. – на дипломатической работе. В 1929–1932 гг. полпред в Финляндии. В 1932–1943 гг. – чрезвычайный и полномочный посол СССР в Великобритании. Член АН СССР. Умер в Москве 3 сентября 1975 г., в 91 год. К этому времени едва ли был жив ещё хоть один человек, читавший до революции «Русское богатство» (или «Вестник Европы»). Сами же эти журналы давно представляли чисто академический интерес для историков и историков литературы.

Примечания

¹ *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века: Учебно-методический комплект (Учебное пособие, Хрестоматия) / С.Я. Махонина. М., 2006. С. 122.

Makhonina S.Ya. Istoriya russkoy zhurnalistiki nachala XX veka. Moscow, 2006. P. 122.

² *Троцкий Л.Д.* Судьба толстого журнала / Троцкий Л. Проблемы культуры. Культура старого мира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komintern-online.com> (04.03.11).

Trotsky L.D. Sudba tolstogo zhurnala. URL: <http://www.komintern-online.com>.

³ *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века. М., 2006. С. 121–128.

Makhonina S.Ya. Istoriya russkoy zhurnalistiki nachala XX veka. Moscow, 2006. P. 121–128.

⁴ *Трыков В.П.* История зарубежной журналистики: От истоков до Второй мировой войны: Учеб. пособие / В.П. Трыков. М., 2007. С. 283–288.

Trykov V.P. Istoriya zarubezhnoy zhurnalistiki: Ot istokov do Vtoroy mirovoy voyny. Moscow, 2007. P. 283–288.

⁵ Knightley Phillip. The first casualty. From the Crimea to Vietnam: The War Correspondent as Hero, Propagandist and Myth Maker / Phillip Knightley. New York and London, 1975. P. 81.

⁶ *Бережной А.Ф.* К истории отечественной журналистики (конец XIX – начало XX в.): Учебное и методическое пособие / А.Ф. Бережной. СПб., 1998. С. 26.

Berezhnoy A.F. K istoriy otechestvennoy zhurnalistiki. S-Petersburg, 1998. P. 26.

⁷ Городская библиотека-читальня имени Н.В. Гоголя // Далёкая окраина. 1915. 15 февраля. С. 3.

Gorodskaya biblioteka-chitalnya imeni N.V. Gogolya // Dalekaya okraina. 1915. February, 15. P. 3.

⁸ История русской журналистики XVIII–XIX вв.: Учебник / Л.П. Громова, М.М. Ковалева, А.И. Станько, Ю.В. Стенник и др.; Под ред. Л.П. Громовой. СПб., 2003. С. 598–600.

Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov. S-Petersburg, 2003. P. 598–600.

⁹ Там же. С. 600–601.

Ibidem. P. 600–601.

¹⁰ Там же. С. 601–602.

Ibidem. P. 601–602.

¹¹ Там же. С. 602.

Ibidem. P. 602.

¹² *Кони А.Ф.* Воспоминания о писателях. М., 1989 [Электронный ресурс]. URL: az.lib.ru дата обращения 04.03.11)

Kony A.F. Vospominaniya o pisatelyakh. Moscow, 1989. URL: az.lib.ru.

¹³ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. Т.1. М., 1996. С. 301.

Politicheskaya istoriya: Russia – USSR – Russian Federation. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 301.

¹⁴ *Никитина М.А.* «Вестник Европы»/Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 4.

Nikitina M.A. «Vestnik Evropy» // Russkaya literatura i zhurnalistika nachala XX veka, 1905–1917: Burzhuazno-liberalnye i modernistskie izdaniya. Moscow, 1984. P. 4.

¹⁵ Там же. С. 6,8.

Ibidem. P. 6,8.

¹⁶ Большая биографическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения 15.04.11).

Bolshaya biographicheskaya entsiklopediya. URL: <http://dic.academic.ru>

¹⁷ *Никитина М.А.* «Вестник Европы» / Русская литература и журналистика... С.5.

Nikitina M.A. Op. cit. P. 5.

¹⁸ Там же.

Ibidem.

¹⁹ *Махонина С.Я.* Указ. соч. С. 133–134.

Makhonina S.Ya. Op. cit. P. 133–134.

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 423.

Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Vol. 19. P. 423.

²¹ Троцкий Л.Д. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komintern-online.com> (04.03.11).

Trotsky L.D. Op. cit.

²² Махонина С.Я. Указ. соч. С. 134.

Makhonina S.Ya. Op. cit. P. 134.

²³ Ущиповский С.Н. Русская историческая периодика 1861–1917 годов. СПб., 2008. С. 23.

Ushchipovsky S.N. Russkaya istoricheskaya periodika 1861–1917 godov. S-Petersburg, 2008. P. 23.

²⁴ Рынков В. Периодическая печать: место в системе исторических источников [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru> (27.03.11).

Rynkov V. Periodicheskaya pechat: mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov. URL: http://www.polit.ru.

²⁵ Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 385–397.

Zhilkin I. Provintsialnoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 1. P. 385–397.

²⁶ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 455.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1914. No. 1. P. 455.

²⁷ Там же. С. 456.

Ibidem. P. 456.

²⁸ Там же. С. 460.

Ibidem. P. 460.

²⁹ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 3. С. 409.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1914. No. 3. P. 409.

³⁰ Слонимский Л. Борьба с печатью // Вестник Европы. 1914. № 3. С. 309–315.

Slonimsky L. Borba s pechatyu // Vestnik Evropy. 1914. No. 3. P. 309–315.

³¹ *Жилкин И.* Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 3. С. 356–363.

Zhilkin I. Provintsialnoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 3. P. 356–363.

³² Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 4. С. 364–375.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 4. P. 364–375.

³³ *Слонимский Л.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 3. С. 364–370.

Slonimsky L. Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 3. P. 364–370.

³⁴ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 423–435.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 1. P. 423–435.

³⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 2. С. 415–427.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 2. P. 415–427.

³⁶ *Корф С.А.* Эльзас – Лотарингия // Вестник Европы. 1914. № 3. С. 296–308.

Korf S.A. Elzas – Lotaringiya // Vestnik Evropy. 1914. No. 3. P. 296–308.

³⁷ *Кузьмин-Караваев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 455.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1914. No. 1. P. 455.

³⁸ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 5. С. 380–384.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 5. P. 380–384.

³⁹ *Слонимский Л.* Военная опасность // Вестник Европы. 1914. № 6. С. 336–337.

Slonimsky L. Voennaya opasnost // Vestnik Evropy. 1914. No. 6. P. 336–337.

⁴⁰ Даты в статье даются по старому стилю, как они приводились в «Вестнике Европы».

⁴¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 7. С. 404–416.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 7. P. 404–416.

⁴² *Слонимский Л.* Фатальный союз // Вестник Европы. 1914. № 8. С. 340–348.

Slonimsky L. Fatalny soyuz // Vestnik Evropy. 1914. No. 8. P. 340–348.

⁴³ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 8. С. 389.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 8. P. 389.

⁴⁴ Там же. С. 388.

Ibidem. P. 388.

⁴⁵ Там же. С. 402.

Ibidem. P. 402.

⁴⁶ Там же. С. 406.

Ibidem. P. 406.

⁴⁷ *Арсеньев К.К.* Исторические параллели // Вестник Европы. 1914. № 8. С. 424–428.

Arsenev K.K. Istoricheskie paralleli // Vestnik Evropy. 1914. No. 8. P. 424–428.

⁴⁸ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 9. С. 350.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 9. P. 350.

⁴⁹ Там же. С. 363.

Ibidem. P. 363.

⁵⁰ *Кузьмин-Караваев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 9. С. 369.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1914. No. 9. P. 369.

⁵¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 10. С. 352.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 10. P. 352.

⁵² Там же. С. 342.

Ibidem. P. 342.

⁵³ *Жилкин И.* Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 9. С. 334.

Zhilkin I. Provintsialnoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 9. P. 334.

⁵⁴ Там же. С. 335.

Ibidem. P. 335.

⁵⁵ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 9. С. 370.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1914. No. 9. P. 370.

⁵⁶ Там же.

Ibidem.

⁵⁷ Как и для всего журнала. За несколько дней до нападения на Россию Турции «Иностранное обозрение» писало: «Нам кажется несомненным, что... Турция сохранит формальный нейтралитет и постарается вновь приобрести расположение Англии, Франции и России» (Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 10. С. 345).

⁵⁸ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 10. С. 356.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1914. No. 10. P. 356.

⁵⁹ Там же. С. 357.

Ibidem. P. 357.

⁶⁰ Обзор военных событий // Вестник Европы. 1914. № 9. С. 380.

Obzor voennykh sobyty // Vestnik Evropy. 1914. No. 9. P. 380.

⁶¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 10. С. 341.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 10. P. 341.

⁶² Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1914. № 11. С. 338.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1914. No. 11. P. 338.

⁶³ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 11. С. 373.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. No. 11. P. 373.

⁶⁴ Там же. С. 374.

Ibidem. P. 374.

⁶⁵ Посников А. Увеличение податного бремени // Вестник Европы. 1914. № 10. С. 299–311.

Posnikov A. Uvelichenie podatnogo bremeni // Vestnik Evropy. 1914. No. 10. P. 299–311.

⁶⁶ *Посников А.* Подоходный налог и военный сбор // Вестник Европы. 1914. № 11. С. 374–383.

Posnikov A. Podohodny nalog i voenny sbor // Vestnik Evropy. 1914. No. 11. P. 374–383.

⁶⁷ *Посников А.* Проект государственной росписи // Вестник Европы. 1915. № 1. С. 372–381.

Posnikov A. Proekt gosudarstvennoy rospisi // Vestnik Evropy. 1915. No. 1. P. 372–381.

⁶⁸ В Государственной Думе // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 401–437.

V Gosudarstvennoy Dume // Vestnik Evropy. 1915. No. 2. P. 401–437.

⁶⁹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 1. С. 358. Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1915. No. 1. P. 358.

⁷⁰ *Слонимский Л.* Немецкие завоевательные планы // Вестник Европы. 1914. № 10. С. 311–316.

Slonimsky L. Nemetskie zavoevatelnye plany // Vestnik Evropy. 1914. No. 10. P. 311–316.

⁷¹ *Слонимский Л.* Германские ученые и милитаризм // Вестник Европы. 1914. № 11. С. 342–350.

Slonimsky L. Germanskie uchenye i militarizm // Vestnik Evropy. 1914. No. 11. P. 342–350.

⁷² *Слонимский Л.* Германия и культ силы // Вестник Европы. 1915. № 1. С. 286–292.

Slonimsky L. Germaniya i kult sily // Vestnik Evropy. 1915. No. 1. P. 286–292.

⁷³ *Слонимский Л.* Новое язычество на почве национализма // Вестник Европы. 1915. № 5. С. 338–344.

Slonimsky L. Novoe yazychestvo na pochve natsionalizma // Vestnik Evropy. 1915. No. 5. P. 338–344.

⁷⁴ *Деренталь А.* От Копенгагена до Парижа // Вестник Европы. 1915. № 1. С. 261–274.

Derental A. Ot Kopingagena do Parizha // Vestnik Evropy. 1915. No. 1. P. 261–274.

⁷⁵ Там же. С. 266–267.

Ibidem. P. 266–267.

⁷⁶ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 11. С. 385.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1914. No. 11. P. 385.

⁷⁷ Knightley P. The first casualty. From the Crimea to Vietnam: The War Correspondent as Hero, Propagandist and Myth Maker. New York and London, 1975. P.81–82.

⁷⁸ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1915. № 1. С. 384.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1915. No. 1. P. 384.

⁷⁹ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 350.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1915. No. 2. P. 350.

⁸⁰ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 352.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1915. No. 6. P. 352.

⁸¹ Там же. С. 353.

Ibidem. P. 353.

⁸² Чекин А. Война и общественная жизнь в Англии // Вестник Европы. 1915. № 1. С. 237–261.

Chekin A. Voyna i obshchestvennaya zhizn v Anglii // Vestnik Evropy. 1915. No. 1. P. 237–261.

⁸³ Там же. С. 242.

Ibidem. P. 242.

⁸⁴ Ковалевский М. Германцы против англичан // Вестник Европы. 1915. № 5. С. 265–296.

Kovalevsky M. Germantsy protiv anglichan // Vestnik Evropy. 1915. No. 5. P. 265–296.

⁸⁵ Бланк Р. Заграничные настроения (путевые впечатления) // Вестник Европы. 1915. № 5. С. 296–312.

Blank R. Zagranichnye nastroiya (putevye vpechatleniya) // Vestnik Evropy. 1915. No. 5. P. 296–312.

⁸⁶ *Майский В.* Уравновешенная Англия // Вестник Европы. 1915. № 5. С. 313–338.

Maysky V. Uravnoveshennaya Angliya // Vestnik Evropy. 1915. No. 5. P. 313–338.

⁸⁷ *Осоргин М.А.* Позиция Италии (письмо из Рима) // Вестник Европы. 1915. № 1. С. 274–286.

Osorgin M.A. Pozitsiya Italii (pismo iz Rima) // Vestnik Evropy. 1915. No. 1. P. 274–286.

⁸⁸ Там же. С. 278–279.

Ibidem. P. 278–279.

⁸⁹ *Зак А.И.* Из Америки // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 281–292.

Zak A.I. Iz Ameriki // Vestnik Evropy. 1915. No. 2. P. 281–292.

⁹⁰ Там же. С. 283.

Ibidem. P. 283.

⁹¹ *Зак А.И.* Дни «Лузитании» // Вестник Европы. 1915. № 7. С. 265–278.

Zak A.I. Dni «Luzitanii» // Vestnik Evropy. 1915. No. 7. P. 265–278.

⁹² Там же. С. 269.

Ibidem. P. 269.

⁹³ Там же. С. 271.

Ibidem. P. 271.

⁹⁴ *Зак А.И.* Два полюса (письмо из Нью-Йорка) // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 301–311.

Zak A.I. Dva polyusa (pismo iz Nyu-Yorka) // Vestnik Evropy. 1915. No. 8. P. 301–311.

⁹⁵ Например: *Калина И.* Из Болгарии (болгарский нейтралитет) // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 293–302; *Деренталь А.* Письмо из Софии // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 311–325.

For example: *Kalina I.* Iz Bolgarii (bolgarsky neytralitet) // Vestnik Evropy. 1915. No. 2. P. 293–302; *Derental A.* Pismo iz Sofii // Vestnik Evropy. 1915. No. 8. P. 311–325.

⁹⁶ *Деренталь А.* Письмо из Софии // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 314.

Derental A. Pismo iz Sofii // Vestnik Evropy. 1915. No. 8. P. 314.

⁹⁷ *Залевский К.* К польскому вопросу // Вестник Европы. 1915. № 1. С. 293–302; *Славинский М.* Украинцы в Австро-Венгрии // Вестник Европы. 1915. № 1. С. 336–350.

Zalevsky K. К polskomu voprosu // Vestnik Evropy. 1915. No. 1. P. 293–302; *Slavinsky M.* Ukraintsy v Avstro-Vengrii // Vestnik Evropy. 1915. No. 1. P. 336–350.

⁹⁸ *Залевский К.* К польскому вопросу. С. 293.

Zalevsky K. К polskomu voprosu. P. 293.

⁹⁹ Там же. С. 302.

Ibidem. P. 302.

¹⁰⁰ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 1. С. 359–360.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1915. No. 1. P. 359–360.

¹⁰¹ *Кузьмин-Караваев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 354.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1915. No. 6. P. 354.

¹⁰² *Оглин А.* Обзор военных действий // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 368.

Oglin A. Obzor voennyh sobyty // Vestnik Evropy. 1915. No. 6. P. 368.

¹⁰³ Там же. С. 383–384.

Ibidem. P. 383–384.

¹⁰⁴ *Слонимский Л.* Критический момент // Вестник Европы. 1915. № 7. С. 337.

Slonimsky L. Kritichesky moment // Vestnik Evropy. 1915. No. 7. P. 337.

¹⁰⁵ *Кузьмин-Караваев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1915. № 7. С. 378, 383.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1915. No. 7. P. 378, 383.

¹⁰⁶ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 340.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1915. No. 8. P. 340.

¹⁰⁷ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 354–355.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1915. No. 8. P. 354–355.

¹⁰⁸ Там же. С. 357–360.

Ibidem. P. 357–360.

¹⁰⁹ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 353.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1915. No. 9. P. 353.

¹¹⁰ Там же. С. 354,358.

Ibidem. P. 354,358.

¹¹¹ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 10. С. 370.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1915. No. 10. P. 370.

¹¹² *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 403–411.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 403–411.

¹¹³ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 347–359.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1916. No. 2. P. 347–359.

¹¹⁴ *Кузьмин-Караваев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 412–428.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 412–428.

¹¹⁵ *Олигер Н.* На войне (картины и мысли) // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 171–199.

Oliger N. Na voyne // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 171–199.

¹¹⁶ *Кузьмин-Караваев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 412–413.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 412–413.

¹¹⁷ *Олигер Н.* На войне (картины и мысли) // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 175.

Oliger N. Na voyne // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 175.

¹¹⁸ *Кузьмин-Караваев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 414.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 414.

¹¹⁹ *Олигер Н. На войне (картины и мысли) // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 176.*

Oliger N. Na voyne // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 176.

¹²⁰ *Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 415.*

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 415.

¹²¹ Там же. С. 416.

Ibidem. P. 416.

¹²² Там же. С. 417.

Ibidem. P. 417.

¹²³ Там же. С. 418.

Ibidem. P. 418.

¹²⁴ Там же. С. 419.

Ibidem. P. 419.

¹²⁵ Там же. С. 420.

Ibidem. P. 420.

¹²⁶ Там же. С. 421.

Ibidem. P. 421.

¹²⁷ *Ковалевский М. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 10. С. 351.*

Kovalevsky M. Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1915. No. 10. P. 351.

¹²⁸ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 12. С. 370–372.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1915. No. 12. P. 370–372.

¹²⁹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 388, 392, 393.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 388, 392, 393.

¹³⁰ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 334.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 2. P. 334.

¹³¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 342.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 2. P. 342.

¹³² Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 258–259.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 258–259.

¹³³ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 7. С. 270, 271, 275.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 7. P. 270, 271, 275.

¹³⁴ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 262.

Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 262.

¹³⁵ *Слонимский Л.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 12. С. 365.

Slonimsky L. Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 12. P. 365.

¹³⁶ Там же. С. 364.

Ibidem. P. 364.

¹³⁷ *Дионео.* Нечто о мифах // Вестник Европы. 1916. № 5. С. 290–305.

Dioneo. Nechto o mifakh // Vestnik Evropy. 1916. No. 5. P. 290–305.

¹³⁸ Там же. С. 295.

Ibidem. P. 295.

¹³⁹ Там же. С. 296.

Ibidem. P. 296.

¹⁴⁰ Там же. С. 297.

Ibidem. P. 297.

¹⁴¹ Там же. С. 298.

Ibidem. P. 298.

¹⁴² Там же. С. 304.

Ibidem. P. 304.

¹⁴³ Там же. С. 297.

Ibidem. P. 297.

¹⁴⁴ *Зак А.И.* Год войны и внешняя торговля С. Штатов (письмо из Нью-Йорка) // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 339–371.

Zak A.I. God voyny i vneshnyaya trgovlyya S. Shtatov (pismo iz Nyu-Yorka) // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P. 339–371.

¹⁴⁵ Там же. С. 341.

Ibidem. P. 341.

¹⁴⁶ Там же. С. 371.

Ibidem. P. 371.

¹⁴⁷ *Чекин А.* Под знаком экономии (общественно-экономические последствия войны) // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 250–281.

Chekin A. Pod znakom ekonomii (obshchestvenno-ekonomicheskie posledstviya voyny) // Vestnik Evropy. 1916. No. 3. P. 250–281.

¹⁴⁸ *Цыперович Г.* Борьба с дороговизной во Франции // Вестник Европы. 1916. № 4. С. 221–249.

Tsyperovich G. Borba s dorogoviznoy vo Frantsii // Vestnik Evropy. 1916. No. 4. P. 221–249.

¹⁴⁹ *Лурье М.* Будущее германского хозяйства // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 247–301.

Lure M. Budushchee germanskogo khozyaystva // Vestnik Evropy. 1915. No. 8. P. 247–301.

¹⁵⁰ Там же. С. 300.

Ibidem. P. 300.

¹⁵¹ *Лурье М.* Организация земледелия в Германии // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 254–278.

Lure M. Organizatsiya zemledeliya v Germanii // Vestnik Evropy. 1915. No. 9. P. 254–278.

¹⁵² *Лурье М.* Бытовые отражения войны в Германии // Вестник Европы. 1915. № 11. С. 298–335.

Lure M. Bytovye otrazheniya voyny v Germanii // Vestnik Evropy. 1915. No. 11. P. 298–335.

¹⁵³ *Лурье М.* Социальное законодательство военного времени в Германии // Вестник Европы. 1915. № 12. С. 310–338.

Lure M. sotsialnoe zakonodatelstvo voennogo vremeni v Germanii // Vestnik Evropy. 1915. No. 12. P. 310–338.

¹⁵⁴ *Лурье М.* Государственно-коммунистическая организация продовольствия в Германии // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 281–311.

Lure M. Gosudarstvenno-kommunisticheskaya organizatsiya prodovolstviya v Germanii // Vestnik Evropy. 1916. No. 3. P. 281–311.

¹⁵⁵ *Лурье М.* Аграрии и дороговизна в Германии // Вестник Европы. 1916. № 5. С. 306–325.

Lure M. Agrarii i dorogovizna v Germanii // Vestnik Evropy. 1916. No. 5. P. 306–325.

¹⁵⁶ *Лурье М.* Под покровом бургфридена // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 201–232.

Lure M. Pod pokrovom burgfridena // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 201–232.

¹⁵⁷ Там же. С. 202.

Ibidem. P. 202.

¹⁵⁸ *Кузьмин-Караваев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 7. С. 309–324.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1916. No. 7. P. 309–324.

¹⁵⁹ Там же. С. 322.

Ibidem. P. 322.

¹⁶⁰ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 8. С. 325–339.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1916. No. 8. P. 325–339.

¹⁶¹ Там же. С. 325.

Ibidem. P. 325.

¹⁶² Там же. С. 333.

Ibidem. P. 333.

¹⁶³ *Кузьмин-Караваев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 8. С. 340–352.

Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni // Vestnik Evropy. 1916. No. 8. P. 340–352.

¹⁶⁴ Там же. С. 341.

Ibidem. P. 341.

¹⁶⁵ Там же. С. 343.

Ibidem. P. 343.

¹⁶⁶ *Лурье М.* Понижение культуры в Германии // Вестник Европы. 1916. № 9. С. 307–348.

Lure M. Ponizhenie kultury v Germanii // Vestnik Evropy. 1916. No. 9. P. 307–348.

¹⁶⁷ Там же. С. 308–310.

Ibidem. P. 308–310.

¹⁶⁸ Там же. С. 320.

Ibidem. P. 320.

¹⁶⁹ Там же. С. 321.

Ibidem. P. 321.

¹⁷⁰ Там же. С. 322.

Ibidem. P. 322.

¹⁷¹ Там же. С. 323.

Ibidem. P. 323.

¹⁷² Там же. С. 325.

Ibidem. P. 325.

¹⁷³ Там же. С. 328.

Ibidem. P. 328

¹⁷⁴ Там же. С. 329.

Ibidem. P. 329.

¹⁷⁵ Там же. С. 330.

Ibidem. P. 330.

¹⁷⁶ Там же. С. 332.

Ibidem. P. 332.

¹⁷⁷ *Олигер Н.* На войне (картины и мысли) // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 199.

Oliger N. Na voyne // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 199.

¹⁷⁸ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 7. С. 302.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1916. No. 7. P. 302.

¹⁷⁹ Автор этой статьи умер в декабре 1916 г. Журнал сообщил об этом в своем декабрьском номере (см. Вестник Европы. 1916. № 12. С. 388).

¹⁸⁰ *Штильман Г.* Война и патриотизм // Вестник Европы. 1916. № 7. С. 223–227.

Shtilman G. Voyna i patriotizm // Vestnik Evropy. 1916. No. 7. P. 223–227.

¹⁸¹ Там же. С. 223.

Ibidem. P. 223.

¹⁸² Там же. С. 224.

Ibidem. P. 224.

¹⁸³ Там же. С. 227.

Ibidem. P. 227.

¹⁸⁴ *Слонимский Л.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 9. С. 349.

Slonimsky L. Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 9. P. 349.

¹⁸⁵ Достоверность этих цифр подтверждена послевоенными подсчетами, согласно которым общие потери Германии за все четыре года войны составили 1,773,700 человек убитыми, 4,216,058 ранеными и 1,152,800 пропавших без вести (*Encyclopaedia Britannica*. Chicago–London–Toronto, 1945. Vol. 23. P.775).

¹⁸⁶ *Слонимский Л.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 354–358.

Slonimsky L. Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1916. No. 11. P. 354–358.

¹⁸⁷ *Головин Н.Н.* Россия в первой мировой войне. М., 2006. С. 427.

Golovin N. Rossiya v pervoy mirovoy voyne. Moscow, 2006. P. 427.

¹⁸⁸ *Оськин М.В.* Первая мировая война. М., 2010. С. 246–247.

Oskin M. Pervaya mirovaya voyna. Moscow, 2010. P. 246–247.

¹⁸⁹ *Слонимский Л.З.* Сближение с Западом // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 318–324.

Slonimsky L.Z. Sblizhenie s Zapadom // Vestnik Evropy. 1916. No. 2. P. 318–324.

¹⁹⁰ Там же. С. 318.

Ibidem. P. 318.

¹⁹¹ Там же. С. 324.

Ibidem. P. 324.

¹⁹² *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 295–309.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1916. No. 6. P. 295–309.

¹⁹³ Там же. С. 298.

Ibidem. P. 298.

¹⁹⁴ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 9. С. 377.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1915. No. 9. P. 377.

¹⁹⁵ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 10. С. 355.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1916. No. 10. P. 355.

¹⁹⁶ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 341.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1916. No. 11. P. 341.

¹⁹⁷ Там же. С. 347.

Ibidem. P. 347.

¹⁹⁸ Там же. С. 353.

Ibidem. P. 353.

¹⁹⁹ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 12. С. 376–391.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1916. No. 12. P. 376–391.

²⁰⁰ Там же. С. 377.

Ibidem. P. 377.

²⁰¹ Там же.

Ibidem.

²⁰² Там же. С. 379.

Ibidem. P. 379.

²⁰³ *Оськин М.В.* Указ. соч. С. 260.

Oskin M. Op. cit. P. 260.

²⁰⁴ Вестник Европы. 1917. № 2. С. I (документы о государственном перевороте в этом номере журнала шли с отдельной нумерацией листов латинскими цифрами).

Vestnik Evropy. 1917. No. 2. P. I.

²⁰⁵ *Овсянко-Куликовский Д.* Две февральские революции // Вестник Европы. 1917. № 2. С. X–XVI.

Ovsyaniko-Kulikovskiy D. Dve fevral'skie revolyutsii // Vestnik Evropy. 1917. No. 2. P. X–XVI.

²⁰⁶ Там же. С. X.

Ibidem. P. X.

²⁰⁷ Там же. С. XI.

Ibidem. P. XI.

²⁰⁸ Там же. С. XIII.

Ibidem. P. XIII.

²⁰⁹ Там же. С. XVI.

Ibidem. P. XVI.

²¹⁰ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 359–372.

Arsenev K. Na temu dnya // Vestnik Evropy. 1917. No. 3. P. 359–372.

²¹¹ Там же. С. 359.

Ibidem. P. 359.

²¹² Там же. С. 360.

Ibidem. P. 360.

²¹³ Там же. С. 361.

Ibidem. P. 361.

²¹⁴ Там же. С. 362.

Ibidem. P. 362.

²¹⁵ Там же. С. 363.

Ibidem. P. 363.

²¹⁶ Там же. С. 364.

Ibidem. P. 364.

²¹⁷ Там же. С. 365.

Ibidem. P. 365.

²¹⁸ Там же. С. 366.

Ibidem. P. 366.

²¹⁹ Там же. С. 368.

Ibidem. P. 368.

²²⁰ Там же. С. 370.

Ibidem. P. 370.

²²¹ Там же. С. 371.

Ibidem. P. 371.

²²² *Слонимский Л.* Политическое обозрение // Вестник Европы. 1917. № 4–5–6. С. 395–414.

Slonimsky L. Politicheskoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1917. No. 4–5–6. P. 395–414.

²²³ Там же. С. 395.

Ibidem. P. 395.

²²⁴ Там же. С. 396.

Ibidem. P. 396.

²²⁵ Того самого П.Н. Милюкова, речь которого (известную под названием «Глупость или измена?») о «безответственных и темных силах», произнесенную в Государственной Думе, так обширно цитировал К.К. Арсеньев в ноябре – декабре 1916 г.

²²⁶ *Слонимский Л.* Политическое обозрение // Вестник Европы. 1917. № 4–5–6. С. 399.

Slonimsky L. Politicheskoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1917. № 4–5–6. P. 399.

²²⁷ Там же. С. 401–402.

Ibidem. P. 401–402.

²²⁸ Там же. С. 402.

Ibidem. P. 402.

²²⁹ Там же. С. 403.

Ibidem. P. 403.

²³⁰ Там же. С. 414.

Ibidem. P. 414.

²³¹ История русской журналистики XVIII–XIX вв... СПб., 2003. С. 578–579.

Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov. S-Petersburg, 2003. P. 578–579

²³² *Евгеньев-Максимов В.* Из истории «Русского богатства» (к двадцатипятилетию журнала) // Русское богатство. 1917. № 11–12. Ноябрь–декабрь. С. 60,62,64.

Evgenyev-Maksimov V. Iz istorii «Russkogo bogatstva» (k dvadtsatipyatiletiyu zhurnala) // Russkoe bogatstvo. 1917. No. 11–12. P. 60,62,64.

²³³ История русской журналистики XVIII–XIX вв... СПб., 2003. С. 581.

Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov. S-Petersburg, 2003. P. 581.

²³⁴ Там же. С. 582.

Ibidem. P. 582.

²³⁵ Там же. С. 586.

Ibidem. P. 586.

²³⁶ *Махонина С.Я.* Указ. соч. С. 137.

Makhonina S.Ya. Op. cit. P. 137.

²³⁷ Там же.

Ibidem.

²³⁸ Там же. С. 141.

Ibidem. P. 141.

²³⁹ Там же. С. 140.

Ibidem. P. 140.

²⁴⁰ *Евгеньев-Максимов В.* Из истории «Русского богатства» (к двадцатипятилетию журнала) // Русское богатство. 1917. № 11–12. Ноябрь–декабрь. С. 55–95.

Evgenev-Maksimov V. Iz istorii «Russkogo bogatstva» (k dvadtsatipyatiletiju zhurnala) // Russkoe bogatstvo. 1917. No. 11–12. P. 55–95.

²⁴¹ Там же. С. 61.

Ibidem. P. 61.

²⁴² Там же. С. 62.

Ibidem. P. 62.

²⁴³ Там же. С. 64.

Ibidem. P. 64.

²⁴⁴ Там же. С. 76.

Ibidem. P. 76.

²⁴⁵ Там же. С. 83.

Ibidem. P. 83.

²⁴⁶ Махонина С.Я. Указ. соч. С. 141.

Makhonina S.Ya. Op. cit. P. 141.

²⁴⁷ *Иван Михайлович Майский.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. В двух книгах. Книга 1. 1900–1934. М., 2005. С. 113–114, 120–121.

Ivan Mikhaylovich Maysky. Izbrannaya perepiska s rossiyskimi korrespondentami. Kniga 1. 1900–1934. M., 2005. P. 113–114, 120–121.

²⁴⁸ *Елпатьевский С.* Жизнь идет // Русское богатство. 1914. № 1. С. 276–294.

Elpatjevsky S. Zhizn idet // Russkoe bogatstvo. 1914. No. 1. P. 276–294.

²⁴⁹ Там же. С. 281.

Ibidem. P. 281.

²⁵⁰ Там же. С. 282.

Ibidem. P. 282.

²⁵¹ Там же. С. 283.

Ibidem. P. 283.

²⁵² Там же. С. 285.

Ibidem. P. 285.

²⁵³ Там же. С. 286.

Ibidem. P. 286.

²⁵⁴ Там же. С. 293.

Ibidem. P. 293.

²⁵⁵ Там же. С. 298.

Ibidem. P. 298.

²⁵⁶ Там же. С. 299.

Ibidem. P. 299.

²⁵⁷ *Петрищев А.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1914. № 3. С. 318–346.

Petrishchev A. Khronika vnutrenney zhizni // Russkoe bogatstvo. 1914. No. 3. P. 318–346.

²⁵⁸ Там же. С. 319.

Ibidem. P. 319.

²⁵⁹ *Петрищев А.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1914. № 4. С. 293.

Petrishchev A. Khronika vnutrenney zhizni // Russkoe bogatstvo. 1914. No. 4. P. 293.

²⁶⁰ *Майский В.* Властители современной Германии // Русское богатство. 1914. № 4. С. 206–230.

Mayskiy V. Vlastiteli sovremennoy Germanii // Russkoe bogatstvo. 1914. No. 4. P. 206–230.

²⁶¹ Там же. С. 207.

Ibidem. P. 207.

²⁶² Там же. С. 208.

Ibidem. P. 208.

²⁶³ Там же. С. 215–216.

Ibidem. P. 215–216.

²⁶⁴ Там же. С. 219.

Ibidem. P. 219.

²⁶⁵ Там же. С. 220.

Ibidem. P. 220.

²⁶⁶ Там же. С. 221.

Ibidem. P. 221.

²⁶⁷ Там же. С. 229.

Ibidem. P. 229.

²⁶⁸ Там же.

Ibidem.

²⁶⁹ *Дионео*. Из Англии. Бесовское навождение // Русское богатство. 1914. № 2. С. 179–202.

Dioneo. Iz Anglii. Besovskoe navozhdenie // Russkoe bogatstvo. 1914. No. 2. P. 179–202.

²⁷⁰ Там же. С. 179–180.

Ibidem. P. 179–180.

²⁷¹ *Белоруссов*. Милитаристы и пасифисты (письмо из Франции) // Русское богатство. 1914. № 7. С. 237–260.

Belorussov. Militaristy i pasifisty (pismo iz Frantsii) // Russkoe bogatstvo. 1914. No. 7. P. 237–260.

²⁷² Там же. С. 237.

Ibidem. P. 237.

²⁷³ Там же. С. 238.

Ibidem. P. 238.

²⁷⁴ Там же. С. 241–244.

Ibidem. P. 241–244.

²⁷⁵ *Русанов Н.С.* Обзорение иностранной жизни // Русское богатство. 1914. № 5. С. 294.

Rusanov N.S. Obozrenie inostrannoy zhizni // Russkoe bogatstvo. 1914. No. 5. P. 294.

²⁷⁶ Там же. С. 297.

Ibidem. P. 297.

²⁷⁷ Там же. С. 298.

Ibidem. P. 298.

²⁷⁸ *Пешехонов А.* На очередные темы. Вероятное и возможное // Русское богатство. 1914. № 8. С. 288–299.

Peshekhonorov A. Na ocherednye temy. Veroyatnoe i vozmozhnoe // Russkoe bogatstvo. 1914. No. 8. P. 288–299.

²⁷⁹ Там же. С. 288.

Ibidem. P. 288.

²⁸⁰ Там же. С. 290.

Ibidem. P. 290.

²⁸¹ Там же. С. 293.

Ibidem. P. 293.

²⁸² Там же. С. 294.

Ibidem. P. 294.

²⁸³ Там же. С. 296.

Ibidem. P. 296.

²⁸⁴ Там же. С. 289.

Ibidem. P. 289.

²⁸⁵ Там же. С. 294.

Ibidem. P. 294.

²⁸⁶ Там же. С. 299.

Ibidem. P. 299.

²⁸⁷ *Евгеньев-Максимов В.* Из истории «Русского богатства» (к двадцатипятилетию журнала) // Русское богатство. 1917. № 11–12. Ноябрь–декабрь. С. 94.

Evgenyev-Maksimov V. Iz istorii «Russkogo bogatstva» (k dvadtsatipyatiletiyu zhurnala) // Russkoe bogatstvo. 1917. No. 11–12. P. 94.

²⁸⁸ Там же. С. 93.

Ibidem. P. 93.

²⁸⁹ *Елпатовский С.* «Германия превыше всего» // Русские записки. 1915. № 1. С. 202–220.

Elpatovskiy S. «Germaniya prevyshe vsego» // Russkie zapiski. 1915. No. 1. P. 202–220.

²⁹⁰ Там же. С. 204.

Ibidem. P. 204.

²⁹¹ Там же. С. 205.

Ibidem. P. 205.

²⁹² Там же. С. 206.

Ibidem. P. 206.

²⁹³ Там же. С. 218.

Ibidem. P. 218.

²⁹⁴ *Дионео*. Из Англии // Русские записки. 1915. № 1. С. 220–242.

Dioneo. Iz Anglii // Russkie zapiski. 1915. No. 1. P. 220–242.

²⁹⁵ Там же. С. 220.

Ibidem. P. 220.

²⁹⁶ *Мокиевский П.* Вильгельм Вундт о «законной войне» // Русские записки. 1915. № 1. С. 291–299.

Mokievskiy P. Vilgelm Vundt o «zakonnoy voyne» // Russkie zapiski. 1915. No. 1. P. 291–299.

²⁹⁷ *Майский В.* Германия во время войны // Русские записки. 1915. № 1. С. 266–291.

Maysky V. Germaniya vo vremya voyny // Russkie zapiski. 1915. No. 1. P. 266–291.

²⁹⁸ Там же. С. 267.

Ibidem. P. 267.

²⁹⁹ Там же. С. 270.

Ibidem. P. 270.

³⁰⁰ Там же. С. 273.

Ibidem. P. 273.

³⁰¹ *Кареев Н.И.* В недавнем плену у германцев // Русские записки. 1915. № 1. С. 89–103.

Kareev N.I. V nedavnem plenu u germantsev // Russkie zapiski. 1915. No. 1. P. 89–103.

³⁰² Там же. С. 92–93.

Ibidem. P. 92–93.

³⁰³ Там же. С. 102.

Ibidem. P. 102.

³⁰⁴ *Борисов А.* Внутренние дела и вопросы // Русские записки. 1915. № 1. С. 299–341.

Borisov A. Vnutrennie dela i voprosy // Russkie zapiski. 1915. No. 1. P. 299–341.

³⁰⁵ Там же. С. 311.

Ibidem. P. 311.

³⁰⁶ *Борисов А.* Внутренние дела и вопросы // Русские записки. 1915. № 2. С. 285.

Borisov A. Vnutrennie dela i voprosy // Russkie zapiski. 1915. No. 2. P. 285.

³⁰⁷ *Мякотин В.* Галицкие украинцы и русский национал-либерал // Русские записки. 1915. № 2. С. 235–254.

Myakotin V. Galitskie ukraintsy i rusksiy natsional-liberal // Russkie zapiski. 1915. No. 2. P. 235–254.

³⁰⁸ Там же. С. 238–239.

Ibidem. P. 238–239.

³⁰⁹ Там же. С. 240.

Ibidem. P. 240.

³¹⁰ *Русанов Н.С.* Иностранная летопись // Русские записки. 1915. № 2. С. 281.

Rusanov N.S. Inostrannaya letopis // Russkie zapiski. 1915. No. 2. P. 281.

³¹¹ Там же. С. 282.

Ibidem. P. 282.

³¹² *Иноходцев А.В.* Вопросы тыла // Русские записки. 1915. № 1. С. 349.

Inokhodtsev A.V. Voprosy tyla // Russkie zapiski. 1915. No. 1. P. 349.

³¹³ Там же. С. 352.

Ibidem. P. 352.

³¹⁴ Там же. С. 355.

Ibidem. P. 355.

³¹⁵ *Иноходцев А.В.* Вопросы тыла // Русские записки. 1915. № 2. С. 324.

Inokhodtsev A.V. Voprosy tyla // Russkie zapiski. 1915. No. 2. P. 324.

³¹⁶ Там же. С. 330.

Ibidem. P. 330.

³¹⁷ Там же. С. 331.

Ibidem. P. 331.

³¹⁸ Там же.

Ibidem.

³¹⁹ Там же. С. 332.

Ibidem. P. 332.

³²⁰ Там же. С. 333.

Ibidem. P. 333.

³²¹ *Борисов А.* Внутренние дела и вопросы // Русские записки. 1915. № 2. С. 308.

Borisov A. Vnutrennie dela i voprosy // Russkie zapiski. 1915. No. 2. P. 308.

³²² Там же. С. 309.

Ibidem. P. 309.

³²³ *Дионео.* Из Англии (волонтёры и рекруты) // Русские записки. 1915. № 7. С. 221–245.

Dioneo. Iz Anglii (volontery i rekruty) // Russkie zapiski. 1915. No. 7. P. 221–245.

³²⁴ Там же. С. 221.

Ibidem. P. 221.

³²⁵ Там же.

Ibidem.

³²⁶ *Пилецкий Я.* Противоречия войны // Русские записки. 1915. № 7. С. 245–258.

Piletskiy Ya. Protivorechiya voyny // Russkie zapiski. 1915. No. 7. P. 245–258.

³²⁷ Там же. С. 246.

Ibidem. P. 246.

³²⁸ Там же. С. 247.

Ibidem. P. 247.

³²⁹ Там же. С. 248.

Ibidem. P. 248.

³³⁰ Там же. С. 249.

Ibidem. P. 249.

³³¹ Там же. С. 250.

Ibidem. P. 250.

³³² Там же. С. 251.

Ibidem. P. 251.

³³³ Там же.

Ibidem.

³³⁴ Там же. С. 251–252.

Ibidem. P. 251–252.

³³⁵ Там же. С. 254.

Ibidem. P. 254.

³³⁶ Там же. С. 255.

Ibidem. P. 255.

³³⁷ Там же. С. 257.

Ibidem. P. 257.

³³⁸ Там же. С. 258.

Ibidem. P. 258.

³³⁹ *Борисов А.* Внутренние дела и вопросы // Русские записки. 1915. № 7. С. 281–317.

Borisov A. Vnutrennie dela i voprosy // Russkie zapiski. 1915. No. 7. P. 281–317.

³⁴⁰ Там же. С. 283.

Ibidem. P. 283.

³⁴¹ Там же. С. 285.

Ibidem. P. 285.

³⁴² Там же. С. 288.

Ibidem. P. 288.

³⁴³ Там же. С. 291–292.

Ibidem. P. 291–292.

³⁴⁴ Там же. С. 299.

Ibidem. P. 299.

³⁴⁵ *Иноходцев А.В.* Вопросы тыла. Из пережитого и переживаемого // Русские записки. 1915. № 8. С. 290–317.

Inokhodtsev A.V. Voprosy tyla. Iz perezhitogo i perezhivaemogo // Russkie zapiski. 1915. No. 8. P. 290–317.

³⁴⁶ Там же. С. 290.

Ibidem. P. 290.

³⁴⁷ Там же. С. 291.

Ibidem. P. 291.

³⁴⁸ Там же. С. 292.

Ibidem. P. 292.

³⁴⁹ Там же. С. 293.

Ibidem. P. 293.

³⁵⁰ Там же. С. 294.

Ibidem. P. 294.

³⁵¹ Там же. С. 295.

Ibidem. P. 295.

³⁵² Там же. С. 296.

Ibidem. P. 296.

³⁵³ Там же. С. 301.

Ibidem. P. 301.

³⁵⁴ Там же. С. 302.

Ibidem. P. 302.

³⁵⁵ Там же. С. 303.

Ibidem. P. 303.

³⁵⁶ Там же. С. 315.

Ibidem. P. 315.

³⁵⁷ *Мякотин В.* Наброски современности. Чайяния момента // Русские записки. 1915. № 8. С. 317–330.

Myakotin V. Nabroski sovremennosti. Chayaniya momenta // Russkie zapiski. 1915. No. 8. P. 317–330.

³⁵⁸ Там же. С. 318.

Ibidem. P. 318.

³⁵⁹ Там же. С. 319.

Ibidem. P. 319.

³⁶⁰ Там же. С. 320.

Ibidem. P. 320.

³⁶¹ Там же. С. 322.

Ibidem. P. 322.

³⁶² Там же. С. 323–324.

Ibidem. P. 323–324.

³⁶³ Там же. С. 324.

Ibidem. P. 324.

³⁶⁴ Там же. С. 325.

Ibidem. P. 325.

³⁶⁵ Там же. С. 326.

Ibidem. P. 326.

³⁶⁶ Там же. С. 329.

Ibidem. P. 329.

³⁶⁷ Там же. С. 330.

Ibidem. P. 330.

³⁶⁸ *Русанов Н.С.* Иностранная летопись // Русские записки. 1915. № 9. С. 227–257.

Rusanov N.S. Inostrannaya letopis // Russkie zapiski. 1915. No. 9. P. 227–257.

³⁶⁹ Там же. С. 227.

Ibidem. P. 227.

³⁷⁰ Там же. С. 228.

Ibidem. P. 228.

³⁷¹ Там же. С. 229.

Ibidem. P. 229.

³⁷² *Inokhodtsev A.V. Voprosy tyla. Treščiny // Russkie zapiski. 1915. № 9. С. 257–280.*

Inokhodtsev A.V. Voprosy tyla // Russkie zapiski. 1915. No. 9. P. 257–280.

³⁷³ Там же. С. 257.

Ibidem. P. 257.

³⁷⁴ Там же. С. 258.

Ibidem. P. 258.

³⁷⁵ Там же.

Ibidem.

³⁷⁶ Там же. С. 259.

Ibidem. P. 259.

³⁷⁷ Там же.

Ibidem.

³⁷⁸ Там же. С. 260.

Ibidem. P. 260.

³⁷⁹ Там же. С. 262.

Ibidem. P. 262.

³⁸⁰ Там же. С. 268.

Ibidem. P. 268.

³⁸¹ Там же. С. 269.

Ibidem. P. 269.

³⁸² Там же. С. 273.

Ibidem. P. 273.

³⁸³ Там же. С. 274.

Ibidem. P. 274.

³⁸⁴ Там же. С. 275.

Ibidem. P. 275.

³⁸⁵ Там же. С. 276.

Ibidem. P. 276.

³⁸⁶ Там же. С. 277.

Ibidem. P. 277.

³⁸⁷ *Мякотин В.* наброски современности. Шаг на месте // Русские записки. 1915. № 9. С. 280–299.

Myakotin V. Nabroski sovremennosti. Shag na meste // Russkie zapiski. 1915. No. 9. P. 280–299.

³⁸⁸ Там же. С. 299.

Ibidem. P. 299.

³⁸⁹ *Кочеткова З.* Беглецы из немецкого плена // Русские записки. 1915. № 10. С. 133–152.

Kochetkova Z. Begletsy iz nemetskogo plena // Russkie zapiski. 1915. No. 10. P. 133–152.

³⁹⁰ Там же. С. 135.

Ibidem. P. 135.

³⁹¹ *Крюков Ф.* В глубоком тылу // Русские записки. 1915. № 10. С. 153–169.

Kryukov F. V glubokom tylu // Russkie zapiski. 1915. No. 10. P. 153–169.

³⁹² Там же. С. 161.

Ibidem. P. 161.

³⁹³ *Чекин А.* Мобилизация народного богатства // Русские записки. 1915. № 9. С. 205–226.

Chekin A. Mobilizatsiya narodnogo bogatstva // Russkie zapiski. 1915. No. 9. P. 205–226.

³⁹⁴ Там же. С. 205.

Ibidem. P. 205.

³⁹⁵ Там же. С. 221.

Ibidem. P. 221.

³⁹⁶ Там же. С. 224.

Ibidem. P. 224.

³⁹⁷ Там же. С. 226.

Ibidem. P. 226.

³⁹⁸ *Русанов Н.С.* Иностранная летопись // Русские записки. 1915. № 10. С. 286–310.

Rusanov N.S. Inostrannaya letopis // Russkie zapiski. 1915. No. 10. P. 286–310.

³⁹⁹ Там же. С. 293.

Ibidem. P. 293.

⁴⁰⁰ *Русанов Н.С.* Иностранная летопись // Русские записки. 1916. № 2. С. 273–298.

Rusanov N.S. Inostrannaya letopis // Russkie zapiski. 1916. No. 2. P. 273–298.

⁴⁰¹ Там же. С. 273.

Ibidem. P. 273.

⁴⁰² Там же. С. 286.

Ibidem. P. 286.

⁴⁰³ *Иноходцев А.В.* Вопросы тыла // Русские записки. 1915. № 10. С. 310–336.

Inokhodtsev A.V. Voprosy tyla // Russkie zapiski. 1915. No. 10. P. 310–336.

⁴⁰⁴ Там же. С. 310.

Ibidem. P. 310.

⁴⁰⁵ Там же. С. 311.

Ibidem. P. 311.

⁴⁰⁶ Там же. С. 318.

Ibidem. P. 318.

⁴⁰⁷ Там же. С. 321.

Ibidem. P. 321.

⁴⁰⁸ *Петрищев А.* Внутренняя летопись // Русские записки. 1916. № 2. С. 180–209.

Petrishchev A. Vnutrennyaya letopis // Russkie zapiski. 1916. No. 2. P. 180–209.

⁴⁰⁹ Там же. С. 181.

Ibidem. P. 181.

⁴¹⁰ Там же. С. 192.

Ibidem. P. 192.

⁴¹¹ *Петрищев А.* Внутренняя летопись // Русские записки. 1916. № 3. С. 196–222.

Petrishchev A. Vnutrennyaya letopis // Russkie zapiski. 1916. No. 3. P. 196–222.

⁴¹² Там же. С. 202.

Ibidem. P. 202.

⁴¹³ *Пешихонов А.* На очередные темы. Экономическая проблема и экономические планы // Русские записки. 1916. № 3. С. 259–284.

Peshekhonorov A. Na ocherednyye temu. Ekonomicheskaya problema i ekonomicheskie plany // Russkie zapiski. 1916. No. 3. P. 259–284.

⁴¹⁴ Там же. С. 260.

Ibidem. P. 260.

⁴¹⁵ Там же. С. 263.

Ibidem. P. 263.

⁴¹⁶ Там же. С. 264.

Ibidem. P. 264.

⁴¹⁷ Там же. С. 267.

Ibidem. P. 267.

⁴¹⁸ Там же. С. 268.

Ibidem. P. 268.

⁴¹⁹ Там же. С. 269.

Ibidem. P. 269.

⁴²⁰ Там же. С. 272.

Ibidem. P. 272.

⁴²¹ Там же. С. 273.

Ibidem. P. 273.

⁴²² Там же. С. 274–275.

Ibidem. P. 274–275.

⁴²³ Там же. С. 282.

Ibidem. P. 282.

⁴²⁴ *Петрищев А.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1917. № 11–12. С. 259–282.

Petrishchev A. Khronika vnutrenney zhizni // Russkoe bogatstvo. 1917. No. 11–12. P. 259–282.

⁴²⁵ Там же. С. 265.

Ibidem. P. 265.

⁴²⁶ Там же. С. 267.

Ibidem. P. 267.

⁴²⁷ Там же. С. 268.

Ibidem. P. 268.

⁴²⁸ Там же. С. 269.

Ibidem. P. 269.

⁴²⁹ Там же. С. 270.

Ibidem. P. 270.

⁴³⁰ Там же.

Ibidem.

⁴³¹ Там же. С. 271.

Ibidem. P. 271.

⁴³² Там же. С. 272.

Ibidem. P. 272.

⁴³³ Там же. С. 273.

Ibidem. P. 273.

⁴³⁴ Там же.

Ibidem.

⁴³⁵ Там же. С. 274.

Ibidem. P. 274.

⁴³⁶ Там же. С. 275.

Ibidem. P. 275.

⁴³⁷ Там же. С. 282.

Ibidem. P. 282.

⁴³⁸ Там же. С. 278.

Ibidem. P. 278.

⁴³⁹ Там же. С. 280.

Ibidem. P. 280.

Научное издание

Агапов Вадим Львович

**Перед катастрофой:
Россия в Первой мировой войне 1914–1918 гг.
в зеркале русского «толстого» журнала**

Монография

В авторской редакции
Компьютерная верстка и дизайн обложки *Е.А. Прудкогляд*
При оформлении обложки использованы фотографии,
сделанные автором в Приморском государственном
объединенном музее им. *В.К. Арсеньева*

Подписано в печать 24.02.2014
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 9,42
Тираж 500 экз. Заказ

Издательство Дальневосточного университета
690091, г. Владивосток, ул. Фонтанная, 47

Отпечатано в типографии
690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10

Scientific publication

Agapov Vadim L.

**Before the catastrophe:
Russia in World War I 1914–1918
in the mirror of russian «thick» magazine**

Monograph

In the author's edition
Cover design and layout by *E.A. Prudkoglyad*
With cover design used photos taken by the author
in the Primorsky State Integrated Museum
named after *V.K. Arsenyev*

Signed in print 24.02.2014
Format 60x84/16. Printed sheets 10,93. Publishing lists 9,42
Circulation 500 instances. Order

Far Eastern University Press
690091, Vladivostok, Fontannaya St., 47

It is printed in printing house of Management of printing activity
690990, Vladivostok, Pushkinskaya St., 10